

Демон в полдень 2:

Я и мой оригинал

АНАСТАСИЯ СОЛНЦЕВА

Серафима перенеслась в страну сидхов. И теперь её ждет множество новых приключений. Придется заново познакомиться с родственниками, сбежать от весьма назойливого и болтливого дракона, пройти по пути очищения и встретиться с тем, кого она считала давно погибшим. А пока она пытается выбраться из Атталарии, в её родном мире происходит кое-что ужасное...

1.

Я сидела в кресле-качалке на деревянной веранде пляжного домика, выкрашенного в белый цвет. Передо мной возвышались такие же белые высокие деревянные перила, а за ними сразу начиналось бескрайнее синее море, которое на горизонте сливалось с таким же глубоким синим и безграничным небом. Солнце уже клонилось к закату, отчего на зеркальной глади спокойной воды пролегла дорожка света.

Морской бриз с отчетливым привкусом соли ласково гладил кожу и игрался с прядями моих волос, то отбрасывая их за спину, то вороша и приподнимая. Я ощущала полную расслабленность во всем теле. Не хотелось ничего, в том числе и шевелиться. Я лишь мерно покачивалась в кресле, наблюдая за морем и его жизнью. За тем как набегают на берег и отступает обратно волна, как парит в небе одинокая чайка, высматривая в море добычу, как где-то вдалеке играет друг с другом стайка дельфинов, синхронно выныривая из воды и погружаясь обратно, словно танцуя некий загадочный танец, известный морским жителям еще с начала времен.

Тепло. Тихо. Спокойно.

- Существует одна древняя германская легенда про девушку по имени Ондина. Ондина была русалкой и однажды она, как и все девушки, влюбилась. Возлюбленным русалки стал рыцарь Лоуренс, который ответил Ондине взаимностью, ибо была она красоты неземной. Девушка согласилась выйти замуж за любимого, несмотря на то, что она знала — стоит ей родить ребенка, как бессмертие будет ею безвозвратно потеряно. Но любовь была сильнее страха смерти и старения. Возле венчального алтаря рыцарь поклялся Ондине в верности, произнеся: «Залог моей любви и верности тебе — дыхание каждого моего утреннего пробуждения». Прошел год, Ондина родила своему рыцарю сына, отдав за ребенка всю свою магию. Шли годы, Ондина старела, утрачивая свой прежний прекрасный облик. Рыцарь, что когда-то клялся ей в бесконечной любви стал терять к ней интерес. И вот однажды женщина вернулась домой и застала мужа в объятиях другой, молодой и прекрасной девушки. Бывшая русалка, оставившая море ради любви, прокляла его со словами: «Ты поклялся перед богами в верности мне своим утренним дыханием! Так пусть оно будет при тебе, пока ты бодрствуешь. Но едва ты уснешь, как дыхание на веки покинет твое тело!».

— Какая очаровательная история, — медленно протянула я и повернула голову направо. Туда, где в таком же кресле-качалке также глядя на море сидел Сашка. Аккуратно причесанный, свежесбрившийся, в черных брюках и в тон ей рубашке. — Но зачем ты мне её рассказал?

Сашка пожал широкими плечами и этот жест мог обозначать что угодно.

— Она мне нравится, — задумчиво глядя вперед, произнес друг. — Несет в себе определенный смысл.

— И какой же это? — ворчливо отозвалась я и потянулась к коктейлю, который

непонятным образом оказался на столике рядом со мной. Коктейль был бело-розового цвета с толстой трубочкой и ломтиком клубники, зацепленным за край тонконового бокала. На вкус напиток был как ягодный взрыв во рту. Освежающий, бодрящий и возвращающий желание жить. Сонная дремота и лень тут же растаяла, словно легкий дымок на ветру.

— В этой легенде заключен самый главный смысл жизни — нельзя жертвовать собой ради тех, кто не готов поступить так же ради тебя, — посуровел Сашка.

— А как узнать, кто готов, а кто нет? — задалась я вопросом, также устремив свой взгляд к безоблачному, постепенно приобретающему лиловые оттенки и успокаивающе прекрасному небу.

— Никак, — безразлично отозвался Сашка. — А потому не стоит этого делать вообще.

— Что было дальше? — спросила я, потягивая напиток. — С Ондиной и Лоуренсом?

— Лоуренс умер, — безразлично отозвался друг. — А Ондина бросилась со скалы в море, но не погибла. Стихия пожалела её и сохранила жизнь, вернув магию.

Я тяжело сглотнула, оставила опустевший наполовину стакан и задала вопрос, куда более значимый, чем сказка про несчастную любовь, в которой ощущался красноречивый подтекст.

— Зачем ты здесь?

— Здесь — на этой веранде? — повернулся ко мне Сашка с едва угадываемой улыбкой на устах. — Или здесь — в твоей голове?

И в этот момент погода начала меняться. Ветер подул сильнее, опустив температуру воздуха сразу на десяток градусов. А там, внизу под перилами, волны забили об берег яростнее, злее, резче, чем прежде.

Я подтянула одеяло повыше, прикрывая плечи и грудь от холода.

— Оба варианта, — говорить было тяжело. Вернее, говорить вообще не хотелось. Хотелось, чтобы все вернулось к тому, с чего начиналось — к тишине, спокойствию, теплу и одиночеству.

— Я здесь, чтобы поговорить с тобой, — вдруг жестко произнес Сашка. Я повернулась и наши взгляды встретились. — Потому что все, что ты сейчас видишь — нереально. Это проекция твоего умирающего мозга.

Моя рука непроизвольно дернулась к шее.

— Умирающего? — выдавила я через силу.

— В данный момент ты находишься не на берегу моря, а там, куда я не могу добраться. В другой стране. В другом мире. И ты не дышишь. «Проклятье Ондины», так неофициально называют остановку дыхания во сне.

Я попыталась напрячь память и вспомнить события последних дней. Получалось... плохо. В голове был не то, что туман. Там в кровавом соку плавало нечто желеобразное.

— Почему я сплю? — именно это показалось мне наиболее не логичным.

— Потому что, когда тебя забрали, ты разозлилась. И начала швыряться огнем во все, что шевелилось. А шевелилось там очень многое — стража, охотники из королевской свиты, предводитель Дикой охоты, его любимый конь. И единственное, что смог придумать этот дубина — усыпить тебя, но в процессе немного перестарался. В общем, в стадии сны ты находишься уже почти три недели. И вот сегодня, сейчас, твое тело перестало дышать. Сколько ты протянешь еще в таком состоянии — одному небу известно. А те, кто тебя забрал еще не знают, что тебе нужна помощь. Хоть за тобой и присматривают постоянно, но, как говорится, у семи нянек дитя без глазу.

— Удивлена твоими знаниями древних, как дерьмо мамонта, поговорок, — хмыкнула я и попыталась натянуть одеяло на голову, словно маленькая девочка, которая прячется от монстров, затаившихся под кроватью. При этом сама голова ощущалась просто бесплатным приложением к остальному туловищу и выполнять свои изначальные функции отказывалась наотрез.

— Ты меня слышишь? Ты умираешь! — вонзился в сознание голос Сашки, такой назойливо-резкий, похожий на дребезжание старого будильника.

— Ну, умираю и умираю, — безразлично отозвалась я из-под не до конца натянутого на макушку одеяла. — Подумаешь, какая ерунда.

Я не видела, как поднялся Сашка. Но услышала. Услышала тяжелые глухие шаги, а после меня схватили за плечи и с силой встряхнули. Одеяло упало, а у меня перед носом оказалась грудная клетка товарища. Я машинально прикрыла глаза.

— Думаешь, можно вот так вот просто, взять и отказаться от всего? — я зажмурилась еще крепче, чувствуя на лице Сашкино дыхание. Оно было горячим. Обжигающе горячим и прерывистым. — Отказаться от своей жизни? От борьбы? От меня?

На последних словах я удивилась настолько, что веки мои непроизвольно распахнулись.

— А ты-то тут при чем?

— Мне пришлось собрать целый ведьминский ковен для того, чтобы получить возможность увидеться с тобой, — зло скривился Сашка, глядя мне в глаза с каким-то необъяснимым томлением. Я же смотрела на его лицо размышляя, когда вдруг оно успело приобрести такие угловатые черты, стать жестче и при этом отчетливо выразительнее. — Знаешь, чего мне это стоило? Огромной суммы денег, бесконечных усилий и сотни часов уговоров, щедро сдобренных изощренными угрозами.

— Ты похудел, — немного отстраненно заметила я.

Сашка безразлично пожал плечами и выровнялся.

— Тебя утащили прямо у меня из-под носа. Неужели ты думаешь, что я буду тратить время на застолья, в то время, как моя... бывшая напарница находится в мерзких лапах сидхе.

Я откинула одеяло, которое уже стало без надобности. Внезапно поднявшийся ветер утих так же быстро, как и начался. Окружающий мир вновь погрузился в благоденствующее безмолвие, окрашенное красно-желтыми красками закатного солнца.

— Кто они, эти сидхе? И что за мир, в котором я, по твоим словам, сейчас нахожусь?

Сашка окинул меня оценивающим взглядом, задумчиво кивнул, кажется, не мне, а после вернулся обратно к креслу. Уселся с удобствами и только тогда начал говорить:

— Сидхе упоминаются в человеческой мифологии, о них знали еще кельты. По их версии, сидхе — боги, обитающие в курганах.

— А на самом деле?

— На самом деле сидхе и вправду когда-то давно обитали в мире людей. Откуда они пришли — неизвестно, но им у нас нравилось. Люди почитали сидхе за высших существ, поклонялись им, строили храмы и проводили ритуалы. Но когда в наш мир стали наведываться ифриты, сидхе покинули нас и удалились в другой мир.

— Они не ладят между собой, — сообразила я.

— Да, — подтвердил Сашка. — Терпеть друг друга не могут. С чего началась эта вражда — неизвестно, но в открытое противостояние она никогда не переросла. Потому что обе стороны понимали, война — это гарантированное самоуничтожение. Они как две страны с одинаковым ядерным вооружением — стоит кому-то нервному ткнуть на кнопку, и вся

человеческая цивилизация отправится в одно глубокое и неизвестное место. Но и между собой сидхе не очень дружны. Сейчас этот волшебный народ разделен на два противоборствующих лагеря — Благой и Неблагой Дворы. В соответствии с этим все сидхе делятся на благих и не благих. Так же существует географическое деление — Неблагой Двор расположен на Острове Хрустальной Башни, столицей которой является город Ирифия. Благие заняли остров Авалон, возведя в его центре столицу Атталарию.

— И куда затащили меня? — ощущая себя все хуже и хуже с каждой минутой, спросила я.

— Ты сейчас находишься у благих, — сообщил Сашка.

— И кто управляет всем этим балаганом? — поморщилась я. — Кто директор цирка?

— Короли, вернее, король у Благих и королева у Неблагих. О демократии сидхе ничего не слышали. У них полная и абсолютная наследуемая монархия. Трон передается от действующего правителя к его первенцу не зависимо от пола последнего. Как царство Благих, так и царство Неблагих, имеют свои территориальные деления. Согласно давно сложившейся традиции, территории обоих Дворов делятся на двенадцать Холмов — по одному на каждое из двенадцати высокородных семейств. Всего двадцать четыре семьи, если считать оба Двора. Их называют Великими Родами, это, так сказать, верхушка аристократии. В центре каждого Холма имеется замок, который охраняет своя собственная небольшая армия. Холмом управляет Глава Рода — самый старший мужчина в семье. Так как сидхе живут долго и перестают стареть по достижению совершеннолетия, а это двадцать пять лет, то Главы Родов меняются едва ли не раз в полтысячи лет. На своей территории Глава Рода — и закон, и судья, и обвинитель, и, если понадобится, палач. В пределах своих владений он может делать все, что захочет. Подчиняется только действующему монарху и его официально объявленному наследнику. Раз в год все Великие Рода обоих Дворов объединяются и в полном составе прибывают в королевский дворец на Йоль. Так они называют бал, даваемый в честь зимнего солнцестояния. По очереди Йоль празднуется то на территории Благих, то в гостях у Неблагих. Для сидхе это великий день, который каждый год отмечается с большим размахом.

— Любят покутить, да? — хмыкнула я, проследив за резко спикировавшей к воде чайке, явно углядевшей что-то под зеркальной гладью потемневшего, из-за уже наполовину скрывшегося за горизонтом солнца, моря, которое начало напоминать ртуть. Я всегда любила закаты. Время, когда мир словно задерживает дыхание, замирает, а после перешагивает из одного состояния — в другое. В такие моменты я чувствовала себя практически безмятежно, умиротворенно. Как будто вместе с миром замирало и что-то внутри меня.

Закат, который я наблюдала сейчас, в этом своём то ли сне, то ли предсмертной агонии был бесконечно прекрасен. И все же, что-то было не так. Что-то давило на меня, весь этот мир давил на меня, словно пытаясь вытолкнуть обратно, туда, в объятия реальной жизни и реальной боли.

— И это тоже, — сдержанно согласился Сашка. — Но по факту Йоль — это чествование памяти их прародительницы Нимфеи. Сидхе верят, что в один из дней зимнего солнцестояния она вернется к ним, вновь объединит сидхе и вернет забытым богам их славу и могущество. Возвращение Нимфеи означает Благоприятный Цветок с Небес. Это очень редкий и очень маленький белый цветок, чей стебель тоньше человеческого волоса. Согласно преданию, Цветок с Небес распускается лишь в присутствии Первой из сидхе, как

они еще называют Нимфею.

— Красивый миф, — оценила я, ощущая усиливающуюся жажду. Но ничего, похожего на пресную питьевую воду поблизости не было. Пропал даже давешний бокал с коктейлем.

— Никто не знает, сколько в этой истории правды, а сколько вымысла, — подался ко мне Сашка, тяжелый взгляд которого я почувствую, даже будучи в коматозном состоянии. — Но вот, что я знаю точно. В этом году мероприятия по случаю Йоля будут проходить во дворце Благого Двора. Бал состоится уже через пару дней и тебе придется там присутствовать.

— Что? — громко возмутилась я, даже позабыв о своей нестерпимой сухости в горле. — С какого это такого?

— Поймешь, — со странным нажимом произнес Сашка, сурово глядя мне в глаза. — Но ты там будешь, этого уже не избежать. А теперь слушай и запоминай. Первое — не принимай ни от кого еду и питье. Это важно. Ешь и пей только то, что возьмешь со стола сама. Не бери никаких подарков, но будь готова к тому, что тебе настойчиво будут пытаться вручить все, что ни попадя — от ювелирных украшений до лошадей. Не принимай ничего, то есть, не только отклоняй подарок на словах, но и не прикасайся к тому, что тебе будут пытаться всучить. Часть твоего наряда будут, скорее всего, составлять перчатки. Так вот, не снимай их ни при каких условиях, даже если тебя об этом попросят. Особенно, если тебя об этом попросят! Второе — ни при каких условиях и ни с кем не оставайся наедине. Даже, если будут слезно молить о личной аудиенции или звать оказать помощь. Не важно кому: испуганному ребенку, подстреленному орлу или хромящему щенку, все равно! Но ты должна оставаться среди большого количества людей.

— А если я захочу в туалет? — скривилась я от перспективы присутствовать на каком-то там балу. Я что, похожа на дебютантку? Или на Наташу Ростову?

— Терпи, — жестко приказал Сашка. Мы обменялись долгими взглядами. Его был тяжелым, едва выносимым и содержал больше эмоций, чем я видела от него за всю жизнь. И больше, чем хотела бы видеть. Кажется, он за меня переживал. Переживал так, что едва справлялся с собой. И кажется, он не верил, что меня ждет счастливое завершение свалившихся на голову приключений. В какой-то момент мне показалось, что он практически готов попроситься.

— Ладно, — быстро согласилась я. — Постараюсь. Не в курсе, где у сидхе можно купить подгузники?

— О Боги, Фима, просто не пей ничего на балу и за несколько часов до него, — не выдержал Сашка, схватившись за голову.

— Да поняла я уже, поняла, — быстренько сползла я пониже, пока другу не пришла идея испробовать на прочность уже мой череп.

— Дальше, при обращении к сидхе используй слово «асид» для мужчины, и «асида» для женщины, — продолжил Сашка чуть уставшим тоном. Присмотревшись к его лицу, я поняла, что ему тоже не очень хорошо. Кожа посерела, на лбу и над верхней губой выступили капельки пота, а на немного запавших щеках появился нездоровый румянец. Его как будто лихорадило, но что самое удивительное — примерно так же ощущала себя и я. — Это подойдет для всех, кроме тех, кто причислен к королевской семье. В это случае, к женщине королевского рода следует обращаться с приставкой «раниеша», а мужчине «раилай». Это является обозначением их статуса. Правила общения с принцессой подразумевают использование слова «рейна», в случае с принцем — «радай». Но это не касается прямых

наследников престола, в это случае надо говорить «ис-рейна» и «ис-радай».

— Ты чертовски плохо выглядишь, — мрачно заметила я, глядя на то, как другу становится все хуже и хуже прямо у меня на глазах.

— Ты тоже не потянешь на обложку журнала, — ухмыльнулся он уголками губ, а после смерил меня суровым взглядом. — Мне очень трудно удерживаться внутри твоей головы. Те, кто приглядывает за тобой уже заметили, что что-то не так.

— И приступили к спасательной операции, — догадалась я. — Так вот, почему у меня как будто внутренности вибрируют.

— Фима, — рыкнул Сашка и его очертания задрожали в такт моей внутренней дрожи. — Очень важно, чтобы ты запомнила все, что я тебе сейчас сказал.

— Почему? — безразлично качнула я головой.

— Потому что от этого зависит твоя жизнь! — проорал друг и вцепился в подлокотники кресла. — Этикет для сидхе очень важен, и ошибка может стоить слишком дорого.

— Мне что, отрубят голову, если я не той вилкой тарталетку расковыряю? — хмыкнула я, а внутреннее давление, тем временем, нарастало.

— Нет, вызовут на дуэль, которую ты, вероятнее всего, не переживешь! — вновь начал орать на меня друг, чья лицо в этот момент выражало крайнюю степень напряжения. Он был похож на тяжелоатлета, пытающегося установить рекорд в поднятии штанги. — Они боги, детка, а ты всего лишь полукровка, которая всю сознательную жизнь игнорирует собственные способности!

И повисла звенящая тишина, позволившая расслышать нарастающий где-то вдалеке гул. Посмотрев в сторону моря, я увидела огромную волну, стремительно приближающуюся к берегу.

— У нас мало времени, — проследив за моим взглядом, заявил Сашка. — Сейчас мне придется покинуть тебя, но помни — я рядом.

— Да, — грустно улыбнулась я другу, в то время, как огромная, высотой с девятиэтажку, волна была уже в нескольких метрах от нас. — Но некоторое время тебе придется побыть рядом где-то в другом месте.

— Я вернусь, — попытался он меня приободрить. — Постарайся не сдохнуть до тех пор.

— Приложу все усилия, — фальшиво рассмеялась я.

А в следующую секунду на нас обрушилось цунами.

2.

Приходила в себя я медленно и мучительно. То есть, сознание моё очнулось и даже начало потихоньку соображать, но вот тело было как будто бы чужое и совершенно не желало слушаться. Руки и ноги онемели, шея одеревенела, в боку что-то кололо, а поясница ныла так, как если бы мне задвинули железным ботинком по почкам. С трудом и с третьего раза я смогла сесть, а вот на то, чтобы открыть глаза времени ушло больше. Наконец, сквозь белую пелену тумана и моих собственных слез я увидела...фею.

Нет, правда, настоящую такую фею, с прозрачными крылышками, длинными золотистыми волосами и белой кожей, облаченную в сверкающему платье, которое прикрывало все, что надо, но не скрывало длинных изящных ножек, болтающих в воздухе.

— Твою ж мать, — хрипло выдохнула я, глядя на зависшее в воздухе прямо напротив моего лица волшебное существо. Размером оно было чуть меньше кошки и смотрело на меня внимательным изучающим взглядом, одновременно быстро-быстро порхая крыльями,

производящими тихое шуршание и легкий стрекот. И вот если бы не он, я бы точно решила, что мой мозг выполз через ухо и ушел по своим делам. А так, реальность происходящего была примерно пятьдесят на пятьдесят.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила фея, склоняя кукольную головку к игриво выглядывающему из-под коротких рукавов платья плечу. Голос её был тонким и высоким, а в отголоске его слышался перезвон хрустальных колокольчиков.

— Как после долговременного запоя, — сообщила я и мой хриплый голос по сравнению с её звучал...ну, примерно, как бензопила в сравнении со скрипкой Страдивари. — И лучше бы это действительно был запой.

Закашлявшись, я еще раз потерла глаза и осмотрелась.

Помещение, в котором я находилась напоминало что-то среднее между хозяйскими покоями в средневековом замке и домиком куклы. Сочетание немного жуткое и откровенно странное. А еще здесь, кажется, собрали все существующие во вселенной оттенки розового.

По стенам были развешаны тяжелые бархатные полотна лилового цвета, драпируя собой грубую каменную кладку. Два узких и высоких арочных окна прикрывали шелковые гардины цвета фуксии. Пол, выполненный из того же материала, что и стены, укрывал мягкий и очень пушистый на вид ковер лососевого оттенка. По куполообразному потолку плелись какие-то цветы, словно растущие из каменных стен и отдаленно напоминающие розы. А в центре всего этого великолепия высилась огромная кровать, своими размерами напоминающая авианосец, с балдахином из прозрачной и тонкой, тоньше вуали, ткани светло-малинового оттенка. Каркас кровати являл собой бесполезное использование настоящего дуба. И, судя витающему вокруг меня запаху, создан был этот шедевр столярного искусства совсем недавно. Пахло дубом и...еще чем-то хвойным, томительно знакомым.

— Что такое запой? — звонко поинтересовалась фея, вновь привлекая к себе моё внимание.

Переведя взгляд на порхающее у меня перед носом подобие крупной бабочки, я мысленно подивилась её красоте. Лицо феи было не просто прекрасным, оно практически не поддавалось описанию. Наверное, даже самый талантливый человеческий художник не смог бы передать всю красоту её облика. И вместе с этой мыслью пришло осознание, что я на фоне этой крылатой я выгляжу особенно убого. Странная мысль, необычная такая. Прежде, я никогда не задумывалась о собственной внешности. Я всегда жила с осознанием того, что привлекательна сама по себе, по своей природе, и это было также естественно, как и дышать. Понимание того, что я проигрываю этой дамочке в юбочке по всем фронтам как-то странно... задевало.

Тряхнув головой, я отогнала странно-назойливые мысли о внешности и попыталась встать. Но тут же с вскриком повалилась обратно, потому что обе мои ноги пронзило острой болью, как если бы я наступила на раскаленные штыри, которые проткнули мое тело едва ли не насквозь. Пару лет назад я сломала ногу, которая зажила за два дня исключительно благодаря настойкам Дарины и моей повышенной регенерации. Но чтобы добраться до ведьмы со сломанной ногой, мне пришлось постараться, а именно преодолеть пешим ходом несколько километров по плохо проходимым лесным тропам. И вот когда я тогда становилась на поврежденную конечность ощущения были примерно такими же, как сейчас — словно после продолжительного забега по противотанковым «ежам».

Несколько минут я стонала в подушку, упав на постель навзничь, а между стонами громко матерясь. Лицо обдавало ветерком, несущим в себе легкие цветочные нотки, а это

означало, что фея порхала где-то поблизости у моей головы. Что она хотела сделать, помочь или добить, так и осталось загадкой. Потому что где-то на моменте, когда я перешла с короткой и лаконичной ненормативной лексики на более забористые и изощренные ругательства, поминая чужих родственников, громко грохнула дверь.

Как я успела заметить несколькими минутами ранее, двери тут были, как и полагалось замку — высокими, выструганными из цельного дерева, оббитые крупными железными наличниками и имеющие совершенно неприступный вид. По идее, такие даже тарану не по зубам, а глядишь ты, нашелся кто-то, кто смог их распахнуть с такой силой, что задрожал пол, а вместе с ним — и мы с кроватью и балдахином.

С трудом отодрав голову от подушки, я приоткрыла глаза, чтобы пронаблюдать за гордым шествием в мою сторону уже знакомого бородатого блондина. И если в первый раз он показался мне невыносимо притягательным, то теперь очарования как не бывало. Я смотрела на его облаченную во всё черное фигуру,двигающуюся одновременно с силой и грациозностью, и не могла понять, почему при первой встрече меня так от него проняло? Скандинавского типа мужик, да, красивый, но не настолько, чтобы у меня, повидавшего много всякого суккуба, мозг замкнуло. Что-то здесь не так.

— Тебе стало лучше, — он не спрашивал, утверждал. Глубоким низким голосом с едва заметными вибрирующими нотками.

— Я бы не была в этом так уверена, — проворчала я, пытаюсь занять более подходящую для беседы позу. Потому что валяться беззащитным клубочком перед мало знакомым типом, который меня похитил, а потом еще и усыпил, не хотелось. То ли гордость не позволяла, то ли чувство природного самосохранения.

— Почему? — нахмурил блондин свои широкие густые брови.

— Встать не могу, — честно сообщила я.

— Последствия заклинания, мой господин, — голосом, который стал еще выше от интенсивного подобострастия, отчиталась крылатая фея. В момент появления этого самого господина, она спланировала практически к самому полу и склонилась в низком поклоне. Да так и застыла в подчиненной позе, демонстрирующей подчинение. И говорила, обращаясь к полу, старательно не отрывая глаз от неровной каменной кладки.

— Спасибо, Ифа, — коротко кивнул бородач. — Ты свободна.

— Да, мой господин, — еще ниже поклонилась крылатая и резво помахала крылышками к двери. Мне это не понравилось. Оставаться один на один с явно не очень мирно настроенным по отношению к моей скромной персоне незнакомцем не хотелось.

— Стой! — вырвалось у меня раньше, чем я успела подумать, что делаю. — Останься. Я хочу, чтобы ты осталась.

Та, которую блондин назвал Ифой, резко остановилась, словно наткнувшись на невидимую преграду, а после оглянулась на мужчину с застывшим в глазах-бисеринках вопросом. Но тот в ответ лишь отрицательно качнул головой и фея, не глядя на меня, резво рванув вперед, вылетела в дверной проём. Бородач небрежно взмахнул левой рукой, обтянутой черной перчаткой, и створки захлопнулись. А я нервно сглотнула.

Еще один взмах рукой и напротив кровати образовалось кресло — строгих форм, высокое, оббитое черным бархатом и отчаянно смахивающее на трон, к которому тяжело шагая направился блондин.

— Ты бы представился, прежде чем устраиваться с удобствами, — хмуро проследила я за тем, как блондин сбросил на спинку кресла явно тяжелый плащ-накидку и, оставшись в

плотно облегающих черных штанах, строгом прямом черном камзоле и высоких сапогах, угнездился на сидении. — А то удобств можно и лишиться, знаешь ли.

— Меня зовут Альмод, — с непререкаемым превосходством глядя мне прямо в глаза сообщил блондин. Я в этот момент почувствовала себя кем-то...ну, вроде пыли на его ботинках. Сверкающих словно зеркало, начищенных ботинках, надо сказать. — И ты можешь обращаться ко мне «мой господин».

Я на секунду замерла, а после картинно откинула голову назад и расхохоталась, постаравшись сделать это максимально громко.

— Обязательно, — пообещала я, закончив неискренне смеяться. — Но не в этой жизни.

Бородач ничего не ответил, лишь демонстративно положил себе на колени хлыст для верховой езды.

Бородач ничего не ответил, лишь демонстративно положил себе на колени хлыст для верховой езды.

— Ну, с именем понятно, — я презрительно выгнула бровь в ответ на его попытку меня запугать. — А по должности ты кто?

— Ис-рейн Благого Двора Альмод Эштаргакар, Принц Бури и Мрака.

— Эммм, — немного растерялась я. — Принц Бури и Мрака? Ты присвоил себе природные явления? Это как?

Тот, который Альмод, угрожающе склонил голову и тихо, но очень отчетливо, проговорил:

- Это так, что я повелеваю этими природными явлениями.

— Масштабненько, — скептически оценила я. — То есть, ты можешь вызвать дождик и полить огород?

— Я могу вызвать тайфун, наслать ураган, поднять с морского дна остров, укрыть весь мир снегом или песком. Я могу устроить потоп, который создаст новый океан, — начал перечислять красавчик даже без намека на улыбку. — Я могу испепелить целый город молниями. Я могу вызвать оглушающий гром. Я могу...

— Понятно, понятно, — замахала я руками. — Ты много чего можешь. Отлично. Молодец. Но остается вопрос.

— Какой? — нахмурился бородач.

— За каким хреном тебе я понадобилась? Ты меня зачем сюда приволок, да еще и отправил в длительную бессознанку? Или у тебя щенок сдох и ты решил использовать меня в качестве нового домашнего питомца? Предупреждаю сразу, тапки в зубах носить не умею.

— В момент нашей встречи ты была не способна к осознанному диалогу, — спокойно пояснил Альмод. И в его голосе отсутствовало не только сожаление о произошедшем, но и в принципе хоть какие-либо человеческие эмоции. — Зато ты настроена поговорить сейчас. Я рад.

— А я — не очень.

— Я так долго тебя искал.

— А я пряталась как могла ото всех, кто пытался меня найти, — широкой улыбкой заулыбалась я. — Так приятно в этом признаться.

— Тебе надо научиться быть...

— Спокойнее? — я сложила руки на груди.

— Покорнее, — закончил Альмод.

— Ну, что ты, милый, — захлопала я ресницами, — я покорнее слепой овцы.

Альмод наградил меня долгим мрачным взглядом, который задумывался то ли как устрашающий, то ли как упрекающий. По нему было очень трудно понять, кирпичи более эмоционально-выразительно выглядят, чем он.

— Я знаю, ты не помнишь своей жизни при Дворе, следовательно, не помнишь, как и что здесь устроено. Но ты вспомнишь, очень скоро, — и вот тон, с которым были сказаны эти слова мне совсем не понравился. Надо как-нибудь связаться с Сашкой и сообщить, что его любимому напарнику с минуты на минуту начнут вправлять всё, до чего только смогут дотянуться. Пусть поторопится и придумает, как мне выбраться из этой волшебной дыры.

— Не хочу я ничего вспоминать, — заявила я. — Меня устраивает моя жизнь, такая, какая она есть сейчас.

— Вот это своё бесполезное существование в мире людей ты называешь жизнью? Что есть в этой твоей жизни? — вдруг разозлился бородач, свирепо сверкнув фиолетовыми глазами. — Слабенькие попытки изображать из себя несломленного воина? Или претензии на независимость и свободу? Или тот высокий светловолосый парень, похожий на изворотливого дельца, занимает твои мысли? Или же тебе так дорога та слезливая драма, которую ты сама себе придумала и в которой с наслаждением барахтаешься уже не один год?

Я закусила губу.

— Ты думаешь, я ничего не знаю? — продолжил Альмод с каким-то темным наслаждением. — Про тебя? Про то, как ты жила и где ты была все эти годы? Да я знаю про тебя то, что ты сама про себя не знаешь.

— Я тебя вспомнила, — не выдержав, призналась я. — Я вспомнила твои глаза.

— Ты ушла. Приняла решение, забрала то, что тебе не принадлежало и покинула нас, — лицо блондина исказилось то ли ненавистью, то ли болью. Но не это меня смутило, а то, что он вел себя так, словно у нас с ним было общее прошлое. Но для меня он был совершенно незнакомым человеком. И это...вызывало напряжение, отдающее тянущей болью в глубине души. — В первые годы я пытался жить так, словно ничего не произошло. Словно тебя никогда и не было в моей жизни, в моем мире. Я пытался тебя отпустить. Пытался дать тебе воспользоваться своим правом на свободу. Правом, в которое верил я, но не верили остальные. Но... это было трудно. Я хотел убедиться, что с тобой будет все хорошо. Что судьба, которую ты решила переписать самым страшным образом, действительно сложится так, как ты того хотела. Так скажи мне ис-рейна Благого Двора Инриэль Эшгаргикаль, Принцесса Света и Теней получила ли ту жизнь, которую хотела?

Я несколько мгновений в абсолютной тишине продолжала грызть свою губу, а потом все же решила уточнить:

— Это ты сейчас со мной разговаривал?

Возможно, мне показалось, но кажется, парень еле сдержался, чтобы не закатить глаза. Вместо этого, он еще сильнее сжал челюсти. Скорее всего, от того момента, когда послышится хруст его сломанных зубов, нас отделяло лишь несколько минут, проведенных в обществе друг друга.

— Да, придется над многим поработать, — выдавил Альмод.

— Только без меня, — тут же деловито сообщила я. Поднялась, на этот раз без криков и боли, но с ощутимым головокружением. И, стараясь не обращать на серый туман перед глазами, сообщила:

— Знаешь, мне вообще-то пора домой, — и тут сквозь кольшущуюся перед глазами

пелену я разглядела свою одежду и поняла, что какой-то явно склонный к суициду человек меня переделал, так как вместо привычных удобных джинс и любимой старой куртки на мне красовалось нечто, подозрительно смахивающее то ли на коктейльное платье дорогой шлюхи, то ли на ночнушку героини мультика для взрослых. В общем, развратным в этом наряде было все, начиная от подчеркивающего и приподнимающего грудь декольте, до короткой, едва прикрывающей то, что пониже поясницы юбочки. Хорошего в этом наряде было только то, что тонкая нежно-розовая ткань не просвечивалась. И на этом спасибо.

— Ночная бабочка на вольном выпасе, — подвела я неутешительный итог и мысленно пожелала самой мучительной смерти тому, кто меня в это нарядил.

— Ты никуда не пойдешь, — решительно заявил Альмод и встал.

— Конечно, пойду, — я принялась оглядываться вокруг в поисках своих вещей. — У меня дел, как у бомжа махорки. Надо печку растопить, воды из колодца наносить, дров нарубить, детей накормить...

Я несла абсолютную чушь, болтая без умолку. Не то, чтобы я надеялась заговорить мужику уже крошащиеся от постоянного стискивания челюстей зубы и по-тихому слинять, но... Хотя нет, именно на это я и надеялась, рассчитывая, что передо мной просто красавчик-дуболом, который привык все решать при помощи силы, не задействуя мозги.

— Остановись, Риэль, — пророкотал он своим низким голосом, отчего у меня словно поджелудочная завибрировала. За спиной раздалась шага и вот он уже схватил меня за плечи, разворачивая лицом к себе. — Не усугубляй своё положение. Нынешняя ситуация сама по себе достаточно непроста, но я могу устроить так, что всё станет действительно плохо. И в первую очередь, для тебя.

Я затаила дыхание. Когда с тобой вот так, спокойно, но непоколебимо беседует мужчина, своим телосложением больше походящий на нависающую над тобой гору, воевать и махать шашкой в открытую проблематично.

— Ладно, — кивнула я, вырвалась из его рук, отступив обратно к кровати, плюхнулась на скомканную собственными стараниями постель и заболтала ногами в воздухе. Королевское ложе было настолько высоким, что мне приходилось подпрыгивать, усаживаясь на него, а потому ступни мои до пола не доставали из-за чего я ощущала себя еще более беззащитной, находятся в этом непонятно жилище, возведенном и обустроенном человеком с явной склонностью к гигантизму. — И что дальше? Я буду вечной пленницей в твоих покоях? Кстати, у тебя весьма своеобразное понимание, как должна выглядеть мужская спальня. Розовый? Серьезно? Знаешь, здесь не то, что жить, здесь даже умирать не хочется.

— Это не мои комнаты, — возвращаясь к прежнему непоколебимому спокойствию мороженого омуля, пояснил Альмод, все еще маяча передо мной на расстоянии двух шагов. — А твои. Там будуарные комнаты.

И он ткнул пальцем куда-то за мою спину. Я оборачиваться не стала, а в вместо этого изумилась:

— Мои? Ты хочешь, чтобы я жила здесь?

— Да, — подтвердил Альмод, складывая руки на груди и замирая широко расставив ноги. Он будтобы готовился отразить вражеский удар, и всем своим воинственным видом демонстрировал боевую готовность противнику. — Тем более, эта часть королевского замка всегда принадлежала только тебе. Столько, сколько я себя помню. И даже когда ты ушла, когда ты бросила нас, эти комнаты все равно оставались только твоими. Их даже не запирали. Прислуге было приказано регулярно убираться здесь, смахивать пыль, но никого

не пускать. Иногда мы с отцом приходили сюда. По одиночке или вместе. Подолгу стояли у окна, глядя на Голубое озеро. Присаживались на край кровати, пытаюсь ощутить твой запах, который еще хранили простыни. С каждым днем он становился слабее и однажды, придя сюда, я понял, что это больше не твой дом. Ощущение твоего близкого присутствия пропало. И комнаты превратились в мавзолей. А когда отец, наконец, разрешил мне отправиться за тобой и вернуть назад, к нам, я приказал всё тут поменять. Я хотел, чтобы история, твоя история здесь, началась заново. Раньше всё оформление было выполнено в темно-серых оттенках. Ты говорила, что этот цвет напоминает тебе глаза матери. Но это всегда казалось слишком...

— ...скучным, — тихо подсказала я. Тот факт, что некоторую часть своей жизни я провела в мире сидхе уже начал постепенно укладываться в моей голове. Потому что это казалось логичным и вполне допустимым. Но что меня беспокоило — так это то, что ничего из того, что я видела не казалось мне знакомым. Ни одна вещь не вызвала во мне какого-то душевного томления, тревоги или назойливого чувства дежавю. Ничего. Ноль. Пустота. Я как будто участвовала в постановке, где все, кроме меня, были знакомым со сценарием и знали, что случится в следующей сцене. А словно продвигалась во тьме на ощупь, постоянно вынужденно импровизируя.

— Да, — кивнула Альмод. — Я не умею обустроить женские спальни, а потому попросил Вивиану этим заняться. Но, кажется, она немного...

Он замялся и впервые за все время нашего общения я увидела у него какие-то еще эмоции, помимо ярости и злости. Бородачу было неловко. Он неуверенным и одновременно смущенным взглядом обвел окружающее нас розовое помещательство и не нашелся, что сказать.

— ...перестаралась, — вновь подсказала я. — А Вивиан — это у нас кто?

— Вивиана, — странно кашлянув, поправил меня Альмод. — Моя невеста.

— Если она — невеста, то кто тогда я? Пойми меня правильно, не то, чтобы я претендовала на твою руку, сердце и весь остальной суповой набор, но твои хозяйские замашки весьма красноречивые.

— Ты моя старшая сестра, — просто ответил Альмод.

3.

И вот это заявление произвело на меня совершенно ошеломляющий эффект. Мой рот открылся и не желал закрываться.

— Во-первых, мы совершенно не похожи, — наконец, отмерла я. — И я на сто процентов уверена, что не являюсь сидхе. Во-вторых, старшая сестра? Мужик, без обид, но тебе сколько? Тридцать? Я никак не могу быть твоей старшей сестрой.

— Мне чуть больше, чем тридцать. На самом деле, мне около тысячи лет, — вздохнул Альмод, отчего его широкая грудь заметно поднялась и опустилась.

Я моргнула. Потом еще раз. И еще раз.

— Хорошо сохранился, — постаралась я выглядеть невозмутимо. Так, словно каждый день общаюсь с тысячелетними бородачами, претендующими на родство со мной.

— Тебе сейчас могло бы быть еще больше, — загадочно улыбнулся Альмод в ответ на мой сомнительного качества комплимент. — И разве я сказал, что ты моя кровная сестра?

— А бывают другие? — выгнула я бровь.

— Конечно, — неожиданно начав демонстрировать поразительную стойкость ко мне,

как к раздражителю, ответил Альмод. — Тебе еще предстоит все узнать. Не переживай, в своё время ты все узнаешь.

— Ты переоцениваешь мою заинтересованность в происходящем, — криво усмехнулась я.

— Сейчас я позову служанку, — проигнорировал мой выпад бородач и направился к двери, которая продолжала являть собой чудо плотницкого искусства. — Тебе следует подготовиться.

А вот тут я уже действительно напряглась.

— К чему?

Альмод оглянулся на меня уже у самого порога.

— Сегодня вечером будет бал по случаю твоего возвращения. Ты должна присутствовать.

— Бал? — изумленно взмахнула я ресницами. — Ты шутишь?

— Что может быть смешного в балу? — Альмод старательно свел фиолетовые глазки у переносицы.

— Я и танцы — вот, что смешно, — заверила его я, лихорадочно размышляя над планом побега. Вариантов было немного. На самом деле, пока имелся только один — связать из всего имеющегося здесь розового барахла веревку и по ней спуститься через окно. Интересно, имеются ли ниже другие спальни с окнами, выходящими на эту же сторону? И как отреагируют их обитатели, когда увидят за окном полуголую девчонку, болтающуюся на связке из розовых простыней?

— Ты отлично танцуешь, — выдал неожиданную похвалу Альмод.

— Если только в твоих фантазиях, — нервно почесала я бровь.

— И в них тоже, — кивнул блондин и исчез за дверью.

— Пристрелите меня, — простонала я, надеясь, что бог есть, и он милостив. И упала на постель, широко раскинув руки и ноги.

— Моя госпожа? — вопросительно и чуть удивленно проговорил незнакомый голос.

Я вздрогнула, широко распахнула глаза и уставилась в центр задрапированного тканью куполообразно балдахина. И...там меня не ждало ничего.

А вот со стороны двери раздалось негромкое деликатное покашливание. Я приподняла голову над кроватью и только тогда заметила девушку. Обычную такую, очень похожую на человека девушку, скромно переминающуюся с ноги на ногу у массивных дверных створок.

Заметив мой взгляд, девушка улыбнулась, светло и очень добро, и присела в глубоком реверансе, слегка приподнимая полы простого синего платья из плотной ткани.

— Ты кто? — неприветливо спросила я.

Улыбка сползла с лица девушки и она, опустив взгляд, тихо произнесла:

— Бонерия, моя госпожа. Ваша горничная.

— Не зови меня так, — раздраженно одернула её я, отчего девчонка вздрогнула всем телом и тут же рухнула на колени.

— Простите меня, моя гос..., - начала она, но оборвала саму себя на полуслове. — Я не хотела вас расстроить!

На мгновение опешив от такого представления, я тут же спрыгнула с кровати, приблизилась к уткнувшейся лицом в ковер незнакомке и сдержанно проговорила:

— Слушай, я плохо понимаю, что здесь происходит, но давай договоримся на берегу — не называй меня госпожой и не падай на колени. Хорошо?

Девушка согласно задержала головой, все еще погрузив моську в пушистый ворс.

— И было бы замечательно, если бы ты встала, — пробормотала я, протягивая руки, чтобы помочь ей. Но девушка вскочила на ноги быстрее, чем я успела к ней наклониться. От такой прыти я замерла в полусогнутой позе, словно готовилась к прыжкам в воду.

— А ты быстрая, — похвалила я, выпрямляясь. — Напомни еще раз, как тебя зовут?

Девушка, которая еще секунду назад мило улыбалась, тут же погрузилась и повторила:

— Бонерия.

— Мне такое не запомнить, слишком заковыристо. Будешь Боней, — решила я, наблюдая за тем, как лицо девушки в очередной раз изменилось. Она была такой открытой и такой светлой, что в буквальном смысле читалось у неё на лице. Все её эмоции были видны так, как если бы писались у маленьком смуглом лбу крупными буквами. Не девчонка, а открытая книга. Такой, наверное, трудно жить при дворе, где кругом один жлобы. — Ты чего расстроилась?

Девчонка опустила взгляд и шмыгнула носом, явно пытаясь скрыть выступившие слезы.

— Эй, кто-то умер, что ли? — я попыталась заглянуть ей в глаза, но она опускала голову все ниже и ниже, пока не уперлась подбородком в грудь. — Не стой так, еще шею себе вывихнешь.

— Разве это возможно? — горничная, которой на вид было не больше двадцати лет улыбнулась и быстро утерла слезу, скользнувшую по щеке.

— Конечно! Я вот однажды себе челюсть вывихнула, то еще веселье было, пока обратно не вправили, — поделилась я, усаживаясь прямо на пол возле кровати и жестом приглашая девушку последовать моему примеру. Ковер сюда еще доставал, а потому не приходилось сидеть голой попой на камнях. На мгновение лицо девушки отобразило сомнение, но она тут же мужественно отогнала его и аккуратно села туда, куда я показала. Надо же, какая исполнительная. — Итак, Боня, расскажи мне о себе, — попросила я, но тоном, более подходящим для приказов. Что-то мне подсказывало, что к проявлению доброй воли эта девушка была не приспособлена, а потому следовало управлять и направлять.

— Что рассказать? — растерялась она.

— Все, — кивнула я. — Например, как давно ты живешь здесь?

— Всю жизнь, — взмахнула она длинными и пушистыми, но бесцветными ресницами. В девчонке в принципе не хватало красок. Длинные, собранные в толстую косу волосы имели цвет мышинной шерсти. Большие серого цвета глаза были круглыми и близко посаженными, из-за чего создавалось впечатление, будто девушка пребывала в постоянном состоянии удивления. Телосложение у неё было мальчишеским, худым и плоским, напрочь лишенным каких-либо женственных изгибов. В целом, Боня была похожа на белый холст, ожидающий художника, который нарисует на нем что-нибудь достойное.

— Я родилась здесь, — продолжила девушка, смутившись от моего пристального и не прикрыто изучающего взгляда. — Моя мать была человеческой рабыней, а отец — сидхе из низших.

— Здесь есть рабы? — замерла я, оглушенная новой информацией.

В ответ Боня лишь кивнула.

— Откуда?

— Из мира людей, — так, словно это само собой разумеющееся ответила девушка и в явно защитном жесте подтянула к груди колени. — После каждой Дикой Охоты всадники

привозят плененных человеческих женщин. Как правило, это очень красивые женщины и девушки, которые становятся наложницами своих похитителей.

— А как на это смотрят жёны?

— Никак, — пожалала плечами Боня. — У сидхе распространен брак по расчету. Помолвка заключается родителями даже без присутствия детей. Зачастую случается так, что жених и невеста знакомятся уже непосредственно у алтаря. И, соответственно, в таком браке любви очень мало. На ложе новобрачные восходят исключительно для продолжения рода и зачатия потомков, к которым тоже не питают светлых чувств и едва ли не на следующий день после рождения сдают на попечение нянек.

— Сурово, — невесело хмыкнула я.

— Поэтому женам все равно, в чьих объятиях проводят ночи их мужья. Потому что сами они имеют по любовнику и не одному. Сидхе — очень страстные и не склонны к моногамии. Здесь все изменяют всем, и даже любовницы надолго не задерживаются. Надоевшую рабыню хозяин может отдать другому сидхе — в качестве уплаты долга или просто как дружеский жест.

— А вот это уже мерзко, — с отвращением поморщилась я.

— Такова жизнь среди сидхе, — меланхолично и немного устало ответила Боня.

— А почему просто не вернуть девушку туда, откуда взял, если игрушка надоела?

— Ты что? — испуганно отшатнулась от меня Боня. — Это убьет тебя, если ты человек!

— Почему?

— Потому что здесь время идет иначе, не так, как в мире людей. Медленнее, намного медленнее. И на девушку, которая попала к сидхе совсем молоденькой и прожила с ними не один год, обрушится все то время, которое миновало в мире людей пока её не было. Она просто в одну секунду превратится в горстку пепла. А здесь в мире сидхе, а еще долгое время будет жить, не вечно, конечно, вечность доступна только сидхе, но дольше, чем в человеческом мире.

— Вот это новость, — поражено выдохнула я, вскакивая на ноги. — Почему мне, блин, раньше об этом никто не сказал?

— Потому что, вам и так об этом известно, — смиренно проговорила Боня, глядя на меня с каким-то странным выражением. — Вернее, мы так думали. Когда господин вернул вас домой, мы все очень обрадовались. А потом...пошли слухи, что с вами что-то не так. Это стало особенно очевидно, после того, как выяснилось, что к вам применяют усыпляющую магию, постоянно обновляя заклинание.

Она грустно опустила глаза, а на её лице застыл отпечаток невыразимой грусти.

— Расскажи мне, — попросила я, усаживаясь обратно. — Расскажи мне всё.

— Вам нужно готовиться к балу, — тревожно сложила кулачки на груди Боня. — Иначе король будет не доволен!

— Когда бал?

— Вечером, — она бросила взгляд за окно, где по-прежнему ярко светило солнце. — На закате.

— Пффф, — пренебрежительно фыркнула я. — До заката можно успеть в Мексику сгонять и вернуться обратно, с текилой и сомбреро. А не то, что подготовиться к какому-то балу.

— Во дворец съезжаются все двадцать четыре туата, чтобы лично засвидетельствовать ваше возвращение.

— А тугаты — это у нас кто? — продолжала я задавать вопросы.

— Главы Великих Родов, — с некоторой заминкой ответила Боня. А после нерешительно добавила, следя за моим лицом: — Они единственные, помимо членов королевской семьи, имеют право первыми заговаривать с наследниками престола, то есть, с вами, госпожа и вашим братом.

— Как сложно, — я потеряла лоб. — Ладно, успеем мы подготовиться к этим танцулькам.

— Сегодняшняя торжество очень важно, — никак не могла успокоиться Боня, еще сильнее округлив и так круглые глаза, отчего стала похожа на взволнованную сову. — В первую очередь, для вашей семьи.

— А кто там нынче в моей семье числится? — прищурилась я с ощущением, как будто за пазуху скользнул кусочек льда. — А то я давно переключку среди родственников не проводила.

— Это правда, — охнула Боня, прикрывая рот ладошкой. — Вы совсем ничего не помните.

— А разве это не было очевидным еще в начале нашей беседы? — запустила я руку в свои распущенные и от того сильно спутавшиеся волосы, уже начавшие постепенно превращаться в паклю.

— Тогда слушайте, — Боня вдруг схватила меня за руку с каким-то ожесточенным рвением, будто только что решившись на что-то очень важное для себя. — Я вам расскажу все, что знаю.

4.

Илане только-только исполнилось тринадцать лет, когда однажды ночью на их селение налетел сильнейший раскидывающий все на своём пути и нагоняющий тяжелые, застилающие звездное небо непроглядной облачной пеленой ветер. В его устрашающих завываниях слышалось ржание лошадей, цокот копыт, вой собак, лязг мечей и обрывки непонятных слов, произнесенные мужскими голосами. Этот же ветер подхватил её, Илану, выскочившую во двор в одном тонком нижнем платье и накинутом на плечи платке, и закрутил в черной круговерти. Она потеряла сознание, а когда пришла в себя, уже лежала на кровати в красивой комнате, где было тепло и тихо. Уютно потрескивал огонь в камине и доносился приятный запах свежее испеченного хлеба. Не успела Илана подняться, как перед ней возник высокий красивый мужчина, с густыми золотистыми волосами, отброшенными за спину. Одет он был в длинные черные, отороченные золотой нитью одежды. И пахло от него чем-то приятным, цветочно-сладковатым. Глубоким, чуть низковатым голосом мужчина представился:

— Меня зовут Синай, — проговорил он и Илана неожиданно даже для самой себя поняла его. — Я — Призрачный Охотник, вхожу в свиту короля Аэрна. Это я тебя сюда привез.

— Зачем? — только и смогла спросить Илана.

— Ты красивая, — просто сказал Синай.

На этих словах девушка потянула на себя одею, которым её кто-то заботливо укрыл, пока она был без сознания, и попыталась прикрыться.

Она была уже взрослой, и отлично понимала, что обычно следует за такими признаниями мужчин.

— Успокойся, — громко рассмеялся Синай и, откинув полы своего длинного верхнего

одеяния, уселся в кресло напротив широкого просторного ложа. — Ты мне не интересна в интимном плане. Слишком худая. И мелкая. И грязная. Да и я не любитель...животных в кровати.

Илана не совсем поняла, что он имел ввиду, но было очевидным, что он не собирается на неё претендовать в физическом плане. И это немного успокоило.

— Что будет дальше? — спросила она тоненьким подрагивающим голосом, поражаясь тому, что говорит с златоволосым мужчиной на одном языке.

— Дальше? — он потянулся к стоящему на низком столике золотому, блеснувшему в свете огня из камина кубку и с наслаждением отпил из него. — Дальше ты отправишься в мой замок и будешь жить там, пока не повзрослеешь. И не станешь более...полезной.

— И все? — удивилась Илана.

- И всё, — с кривой усмешкой кивнул мужчина и щелкнул пальцами. Двери позади него тут же распахнулись и в комнату вошли женщины, одетые в длинные красивые одежды, подобных которым Илана никогда не видела.

Уже потом, значительно позже, Илана узнала, что эти женщины были прислугой. И что существуют в этом мире, где обитают красивые, похожие на людей, но не люди волшебные существа, именующие себя сидхе, платья в сотни раз красивее, чем бело-серая одежда служанок.

Прошло четыре года. Все эти четыре года девушка провела в замке Синая, практически не покидая пределов территории, принадлежащей ему, старшему сыну Главы Рода Туан. Кто такие туаты и зачем её вообще забрали из собственного мира девушка узнала быстро, но особого значения своему новому положению не предала. Ей понравилось у сидхе. Её хорошо кормили, она ложилась спать на мягкие чистые простыни в собственной комнате, её не заставляли выполнять грязную работу по дому. Хозяин замка появлялся редко, не особенно заботясь о том, что происходит внутри высоких каменных стен и полностью перепоручив все обязанности по ведению хозяйства суровой, но справедливой ключнице. Очень быстро Илана освоилась и даже забыла свою прежнюю жизнь. И хотя с Синаем они после той памятной первой встречи виделись лишь несколько раз, да и в те случаи златоволосый статный красавец смотрел куда-то мимо Иланы, словно девушки вообще не существовало, она не считала себя рабыней и уж тем более наложницей, хотя за долгие ночи, проведенные в обществе любящих посплетничать прислужниц наслушалась всякого.

Жизнь Иланы была спокойной, размеренной и приятной. До тех пор, пока однажды утром в её комнату не вошла незнакомая хмурая женщина и приказным тоном не потребовала одеться и спуститься вниз как можно быстрее. Девушка подчинилась, не задавая вопросов, и уже через полчаса предстала перед ожидающей её у парадных дверей замка все той же хмурой неприветливой женщиной.

— Поторопись, у меня не так много времени, — бросила незнакомка. Судя по серой одежде она была прислугой и в то же время, что-то с ней было не так. Уж слишком гордо, слишком независимо она держалась, глядя на Илану немигающим взглядом с отчетливо сквозившим в нем высокомерием.

В ответ на слова женщины Илана лишь кивнула, но когда та жестом приказала следовать за ней, осталась невозмутимо стоять, надеясь получить разъяснения происходящему. Незнакомка отреагировала своеобразно — выругавшись себе под нос, она вернулась, схватила девушку за тонкое запястье и поволокла за собой, к стоящим у входа оседланным лошадям.

— Я не умею ездить верхом, — пролепетала Илана, увидев нетерпеливо переступающих с ноги на ногу животных.

— Придется научиться, — раздраженно буркнула женщина и, подобрав полы платья, сноровисто заняла место седока.

Илана попыталась повторить этот маневр, но едва не рухнула спиной на землю, вывихнув лодыжку. Женщина презрительно вздохнула, спрыгнула на землю, подошла и помогла Илане забраться в седло, попутно быстро пояснив, как это надо правильно делать. Когда обе наездницы заняли свои места верхом, распахнулись ворота, и незнакомка уверенно направила свою лошадь к выходу. Проследив за её действиями Илана сделала то же самое, понимая, что учиться придется быстро и самостоятельно, но продолжая вздрагивать от каждого движения лошади, которую очень боялась. За все время пребывания в мире сидхе Илана ездила верхом лишь несколько раз, да и тогда сидела позади более опытного наездника, которым чаще всего оказывался местный конюх.

Ехали они в тот день долго, до самого заката. Так и не представившаяся женщина сохраняла молчание. Илана тоже не предпринимала попыток заговорить, при этом пребывая в состоянии тревожного ожидания. Куда они едут? Кто это женщина? И что ожидает её, Илану, по окончании пути? Кажется, что ничего хорошего.

Едва солнце полностью скрылось за горизонтом, женщина остановила лошадь, спешила и направила к перекрестку двух дорог, к которому они как раз подъехали. Запустив руку под накидку, она вынула какой-то серый мешочек и, быстро прошептав над ним несколько слов, которые Илана не расслышала, швырнула мешочек на перекресток. И едва он коснулся земли, как дорогу озарило сиреневой вспышкой и из открывшегося портала вышел мужчина. Молодой сидхе-аристократ, что определялось по его бледно-молочной коже и длинными серебристым волосам. Как Илана успела заметить, у всех, в чьих жилах текла кровь высших сидхе, имелась белая тонкая кожа и волосы необычных оттенков, которые не принято было состригать. Считалось, что волосы являются драгоценнейшим украшением — как у мужчин, так и у женщин. Волосы спускались по широкой прямой спине парня и практически достигали колен, напоминая ожившую сталь.

— Мой господин, — поприветствовала новопривывшего женщина и поклонилась едва ли не до земли. И хотя она явно не желала этого продемонстрировать, Илана преданность и любовь на грани обожествления, читающееся в каждом жесте, в каждом вздохе незнакомки. — Я привела её.

И тогда мужчина развернулся к Илане, взглянув на неё так, словно до этого момента не подозревал, что она здесь. Девушка не смутилась и взгляд не отвела, разглядывая сидхе так же пристально, как он рассматривал её. Он был почти так же хорош, как и Синай. Почти. Если бы не этот скользкий презрительный взгляд холодных глаз, который портил всё впечатление. Илана подумала, что взгляд его напоминает змею — скользкую, холодную, мстительную.

— Меня зовут Кахир, — произнес парень, направляясь к Илане. Протянув к ней правую руку, он помог спешиться с лошади и тут же несколько грубо ухватив девушку за запястье повел к всё еще мерцающему portalу. В мире сидхе пользоваться такими было в порядке вещей, не всё любили верховую езду, и не все были готовы тратить часы на то, чтобы добраться с одних земель в другие. — Отныне я твой господин и повелитель.

Илана дернулась и попыталась остановиться, но ей не позволили. Вместо этого Кахир лишь бросил на неё уничтожающий взгляд и еще быстрее поволок к portalу, стискивая руку

так, словно желал её сломать.

— Но, — выдохнула девушка, — мой господин — Синай.

— Больше нет, — и, хотя он шел впереди, таща за собой упирающуюся Илану, она услышала в его ответе пренебрежительную усмешку. — Синай проиграл тебя мне.

— Как проиграл? — ахнула девушки в тот момент, когда Кахир рванул её вперед и практически втокнул в портал.

— В карты, — заявил Кахир, вступая в портал следом за ней.

С этого момента жизнь Иланы превратилась в ночной кошмар, словно судьба решила отыграться за все прожитые светлые деньки и подсунула ей беспросветную тоску, быстро переросшую в отчаяние. Синая она больше не видела, на самом деле, следующие десять лет она вообще мало, кого видела.

Кахир оказался внебрачным сыном Главы Рода Аэд, рожденным от такой же, как Илана, человеческой женщины. И хотя внешне он выглядел, как чистокровный сидхе, официально своим отцом признан не был, прав практически ни на что не имел и в иерархии сидхе стоял гораздо ниже, чем его единокровные братья и сестры. Жил Кахир хоть и в собственном замке, но это был не замок и даже не самый лучший дом. Стоял он на окраине территорий, принадлежащих его отцу, бы окружен густым лесом и ухаживал за ним минимальный набор прислуги. Сам Кахир имел прямой приказ не высовываться и покидать дом исключительно тогда, когда ему разрешали это высокородные родственники, но старательно на него поплеывал с высокой колокольни с тех пор, как стал совершеннолетним. Имевшиеся у Кахира слуги фактически достались ему в наследство от матери, покинувшей этот мир по собственному желанию, когда парню было одиннадцать. С тех пор и до двадцати пяти лет он провел не один месяц практически в полной изоляции, так как весь Род Аэд мальчишку, оставшегося сиротой при живом отце, откровенно презирал и всячески избегал с ним встреч. Но даже в одиночестве можно найти свои преимущества. Кахир, вот, научился играть в карты. И на самом деле, играл он как бог. Он не потерпел ни одного поражения с тех пор, как начал играть еще с кем-то, кроме своего повара. Кахир был не глуп, своё положение, как и опасность выбранного им занятия, полностью осознавал. А потому тщательно выбирал, с кем садиться за один стол и всегда играл по-крупному. Вот только с Синаем вышла накладка. Считая, что у этого законного аристократа полные карманы золота, Кахир уже мысленно подсчитывал, на что потратит выигрыш. Но когда вскрыли карты, и золотоволосый осознал свой проигрыш, выяснилось, что взять с него и нечего. Отец Синая, зная о его пагубных пристрастиях, перекрыл ему доступ к семейным богатствам. Единственное, что он смог предложить Кахиру — человеческую девчонку, которую он забрал в качестве трофея в ночь Дикой Охоты. Она как раз уже достигла того возраста, когда могла заинтересовать мужчину не только в виде рабочих рук.

Заперев Илану в своем доме, Кахир запретил девушке покидать его пределы. Сам он появлялся дома редко, время от времени пропадая так надолго, что солнце успевало подняться в небо больше тридцати раз. В такие времена Илана чувствовала себя чуть лучше, представляя, что она — не бесправная пленница в чужом доме с непонятным прошлым и еще более непрым будущим, а полноправная владелица собственного дома, ожидающая своего принца. Но вот, на пороге появлялся Кахир, уставший, измотанный и злой, предпочитающий срывать свою ненависть и злобу на неспособной дать ему отпор девушке, и красивые мечты разбивались, словно хрустальный бокал, разлетаясь на миллионы мелких ранящих осколков. Периодически она думала о побеге, и иногда эти мысли перерастали в

ничто, наподобие плана, но когда Илана поняла, что забеременела, стало понятно, что бежать больше некуда. И испугалась еще больше. Уже не за себя, за ребенка.

5.

— Мама хотела меня сохранить, — Боня словно невзначай провела рукой по щекам, вытирая слезы, которые явно не хотела никому показывать. — Но боялась, что отец не позволит, что он применит магию, и она потеряет ребенка. Или просто избьет её, чтобы оборвать беременность. Она решила вытерпеть всё ради меня. Ей посчастливилось завести дружеские отношения со старенькой горничной, Мистрой, которая помнила отца еще совсем маленьким. Мистра помогала маме скрывать беременность. Сохранению все в тайне способствовало еще и то, что отец стал чаще покидать дом. Мама рассчитывала родить, пока он будет в отъезде, а потом, вместе с ребенком, добраться до королевского замка и броситься в ноги правителю с надеждой на спасение. Но не получилось, отец вернулся как раз в тот момент, когда у мамы начались схватки...

...Кахир вошел в спальню Иланы и увидел громко стонущую девушку лежащей на полу. Её огромный мячикообразный живот красноречиво выпирал далеко вперед. Подол ночной сорочки был мокрым, с явственными розоватыми разводами. Сама девушка находилась на грани потери сознания и плохо осознавала происходящее. Быстро сообразив, что происходит Кахир бросился за прислугой. Целителей и врачей, так необходимых людям, в мире сидхе практически не было, ведь самим сидхе они были не нужны. Их женщины разрождались от бремени достаточно легко и быстро, осложнения случились крайне редко, да и в этих случаях родственники всегда рассчитывали исключительно на собственные силы роженицы.

Подоспевшая Мистра быстро приступила к делу. Приказала Кахиру поднять беременную на кровать, а после принести чистые простыни и теплую воду. Кахир кинулся выполнять приказ собственной прислуги так быстро, как если бы от этого зависела его собственная жизнь. Старая горничная с удивлением проследила за тем, как он рванул вниз по лестнице, но ничего не сказала. У неё были дела куда важнее.

Роды были тяжелыми и длились несколько часов. Илана практически не способна была тужиться, периодически теряя сознание, а когда приходила в себя — кричала от боли. Мистра, которая не раз в своей жизни принимала роды у домашней скотины, вскоре поняла, что без постороннего вмешательства девушка умрет, а вместе с ней умрет и еще не рожденный ребенок.

— Придется резать, — решительно заявила старушка, отходя от кровати.

— Я не смогу, — вдруг резко побледнел Кахир.

— Принеси чистый нож, настойку спонгилии и еще простыней, — распорядилась горничная и начала оголять живот беременной девушки подрагивающими сморщенными руками. Ей было уже очень много лет. Так же, как и Кахир, Мистра относилась к низшим сидхе и являла собой результат смещения генов. Только в отличие от молодого господина, в её роду присутствовали не люди, а брауни. Отличительной особенностью этого немногочисленного народа, обитавшего в мире сидхе, являлась темная кожа и очень яркие голубые глаза. Брауни вспахивали землю, собирали урожай, следили за домашней скотиной, то есть, были рабочей силой сидхе. Продолжительность их жизни была короче сидхе, но дольше человеческой. Мистра жила на свете уже больше трехсот лет, много чего повидала в своей жизни и все же она боялась. Боялась, что убьет эту слабую человеческую женщину и в

то же время понимала, что другого выхода нет.

— Она сделала все, что могла, — судорожно вздохнула Боня, — она спасла меня, но вот маму спасти не удалось. К утра она скончалась. Неожиданно для всех отец очень остро это воспринял, сильно запил. Несколько месяцев он только тем и занимался, что вливал в себя один за другим бочонки шедеха, а после покинул дом и очень долго не появлялся. Мистра похоронила маму и начала самостоятельно заботиться обо мне. Когда отец вернулся, он заявил, что не хочет ни растить ребенка, ни видеть его в своем доме. А потому договорился о том, чтобы отправить меня в королевский замок для обучения и подготовки в прислуги. Мистра не захотела оставлять меня, а потому нас отправили вместе. С тех пор я видела отца лишь дважды, когда приезжала домой забрать мамины вещи, включая её личный дневник, а также когда умерла Мистра. Отец к ней хорошо относился и позволил похоронить в склепе его матери.

— Печальная история, — искренне посочувствовала я.

Девушка лишь пожала плечами.

— Все могло бы сложиться куда хуже, — весело проговорила она, но я видела, что она старается убедить этим весельем не столько меня, сколько саму себя. — Я росла в королевском замке, меня обучали всему, что требуется знать королевским горничным, у меня была Мистра и даже своя комната, маленькая, но очень хорошая. А потом меня заметили вы и забрали к себе. И моя жизнь стала просто замечательной.

Я грустно улыбнулась. Не знаю, кого она видела, когда смотрела на меня, но я точно не могла быть кем-то, кто сделал жизнь другого человека замечательной.

— Бал! — вдруг не своим голосом завопила Боня, подхватываясь с пола с ловкостью боевого кенгуру. — Госпожа, пора собираться!

И не спрашивая разрешения, она ухватила меня за руку и потащила к двери, которую ранее Альмод обозначил как вход в будуарную комнату.

— Ты упоминала, что твой отец — из низших сидхе, — припомнила я, пока Боня туго затягивала шнуровку корсета у меня на спине. До этого мне пришлось пережить длительный и мучительный процесс по примерке платьев. Боня горела яростным желанием выбрать для меня самый лучший и самый красивый, хотя я настойчиво не понимала, что там можно выбирать — все платья, имеющиеся в гардеробной, представляли собой длинную череду блестящего пышного нечто, местами украшенного разноцветными драгоценными камнями. Все очень дорого, шикарно, абсолютно непрактично и страшно неудобно. — Что значит низший?

— Есть разделение, — с готовностью начала объяснять Боня, пока её ловкие пальце все туже и туже утягивали меня в талии, оставляя с каждой секундой все меньше возможностей, чтобы нормально дышать. — Все сидхе делятся на высших и низших. К первым относятся королевская семья, главы Великих Родов и их близкие родственники. По сути, все сидхе состоят друг с другом в родстве, в той или иной степени. С рождаемостью дела обстоят не очень хорошо, редко в какой паре есть больше двух детей. И тем, кто желает вступить в брачный союз выбрать особо не из кого. Поэтому к своей семье сидхе причисляют лишь наиболее кровно близких — детей, родителей, родных братьев и сестер. Остальные уже к семье не относятся и находятся на том же положении, что и все.

— То есть, высших сидхе не так много, — заключила я.

— Да, — подтвердила Боня, все еще шурша завязками на платье, оставаясь за моей спиной. — Высшие сидхе находятся на привилегированном положении, они

неприкосновенны, попытка убийства высшего сидхе вне рамок дуэли карается смертной казнью. Остальные сидхе относятся к низшим, некоторые из них аристократы, некоторые — нет, все зависит от того, в какой семье и от каких родителей родился. Но и те, и другие прав имеют значительно меньше, чем высшие. Например, у низших сидхе нет собственных самостоятельных владений. Им запрещено владеть землей.

— Почему? — прохрипела я, потому что в этот момент Боня особенно сильно дернула за шнурки, очевидно, пытаюсь переломить меня пополам.

— Владение землей — это привилегия, которая даруется лично королем. В своё время первые туаты получили свои территории от королевы Гемеры, прапрабабушки нынешнего короля Аэрна.

— Слушай, я вроде не бегемот, зачем так затягивать? — не выдержала я, хватаясь за бок.

— Потому что мужчины-сидхе очень любят формы и изгибы, — с трудом проговорила Боня, как раз находясь в процессе подстраивания меня под вкусы местного мужского населения. — Но им не повезло.

— В чем же? — проскрипела я.

— Чистокровные женщины-сидхе имеют очень худощавое телосложение, — глубоко выдохнув, объяснила Боня и покинула, наконец, стратегическую позицию за моей спиной, став сбоку и начав поправлять и одергивать складки на пышной юбке больше похожей на матерчатый колокол. — Они высокие, тонкокостные, лишь с едва заметным намеком на грудь и полным отсутствием бедер.

— Когда груди нет, а вместо неё только намёк — это печально. Значит, местные аристократки костлявы, как пересушенная на солнце старая вобла. Тип «женщина-грабли», очень удобный садовый инструмент, но крайне неподходящий для спальни, — заключила я и попыталась пошевелиться. В затянутом наглухо корсете сделать это было очень затруднительно. — Слушай, как в этом танцуют?

— О, это целое искусство! — просияла улыбкой моя горничная.

— Угу, мне явно недоступное, — угрюмо ответила я. — В этом орудии для пыток даже негде оружие спрятать!

— Зачем вам оружие? — выгнули брови Боня, поправляя очень глубокий, едва ли не до самой души, вырез, пытаюсь приподнять мою и так уже задранную корсетом грудь еще выше. — Вы же можете использовать свои способности.

Я замерла и с подозрением уставилась на горничную.

— А можно?

— Вы — наследница короля Аэрна, — снисходительно глянула на меня горничная. — Вам все можно.

— Да оставь ты уже в покое это декольте! — не выдержала я, легко одергивая руки девушки. — Через него и так уже желудок почти видно!

— Нет, не думаю, — внимательно оглядев меня с ног до головы, серьезно ответила Боня.

— Это была шутка, — отмахнулась я, подняла полы платья, доковыляла, словно раненная утка до стоящей под стенкой софы и с наслаждением рухнула на мягкое сидение. Ну, как рухнула? Аккуратно присела, потому что согнуть спину в этом ужасном платье было невозможно. А потому сидела я на краешке с ровной, как спица осанкой и ненавидела весь мир. — Тот, кто придумал корсеты, явно ненавидел всех женщин.

— Может быть, он просто хотел сделать женщин еще красивее? — с улыбкой

предположила Боня, начав собирать те платья, которые она отвергла как неподходящие, а я как «лучше сдохнуть, чем это надеть».

— Но почему «красиво» должно быть равно «мучительно»? — задала я риторический вопрос, не ожидая ответа и тут же решив вернуться к другой, более животрепещущей теме. — Так, что там про прабабушку было? Ту, которая дарила земли первым туатам?

6.

— Прапрабабушка, — поправила меня Боня, для которой подобные моменты были очень важны, в отличие от меня, которой было просто все равно. — Гемера, прямой предок короля Аэрна, правила очень давно, еще в те времена, когда сидхе проживали в мире людей и не были разделены на благих и неблагих. Гемера, согласно легенде, была дочерью Нимфеи, богини Вечной Тьмы. Сама Нимфея считается праматерью всех сидхе, она же была первой королевой. Поговаривают, что и этот мир, где сейчас обитают благие и неблагие создала тоже Нимфея, спасая своих детей.

— Значит, это она — Первая из сидхе, — со вздохом облегчение я вытянула ноги и скинула узкие, бесконечно неудобные туфли на высоких тонких каблуках, больше подходящих для убийства, а не для танцев. — А кто был папой?

Боня, которая в этот момент укладывала в сундук платье с особо пышной юбкой, подняла голову и удивленно моргнула:

— В смысле?

— Я не большой специалист в сидховедении, — криво ухмыльнулась я, — но что-то мне подсказывает, что для появления детей нужны двое. Если разве что сидхе в древности не размножались почкованием.

— Нимфея была богиней, — сказала Боня так, словно это всё объясняло.

— А, ну да, как я сама-то не догадалась, — пробормотала я, почесывая затылок. — Ладно, и что было дальше? Рассказывай, я предчувствую крутую семейную историю.

— У Гемеры был младший брат, Нокс, который одновременно являлся её мужем, — покорно продолжила горничная, шурша скользкой тканью особенно блестящего платья, которое никак не хотело захихиваться в деревянный короб. — После ухода матери, они вместе правили сидхами, как король и королева.

— Интересные семейные традиции, — хмыкнула я, наблюдая за руками девушки и мысленно поражаясь её терпению.

— Да, брат в супруги близких родственников — очень давняя традиция, которая до сих пор существует, — признала Боня. — У Гемеры и Нокса было двое детей — дочь Дану и сын Миль. И все было хорошо, до определенного момента, когда Нокс вдруг посчитал, что он должен править один, а не наравне с супругой. И потребовал, чтобы жена отправилась в Бездну Хаоса, куда ушла их мать. Но Гемера не согласилась покинуть своё расширяющееся королевство, где её почитали не только как правительницу, но и как богиню.

— Дай угадаю, — прервала я плавный рассказ Бони. — Причиной всему была любовница.

— Ходили такие слухи, — нехотя согласилась Боня, — но кем она была, откуда взялась и куда делась — никто до сих пор не знает. Ни Гемера, ни Нокс не хотели уступать друг другу трон. Но и править вместе больше не могли. По итогу они решили разрешить свой спор при помощи туатов. Они собрали Глав Великих Родов и приказали им решить, на чьей они стороне — королевы или короля. И Главы разделились поровну — двенадцать туатов встали

со стороны Гемеры, двенадцать подошли к Ноксу. Так было положено начало разделению сидхов на две фракции — светлый Двор благих, подданных Гемеры, королевы Дневного Света, и темный Двор неблагих, подданных Нокса, короля Ночи. Но существовала еще одна неразрешенная проблема — как поделить одно королевство на два? И тут начало происходить нечто, что навсегда изменило жизнь сидхе. Их еще не поделенное королевство на семь дней и семь ночей затянуло непроглядной тьмой, рассеять которую ничто не помогало — ни огонь свечи, ни свет костра, ни магия сидхе. Все потухало, едва успев зажечься. Когда тьма рассеялась и наступил рассвет, выяснилось, что прежнего мира больше нет. Суша превратилась в бесконечный океан, а в центре него — два одинаковым острова, расположенных рядом. Один назвали Авалоном, его заняли благие сидхе во главе с Гемерой, создав столицу Атталарию. На другом, названном Островом Хрустальных Башен обосновались неблагие с королем Ноксом, выстроив столицу Ирифию. С тех пор, благие и неблагие находятся в перманентном противостоянии с периодическими обострением конфликтов.

— А где они сейчас? — внимательно всё выслушав, спросила я. — Гемера и Нокс?

— Умерли, — просто ответила горничная. — В один и тот же день.

— А это возможно? Они же вроде как боги?

— Также, как и многие другие выдающиеся сидхе, — проговорила Боня, устало вздыхая и убирая со лба выбившиеся из тугой прически волосы. — Но лишь для смертных и не владеющих магией людей. Но сидхе умирают. Все сидхе. Правда, чаще всего не от старости, от неё они избавлены, а от ран. Убить их сложнее, чем людей, но не невозможно.

— Получается, их похоронили? Или для королей существуют какие-то другие погребальные традиции?

— Подробности их смерти неизвестны, это случилось очень давно, — пожала плечами Боня. — Тела были унесены, но куда — не известно. После Гемеры трон благих заняла Дану, которая осталась с матерью, не простив предательство отца. Наследником Нокса стал Милль, который последовал за отцом. Нынешние король Аэрн и королева Нимуэ, правительница неблагих, — их прямые наследники.

— Получается, что они — дальние родственники, — сделала я вывод.

— На самом деле, они брат и сестра, — уточнила Боня. — Младшая сестра дедушки Нимуэ, принцесса Титания, вышла замуж за короля Брадана. В этом союзе родилась мать Аэрна, королева Айрин. В детстве Аэрн и Нимуэ были даже помолвлены. Но...

Боня замолчала, неловко замявшись.

— Но? — спросила я.

— На самом деле, об этом не позволено говорить, — тихо произнесла она, украдкой оглянувшись на дверь.

— Но мне-то можно, — подмигнула я.

— Да, думаю, что да, — как-то не очень уверенно согласилась Боня, еще раз оглянувшись на запертую дверь и начала рассказывать:

— Когда Аэрну было двадцать восемь лет он влюбился в свою стражницу. Она была старше его и...как бы это сказать...весьма радикально настроена.

— Радикально настроена против чего?

— Против нынешнего положения сидхе, — грустно улыбнувшись, ответила Боня и с силой закрыла крышку очередного сундука с одеждой. — Она считала, что сидхе достойны большего, что Аэрн достоин большего. На самом деле, именно под влиянием Бригитты

совсем еще молодой король вновь развязал давнюю войну с фоморами.

— Таааак, — я ожесточенно потеряла лоб, ощущая, как от огромного количества новой информации голова сейчас просто задымится и взорвется. — А это кто?

— Фоморы — это древний народ, такой же древний, как и сидхе. Вот только если сидхе произошли от Гемеры, то от кого произошли фоморы — непонятно, она как бы просто... появились. Существует предположение, что они — творение рук Хаоса, бога Создания и Перерождения, его продолжение. Если смотреть в глобальном плане, то их мир находится где-то посередине между миром сидхе и миром людей. Если с исключительно географической точки зрения, то царство фоморов расположено в центре бесконечного океана.

— То есть, они живут в океане? — я все еще надеялась разобраться.

— Из мира сидхе в их мир можно попасть только посредством воды, — Боня подошла ко мне и подняла скинутые мною туфли, аккуратно поправила тесемки на них и бережно поставила на специальную подставку для обуви, где уже красовались несколько похожих пар. — Но я в мире фоморов никогда не была. И надеюсь, никогда не побываю.

Её заметно передернуло.

— Что, все настолько плохо? Ты садись, — и, подвинувшись, освободила для девушки место.

— Они — воины, — со вздохом пояснила Боня, подчиняясь и устраиваясь рядышком. — Война — основа их существования.

— Понятно, они — зло, — закивала я.

— Нет, — Боня начала торопливо говорить, явно пытаясь донести до меня какую-то важную мысль. — Дело не в том, что они — плохие, а в том, что невозможно говорить об однозначно плохом или однозначно хорошем устройстве общества сидхе или фоморов. Они такие, какими их создали боги. Значение имеет только точка отсчета.

А внимательно посмотрела на свою горничную, размышляя о сообразительности некоторых милых особ, которые являются не такими простыми, какими хотят показаться.

— А ты умна, — в итоге протянула я.

Дверь распахнулась резко и без стука. В комнату, шагая своей фирменной широкой и тяжелой, словно сваи забивает, походкой, вошел Альмод. Вместо черного одеяния, которое я видела утром, теперь на нём красовалось практически идентичное по покрою, только в белозолотых тонах. Смотрелось дорого, элегантно, очень изысканно и главное — удивительным образом гармонично смотрелось на внушительной фигуре, подчеркивая, что бородач не просто принадлежит к касте правителей, а является в первую очередь мужчиной и воином. В душе колыхнулось какое-то странное чувств. Даже не дежавю, а словно его отголосок. Эхо давно забытого прошлого.

— Хорошо выглядишь, — оценила я с улыбкой.

— Ты...тоже, — отозвался Альмод, скользнув по мне внезапно потемневшим взглядом.

Боня зашла в приступе явно искусственного кашля и кинула на меня предупреждающий взгляд из-под прикрывающей лицо ладони. Я понимающе кивнула, схватила ближайšie ко мне туфли, не особо их рассматривая, и, держа туфли в руке, босиком пошла к сидхе.

— Ну, что, братец, потопали на танцульки? — задорно улыбнулась я.

— Братец? — переспросил Альмод, изумленно изгибая брови.

— Ага, — радостно кивнула я и, обойдя его, направилась к выходу.

7.

Он догнал меня, когда я уже стояла перед широкой винтовой лестницей, вызвавшей определенные вопросы.

— Мы что, в башне?

— Да, — ответил Альмод и аккуратно, но чувствительно подтолкнул меня под лопатки, заставляя начать спуск. — Она расположена в юго-западной части замка, на углу. Является самой высокой из всех, имеющихся в Авалоне. Всего Элизий включает в себя пять башен — четыре по краям и одна, донжон, в центре. В центральной башне, которая называется Королевской, находятся покои короля. Но нам надо попасть во дворец, он называется Нефритовым. Имеет четыре яруса и расположен непосредственно рядом с замком. В Нефритовом дворце осуществляются приемы, проводятся балы и другие официальные мероприятия. А в замок и его башни допускаются лишь те, кто здесь живет, то есть, королевская семья и их прислуга.

— Интересная у вас привычка давать всему подряд изысканные названия. Эта башня тоже удостоилась подобной чести? — я внимательно смотрела себе под ноги. Ступеньки были выполнены из белого с черными прожилками мрамора. О перилах здесь, по-видимому, вообще ничего не слышали, потому что с одной стороны лестница заканчивалась стеной, а с другой — обрывом. Шагать по такому архитектурному изобретению на высоких тонких каблучках было не только неудобно, но и очень опасно, потому как обувь устойчивостью не отличалась, а подошва постоянно скользила по узким ступенькам, так и норовя отправить меня в полет вниз головой. Один раз я опасно пошатнулась и с перехватившим от страха дыханием зависла над лестничным колодцем, только через пару мгновение осознав, что еще не лежу внизу грудой переломанных костей только потому, что Альмод успел подхватить меня под руку.

— Гм, — откашлялась я, выравниваясь. — Спасибо.

— Всегда пожалуйста, сестренка, — хмыкнул Альмод и не отпуская моей руки, обогнул меня сбоку и пошел вперед. Мне оставалось только следовать за ним покорной овечкой. — И да, у этой башни есть название. Она называется Башня Принцессы.

— Всё в лучших традициях сказочной литературы, — сыронизировала я. — Дракона к этой башне не хватает.

Мы достигли подножия лестницы и вышли к широкой галерее, где не было ни одного окна, зато по всему потолку красовались гроздьями развешенные канделябры с многочисленными зажженными свечами. Я хмуро покосилась на подрагивающие огоньки и на всякий случай прикрыла макушку ладонью. Этот жест не укрылся от уверенно шагающего по галерее Альмода.

— Успокойся, свечи заколдованы, — очень «вовремя» просветил меня он. — Они не потухают и не оплавляются. А потому за свои волосы можешь быть спокойна.

Окружающий мир порождал беспокойство и подозрения на каждом шагу, бородатый блондин, упорно претендующий на статус моего родственника — тоже не внушал доверия, вызывая исключительно желание сломать ему пару костей, а потому руку опускать я не стала. Даже если свечи не опасны, мало ли, что еще может болтаться под потолком в этой зачарованной галерее, помимо неиссякаемых свечек. И только я задумалась об этом, попытавшись внимательнее присмотреться к особо темному углу, где, как мне показалось, мелькнули красные огоньки, как галерея закончилась и мы, чинно шагая, вышли к новой

лестнице, ведущей вниз.

Она также была выполнена из мрамора, но на этот раз светло-мятного оттенка. Тем же цветом радовали глаз и объемные колонны, подпирающие высокий потолок по обе стороны от ступенек. Дополняли колонны два мускулистых и не до конца одетых туловища, чуть оживившиеся при нашем появлении.

— Познакомься, — предложил мне Альмод таким тоном, который обычно исключает возможность самостоятельного выбора. — Это Киан, — высокий, такой высокий, что мне приходилось задира́ть голову, чтобы посмотреть ему в лицо парень кивнул. Он ярко выделялся смуглой кожей и длинными, до пояса, черными волосами, спереди заплетенными в тонкие косички. В чертах его такого красивого, что оно казалось нарисованным, лица угадывалось нечто восточное. Если бы я встретила его в своем мире, то решила бы, что у него в роду были филиппинцы или возможно, японцы. Но имелось еще кое-что, что никогда не позволило бы спутать его с обычным человеком — не только неестественно идеальное лицо, а также тело того, кто даже в кровать тащит с собой гирю, а вертикальные зрачки, окантованные светло-розовой радужкой. — А это Гай, — второй парень, стоящий рядом с первым лихо улыбнулся, пытаясь принять более приветливый, чем у соратника вид. Но улыбка не смогла скрыть изучающего взгляда, которым меня буквально «ощупали» с ног до головы. И то, что он увидел ему явно пришлось не по вкусу.

— Что, не нравлюсь? — не стала я скрывать неприязни, в ответ нагло рассматривая густую шевелюру цвета опавшей листвы, чем-то напоминающую львиную гриву, а также его разные глаза, один — полночно черный, а другой — цвета топленого молока.

— Слишком мелкая, — криво усмехнулся Гай, поправляя плечевую перевязь, пересекающую наискосок голую грудь и поддерживающую ножны с мечом. У Киана имелась такая же. В смысле, грудь. Голая и мускулистая. А вот меч и клинок с длинным тонким, похожим на иглу, лезвием поддерживала кожаная конструкция, болтающаяся на поясе. — И слишком задиристая.

— Рада, что не угодила, — фыркнула я. — Ты мне тоже не понравился.

— Ты еще даже не поняла, кто перед тобой, девочка, — не остался в долгу Гай.

— Девочкой будешь называть ту шлюху, которая согласится тебя интимно обслужить, — рыкнула я.

— И возможно, ею станешь ты, — в красноречивом жесте он прикоснулся к поясу своих штанов.

— Только в твоих влажных фантазиях, — в ответном жесте я красноречиво отправила его в долгое пешее путешествие. Парень, возможно, не понял, что я хотела ему сказать, но зато мне полегчало.

— Хватит, прекратите, — распорядился Альмод и выступил вперед, становясь между мной и теми, чьим основным хобби являлось, очевидно, превращение собственного пресса в бульжную мостовую.

— Твоя новая подружка слишком дерзкая, — я на этих словах как раз выглянула из-за плеча Альмода и успела увидеть, как Гай облизнул нижнюю губу. — Ты бы последил за её язычком. Ну, или этим могу заняться я. Пару часов со мной, и девчонка будет, как шелковая.

— Она не моя новая подружка, Гай, — расправил плечи Альмод, который ни по росту, ни по стати им не уступал. — Это ис-рейна Благого двора Инриэль, Прицесса Света и Теней. моя старшая сестра и ваша новая госпожа.

Секундная заминка, в течении которой на меня, скромно вытягивающую шею из-за

спины Альмода, изумленно взирали две пары нечеловеческих глаз. Презрительно-высокомерное выражение слетело с их лиц, сменившись растерянностью и смятением. А после парни синхронно рухнули на одно колено, склонив головы. Очевидно, что передо мной.

— Вольно, — пробормотала я, не зная, что еще сказать. Но парни остались стоять на одном колене, упершись взглядом в пол.

— Киан — начальник твоей личной гвардии, Гай — его заместитель, — пояснил Альмод, поворачиваясь ко мне. — На сегодняшнем вечере они будут выполнять роль твоих личных стражей. В дальнейшем, куда бы ты ни пошла, рядом с тобой должна быть охрана.

— Ты меня видел? — скривилась я, скрепя руки на груди, что было очень неудобно из-за выреза до самого пупка, так как своим движением я лишь еще выше приподняла грудь. Хотя она и так едва не болталась у меня на ушах. Сделать образ еще развратнее, чем он уже был, можно было только в одном случае — пойти на бал в одних туфлях и подвязках. — Я могу за себя постоять.

Я опустила руки, потому как Альмод вдруг резко забыл, где у меня находятся глаза.

— Особенно хорошо у тебя это получится в этом платье, — спустя пару мгновений чуть хрипло заметил Альмод.

— Распинывать врагов я умею в любой одежде, — заверила его я и попыталась незаметно поправить чуть приспустившийся чулок, но сделать это в платье, которое своим подолом уже успело подмести половину полов в замке оказалось практически невозможно.

— Нет, — решительно заявил Альмод. — Они будут рядом с тобой до тех пор, пока ты не вернешься в свою спальню. А потом будут всю ночь охранять под дверью.

— Как самые прилежные песики в мире! — засверкав зубами в широкой ехидной улыбке вырвалось у меня. — Да я лучше битого стекла наемся, чем проведу в обществе этих полуголых циркачей еще хотя бы минуточку.

— Я так решил, Риэль, — очень тихо, но таким тоном, которому нельзя не подчиниться низко прорычал Альмод и глаза его вдруг на мгновение залило ярким светом. — И это не обсуждается.

— Ладно, — я сглотнула. — Твоя взяла. Но на будущее, меня зовут Серафима. Можно просто Фима.

— Знаешь, — мужчина вдруг сделал шаг ко мне, приперев к стенке и нависнув тяжелой грозовой тучей, от которой не знаешь, чего ожидать. То ли она пройдет мимо, то ли разрядится ливнем и громом, начав метать молнии тебе под ноги. — Всю свою жизнь я жил с осознанием того, что у меня есть старшая сестра.

— Время для семейных историй? — захлопала я ресницами. — Как-то неожиданно оно наступило. Погоди, пока я сбегая за мемуарами своей бабули.

— Заткнись и слушай, — оборвал он мои словестные экзерсисы. — У меня всегда была старшая сестра. А потом ты просто взяла и...исчезла. Из моей жизни. Из жизни всего двора. Ты не подумала ни о ком. Ни обо мне, ни об отце. Ни о тех, кто верил в тебя и был верен тебе. Ты поступила так, как считала нужным, решив не учитывать желания других. И вот теперь, моя старшая сестра вернулась домой. Но что я вижу? Вместо сильной, властной и красивой женщины, которая всегда знала, что и для чего делает, передо мной стоит вздорная, пытающаяся выглядеть душой, неумело хохмящая девчонка, не способная видеть дальше собственного носа и при этом уверенная, что ей известна истина в последней инстанции. Ты не моя сестра, каковой я её запомнил. Ты не моя сестра, которую я ждал

годы. Ты её бледное подобие, серая тень на грязном стекле. Но ты ею станешь. Я верну свою сестру даже если мне придется вылепить её из того паршивого материала, которым ты являешься сейчас. И мне всё равно, согласна ты с этим или нет, нравится тебе это ли не особо. И я буду звать тебя так, как захочу.

Что-то внутри меня дрогнуло, когда он выговаривал все это глядя мне строго в глаза. И не только из-за того, что именно он говорил, но и из-за того, как он это говорил. Он верил в свои слова. Они шли от сердца. И я какими-то обрывками уставшего сознания поняла — он говорит правду. Он ни перед чем не остановится, пока не вернет себе ту, которую, очевидно, очень сильно любил. Но даже, если я и была той, другой, в чем у меня имелись сильные сомнения, её уже было не вернуть. Не столько потому, что это было невозможно. Кажется, в мире нет ничего не возможного. Сколько потому, что всё внутри меня отчаянно кричало, вопило, царапалось и сопротивлялось этому. Если и присутствовали где-то на дне моей личности остатки той, другой, то ни она не хотела быть возвращенной, ни я не хотела быть снова ею.

— Знаешь, — я выпрямила спину и ткнула братцу пальцем в грудь. — Зажиматься с тобой в темном углу, конечно, увлекательно, но ты вроде говорил, что нас ждут.

Альмод медленно отступил назад, давая мне возможность дышать полной грудью. Я поправила платье и посмотрела на всё еще изображающих статуи охранников. Если уж и идти на казнь, то в толпе как-то повеселее будет. Так что, пусть действительно болтаются рядом и создают приятно угрожающий фон.

— Что надо сделать, чтобы они встали? Щелкнуть кнутом и звякнуть шпорами? — намеренно ласково поинтересовалась я.

— Просто приказать, — дернул плечом Альмод. — В тебе королевская кровь, ты должна уметь приказывать.

— Быть и притворяться — две разные вещи, — пробормотала я, посматривая на стражей с разных сторон и не зная, как подступиться к этому сосредоточению тестостерона.

— О, Великая Мать, — раздраженно закатил глаза Альмод, наблюдавший за мной. Развернувшись к стражам, он отрывисто проговорил: — Киан, Гай, за работу.

Парни, которые как мне показалось, до этих слов даже дышали через раз, разом встали, и, удерживая руки на рукоятках мечей, направились ко мне. Я подавила желание попятиться назад, настолько пугающим выглядело их шествие, но дойдя до меня, они развернулись и заняли позиции по правую и левую сторону. Киан находился на полшага впереди справа, Гай занимал позицию зеркально противоположную, то есть, с левой стороны на полшага позади. Такая диспозиция не устроила Альмода. Оттеснив Гая чуть в сторону, он встал рядом со мной и благородным жестом, преисполненным чувства собственного достоинства, предложил мне локоть, в который я тут же вцепилась и с удовольствием повисла на руке брата. К его чести, он при этом не дрогнул и даже в лице не переменился. Либо мой вес ему был как слону кленовый листик, либо мужская гордость не позволяла со стоном перехватиться за стеночку.

— Идем? — спросил Альмод, искоса взглянув на меня.

Я, почувствовав себя так, словно меня ведут на эшафот, тяжело вздохнула и кивнула.

И мы начали очередной спуск по очередной лестнице, вышагивая медленно и церемонно.

Едва ступили на первую ступеньку, как тут же заиграла музыка. Мелодия, которая зазвучала над залитым ярким светом, сверкающим хрусталем и золотом дворцовым залом с первой ноты показалась мне безумно красивой. В ней удивительным образом гармонично сочеталась нежность, грациозность, теплота и легкая, немного воздушная, грусть. Это было похоже союз южного ветра и северного солнца, объединившихся, чтобы станцевать самый утонченный в мире танец. Хотелось прикрыть глаза, забыть обо всем и просто слушать, наслаждаясь мелодией.

Но вместо этого я продолжала шествие по лестнице под руку с Альмодом, внимательно всматриваясь в собравшихся у подножия людей, уже ожидающих нас. И посмотреть там было на что. Несколько десятков мужчин и женщин, выглядящих так, словно они все участвовали в негласном соревновании на звание самого красивого существа во Вселенной. И если бы я была судьей на конкурсе красоты среди сидхе, я бы не смогла выбрать кого-то одного. Потому что все они были разными, но при этом все — картинно красивые, как если бы сошли с полотен умелых художников. Все, как один высокие, гораздо выше меня. Некоторые — совсем тощие. Другие умудрялись быть худыми, но изящными, удерживаясь на той тонкой грани, когда лишних сантиметров уже нет, но стройность еще не смахивает на болезненное измождение от недоедания. И все же я со своими достаточно выдающимися формами явно не вписывалась в общую картину. Даже более того, я её нарушала, внося очевидный диссонанс.

У всех присутствующих имелись длинные волосы. А вот оттенки поражали воображение своим разнообразием. От цвета хаки до оттенка спелой вишни, от перламутрово-жемчужного до сливового, от оттенка чайной розы до бирюзового. От такого обилия красок, подкрепленных ослепительным сверканием драгоценностей, создававших ощущение, будто весь этот парадный зал состоит из изумрудов, рубинов и бриллиантов, захотелось потереть глаза, проморгаться, а потом забиться в темный уголок и напиться до состояния карусели под ногами. Но приходилось идти вперед, держа спину неестественно прямой, а подбородок задраным настолько, что, если бы не поддержка Альмода, я бы давно колобочком укатилась вниз, прямо под ноги расступающейся двумя ровными рядами толпы.

Я чувствовала на себе их взгляды. Заинтересованные, завистливые, злые, снисходительные, высокомерные. Если бы взглядами можно было бы метать иглы, я бы уже давно превратилась в швейную игольницу. Но я все шла и шла, делая вид, что все именно так, как и должно быть. А там, впереди, в другом конце зала, отделенного от нас нарядной толпой присутствовали еще более впечатляющие участники сегодняшнего мероприятия, восседающие на двух высоких тронах, выглядящих так, словно их выстругали из цельных кусков льда. Те, кого мне хотелось видеть еще меньше, чем собственное отражение в зеркале.

Мужчина был высоким. Очень высоким, что становилось очевидным даже когда он просто сидел, сохраняя самый царственный вид из всех возможных. Длинные волосы цвета свежей крови были зачесаны назад и отброшены на одно плечо. Неестественно белую кожу, на фоне которой даже первый снег показался бы серым, оттенял серебристого цвета сюртук с воротником-стойкой. Он же подчеркивал яркость волос. Снизу на мужчине, которому на вид дашь больше двадцати пяти, были облегающие штаны в тон к сюртуку и сапоги высотой до бедер с крупной шнуровкой. В его позе читалась ленивая расслабленность, а вот в лице напротив, читались напряженность и ожидание. Он пристально следил за нашим появлением, не обращая внимания больше ни на кого. Даже перешептывающаяся толпа,

становящаяся с каждой секундой все громче, его не интересовала. И чем ближе мы подходили, уже шагая по живому коридору, тем явственнее я осознавала, что его внимание сосредоточено исключительно на мне. И от этой мысли тут же по спине промаршировали здоровенные такие мурашки в металлических ботинках.

По левую руку от красноволосого сидела девушка едва ли старше его самого. В отличие от большинства, её волосы не отличались ни особой длиной, но поразительным цветом — обычная темно-русая шевелюра, собранная на затылке и заплетенная в две доходящие до ключиц косы. Ей кожа не обладала той аристократичной бледностью, которая, как я успела заметить, была свойственна многим высокородным сидхе. Девушка выделялась приятным миндальным оттенком кожи, и живи она в мире людей ей бы только позавидовали. Но здесь такая особенность, скорее всего, воспринималась как плебейская, недостаточно изысканная, слишком примитивная. По комплекции она была маленькой, худенькой и невысокой, а потому едва доставала до пола, периодически пытаясь нащупать носками туфель на невысоком каблуке твердую поверхность под ногами. Одета она была просто, но элегантно — достаточно короткое, по сравнению с теми нарядами, в которые облачились другие дамы на сегодняшнем вечере, платье нежно-голубого цвета строгого покроя, которое совершенно ей не подходило. Платье подчеркивало отсутствие груди, худые руки и впалость в том месте, где у всех нормальных женщин наличествует живот и внутренние органы. Не то, чтобы мне не нравились анатомические скелеты из школьных кабинетов биологии. Скорее, мне не нравилось, когда подобные скелеты вдруг оживали и наряжались в платья, которые на вешалках и то смотрятся гармоничнее.

В принципе, подобная болезненная худоба не была чем-то невероятным в мире сидхе. Как я уже успела убедиться, многие как мужчины, так и женщины имели астеническое телосложение в самом экстремальном его проявлении. Ну, то есть, выглядели так, что могли спрятаться за черенком от швабры и не отсвечивать. Однако при этом умудрялись сохранять весьма цветущий и благоденствующий вид. По крайней мере, у дамочек, сверкающий так, словно они по пути на бал ограбили парочку цыганских баронов, на злобное шипение сил хватало.

Я мысленно посоветовала шипеть им в область моих тазобедренных костей, и тут коридор из выстроившихся в два рядка придворных закончился, и мы оказались прямо перед двумя тронами. Я подавила в себе желание жестом позвать притаившегося в уголке официанта с целым разносом наполненных бледновато-желтой пенящейся жидкостью бокалов, а вместе этого уставилась поверх верхушку красноголового. Что полагается делать в таких случаях? Отвесить поклон или сделать книксен? У меня не было широкополой шляпы с пером, чтобы, широко взмахнув, подмести им пол. И я понятия не имела, приняты ли здесь реверансы.

И тут по залу разнесся незнакомый голос:

— Её Королевское Высочество ис-рейна Благого двора, Великая Инфанта Неблагого двора Инриэль, Принцесса Света и Теней, — объявил герольд всем присутствующим, очевидно, подразумевая меня. На это мне намекнула не только собственная память, напомнившая, что Альмод уже так меня называл, но и обращенные ко мне взгляды всех в этом зале. Я почувствовала себя маленькой букашкой, угодившей под увеличительное стекло. Не зная, что еще можно сделать, я коротко кивнула.

— Его Королевское Высочество ис-рейн Благого двора Альмод, Принц Бури и Мрака.

И когда герольд умолк, Альмод также кивнул в направлении двух тронов. Либо желал

поддержать меня, решив сделать видимость, что именно так, коротким кивком головы и следует приветствовать сидящих перед тобой монарших особ. Либо же я попала в точку, проявив неслыханные чудеса догадливости, угадав принятый в мире сидхе церемониал.

— Ну, наконец-то, — подхватился со своего места красноволосый и буквально в два шага, которые ему потребовалось, чтобы преодолеть разделявшее нас расстояние стремительно приблизился ко мне. Мне такая прыть откровенно не понравилась, и я непроизвольно попятилась. Правда далеко убежать не дали, затормозили уже через три метра и рывком вернули на место. — Приветствую тебя, дитя моё.

Когда парень, который едва ли способен сойти за твоего старшего брата обращается к тебе со словами «дитя моё» это странно. Очень странно.

— Мы так долго ждали этого момента, — продолжал изливаться соловьем красноволосый. При этом он сгреб обе мои ладони в охапку и сжал с такой силой, что я слышала хруст собственных костей, а после притиснул к своей груди. Грудь была широкая и мои стиснутые в кулачки ладошки на ней отлично разместились. И еще много места осталось.

Я попыталась забрать обратно принадлежащие мне по праву рождения конечности. А еще попыталась улыбнуться. И первое, и второе вышло отвратно.

— Слушай, мужик, я слабо представляю кто ты, — не выдержала я. — Бог, черт, хренов волшебник из страны Оз, но точно не мой отец.

Все это я выпалила на одном дыхании и резко выдернула свои руки из захвата, что далось мне с болью в локте, когда-то пережившем травму.

Повисла тишина, такая безмолвная, что, показалось, будто все присутствующие слышали щелчок моего встающего на место локтевого сустава. А мне показалось, что я слышу шаги тихо, но радостно подкрадывающейся ко мне смерти.

— Риэль, — откашлялся Альмод. — Это наш отец, Его Величество Аэрн, повелитель Благого двора, Защитник Двенадцати сидхейских Холмов, Король Ветра и Крови.

— Ага, — немного нервно кивнула я в ответ на насмешливый взгляд, направленный на меня красноволосым. — Как говорится, очарована, восхищена и счастлива познакомиться.

— Мы уже знакомы, — сложив руки на груди и склонив голову к плечу с таким видом, с которым обычно гордые родители наблюдают за невинными шалостями своих несмышлёных детей — с умилением и снисхождением одновременно, проговорил вроде как король. — Просто ты этого не помнишь.

— Да мне с самого утра все, кому не лень твердят, что я что-то не помню, — я заправила за ухо прядь волос, которой в принципе и не существовала, чувствуя нарастающую нервозность, с которой никак не могла с ней справиться или хотя бы успешно скрыть. — Но мне кажется, я помню все, что мне надо помнить.

— А меня? Ты можешь вспомнить меня? — пристально заглянув мне в глаза, спросил король и я непроизвольно сжалась всем телом.

— Нет, — отвечать пришлось честно, потому что что-то мне подсказывало, что примитивная ложь здесь не сработает.

— А ты знаешь почему? — продолжал задавать очевидно наводящие вопросы король, внимательно следя за реакцией.

— Потому что не хочу, — слова вырвались раньше, чем я успела их в полной мере осознать. И когда я произнесла это вслух, все словно встало на свои места. Паззл сложился.

Я не хотела быть тут, потому что не хотела слышать то, что мне могли бы рассказать.

Потому что тонкий голосочек, придушенно шепчущий где-то внутри моей головы твердил мне о том, что все это правда. И эту правду я не хочу знать. Я не хочу вспоминать.

— Я не хочу вспоминать, — повторила я.

— Думаю, нам надо поговорить, — доверительно глядя мне в глаза, промолвил красноволосый и уже громче объявил: — Нас с наследниками необходимо уединиться для частного разговора. Продолжайте веселье без нас, мы вскоре к вам присоединимся.

И это словно послужило негласным сигналом. Музыканты вновь заиграли, на этот раз значительно бодрее. Со всех сторон послышались разговоры, официанты повыскакивали из своих потаенных уголков для прислуги, начав разносить напитки и легкие закуски. Кавалеры устремились к дамам с явным намерением пригласить красавиц на танец. А в воздух взвилась переливающаяся и искрящаяся в свете многочисленных волшебных свечей, зависших под потолком пыль, напоминающая мелкие золотистые снежинки. Мир, который словно замедлил свою жизнь при нашем с Альмодом появлении, а после и вовсе остановился, вновь ожил, забурлил, заклокотал разноголосьем.

И все же, следуя за красноволосым к двери, расположенной по правую сторону от его трона, я ощущала десятки взглядов, направленных на меня. Это было похоже на то, как если бы я наблюдала за театральным представлением. Но только не со стороны, а находясь в самом его центре. Не самые неприятные ощущения. Словно все играли в некую негласную игру. Вот только никто не оглашал правила и все просто подстраивались по ходу пьесы.

За неприметной дверью оказалась большая комната в синих тонах, явно предназначенная для частных разговоров. Потому что как только захлопнулась дверь, я увидела, как по периметру дверного проёма пробежали разноцветные искры. Очевидно, что-то вроде заклинания против подслушивания. Специально для тех, кто любит погреть уши возле чужих замочных скважин.

9.

— Нимуэ хотела бы присоединиться к нам, — с блуждающей по красивому лицу улыбкой сообщил монарх. Расстегнув застегнутый под шею сюртук, он откинул его полы и уселся в кресло, жестом пригласив меня и Альмода сделать тоже самое. Я отказываться не стала, хотя мне и нечего было расстегивать. И стесняться тоже, тем более, что кроме нас троих в этой комнате никого не было. Даже мои brave охранники остались за дверью. Просто скинула туфли и босиком прошла к креслу, чтобы забраться в него с ногами.

Альмод пронаблюдал за моим демаршем недовольно поджав губы. А его отец с неизменной чуть насмешливой, чуть снисходительной и чуть небрежной улыбкой.

— Некоторые вещи не меняются даже, если очень захотеть их изменить, — проговорил красноволосый и потянулся к стеклянному кувшину с прозрачной жидкостью.

— Не понимаю, о чем вы, — поправила я задравшийся подол.

— Понимаешь, — кивнул король. — Просто пытаешься делать вид, что тебе все равно. Знаешь, я использовал шпионов в мире людей, чтобы узнавать о тебе, о твоих..., - он быстро умолк, явно оговорившись и тут же поспешил исправить ошибку: — О твоей жизни. Они доставляли мне свои отчеты.

— За мной следили? — спросила я, хотя ответ и так был более, чем очевиден.

— Конечно, — широко улыбнулся король, не сводя с меня взгляда своих неестественно сияющих глаз, выглядящих так, словно вместо радужек у него два бриллианта. Да и весь целиком он был слишком...блистательным.

— Что думаешь? — спросил он, явно подразумевая тот повышенный интерес с которым я его рассматривала. И лучезарная улыбка монарха осветила эту комнату так, как если бы над нашими головами вдруг материализовалось небольшое портативное солнышко.

— Что сейчас ослепну, — скривилась я. — Здесь есть кто-нибудь, у кого можно позаимствовать солнцезащитные очки?

Альмод ничего не ответил, вместо этого прошествовав мимо меня и усевшись так, чтобы держать в поле зрения одновременно меня, папулю, дверь и большое панорамное окно, осуждающе уставился в стенку. Не знаю, чем ему стенка не угодила, но вот в мою сторону он посылал доходчиво недовольные флюиды.

— Дитя моё..., - начал король.

— Прекрати меня так называть, — резко оборвала я его медовую речь.

— Почему? — его брови, которые вопреки красному цвету волос, были белыми, словно первый снег и практически сливались с кожей, симметрично выгнулись, выражая крайнюю степень удивления. Очень и очень неплохо сыгранного.

— Потому что ты выглядишь, как человек, который может быть мне кем угодно, но только не отцом, — фыркнула я. — Ты бы еще дедушкой представился! Я, конечно, допускаю, что вы, сидхе, живете хренову тучу лет и не меняетесь, но я не сидхе. Я могу быть кем угодно, но только не сидхе.

— А никто и не утверждал, что ты — сидхе, — убрал с лица так раздражающую меня улыбку красноволосый.

— В таком случае, оставь попытки прикинуться моим родственником, — попросила я. — Семья — не кружок по интересам, в неё просто так не запишешься.

— И в тоже время, семья — это не просто перечень, кто кого родил, — король потарабанил длинными тонкими пальцами по подлокотнику и резко встал. Я инстинктивно дернулась, но успела подавить защитный рефлекс в зародыше. За что была награждена еще одной наполовину снисходительной наполовину очаровательной улыбкой.

Скривив рожицу в направляющуюся к стене широкую спину в белом сюртуке, я покосилась на Альмода. Тот по-прежнему сидел с самым мрачным видом и, используя все доступные ему ресурсы, своей физиономией демонстрировал, как ему не нравится происходящее. Я была с ним солидарна — происходящее и в правду не радовало. Настолько, что я стала на полном серьезе обдумывать побег через окно.

Аэрн, тем временем, приблизился к темно-синей шторке, при помощи которой попытались то ли декорировать стену, то ли что-то на этой стене скрыть. И, взявшись за края плотной ткани в двух местах, одним четким движением отдернул занавеси в разные стороны. И нашим взглядам предстал огромный, занявший практически всю стену портрет девушки во весь рост, выписанный четкими, уверенными линиями и с огромным уважением к деталям.

Талантом художника невозможно было не восхититься, он был по истине гениальным, потому что барышня получилась как живая. И даже лучше, чем живая. Казалось, она сейчас вздохнет, поведет красивыми соблазнительно оголенными плечами и вышагнет из рамки.

— Не правда ли, она совершенна? — не столько спрашивал, сколько утверждал король, неприкрыто наслаждаясь картиной. И его восхищение было понятным, девушку невозможно было назвать иначе, кроме как красавицей. Томный взгляд из-под длинных ресниц. Архитектурно вылепленные и полностью симметричные скулы, подбородок, лоб. Густые волосы цвета молочного шоколада, вьющиеся крупными кольцами. Нарочито небрежно

перекинутые через одно плечо, они достигали обнаженного колена, игриво выставленного вперед сквозь высокий разрез подола платья, которое плотно облегало верх тела и струилось вниз, устилая пол мягкими волнами.

— Даже слишком, — проворчала я, зная, что в умелых руках художника кисть с красками способна превратить даже Медузу Горгону в Елену Троянскую. Сколько в картине от настоящего человека, а сколько от фантазии автора — никто никогда не узнает.

И Аэрн словно подслушал эти мои мысли.

— В жизни она была еще прекраснее, чем получилась на картине, — он грустно покачал головой, словно сетуя на что-то, а после вернулся в наш тесный кружок. Мы могли бы взяться за ручки и поводить хоровод. — Тиарн не смог в полной мере передать её природное очарование и притягательность. Но мне все равно нравится этот портрет.

— Наверное, потому что ей нравился этот портрет, — заговорил Альмод впервые за долгое время. И, подавшись вперед, оперся локтями о широко расставленные ноги. — Тиарн был её другом.

Я почувствовала себя третьей лишней и уже хотела поинтересоваться, не оставить ли мне этих двоих наедине с их трогательными воспоминаниями и желаниями пообсуждать живопись, как вдруг Аэрн вихрем развернулся ко мне и спросил:

— Ты знаешь, кто она?

— Конечно, — с готовностью кивнула я. — Мы ж с ней закадычные друзьяки! Каждую пятницу выпиваем в баре. Она берет белое полусухое, я беру... всего и побольше.

— Не смешно, — хмуро откликнулся Альмод.

— Смешно и не планировалось, — поморщилась я в ответ.

— Хватит, — оборвал наш спор Аэрн. — Риэль, на картине изображена... ты.

Я кашлянула. Потом еще раз, и еще раз. А после разразилась затяжным смехом, похожим на предсмертные судороги старой совы.

— Слушайте, — я утерла выступившие слезы. — Не знаю, что вы здесь курите, но и мне отсыпьте, пожалуйста.

Аэрн и Альмод обменялись красноречивыми взглядами, в которых только слепой не смог бы прочесть подтекст — сумасшедшие не они, а я.

— Я же говорил, она будет все отрицать, — пожал широкими плечами Альмод. — Даже если ты ткнешь её носом прямо в доказательства.

— Не надо меня куда-то тыкать, ладно? — тут же подпрыгнула я, прикрывая ладошкой указанную часть тела. — Можно просто показать обратный путь из этого вашего дорогого бессмертного дурдома. А там я уже сама дальше разберусь.

И я уже даже привстала с чертовски удобного кресла, как грозный окрик заставил меня плюхнуться обратно с выпученными словно у лягушки глазами:

— Ты куда не пойдешь! А сядешь и выслушаешь все, что я тебе расскажу!

— Ух, ты, — схватилась я за сердце. — А ты оказывается, умеешь не только улыбаться.

— Ты даже не представляешь, что я еще умею, — блеснул зубами Аэрн, а мне вдруг показалось, что я увидела клыки у него во рту.

— Конечно, не представляю, — пришлось быстренько подтвердить мне. — У меня с воображением плохо. А с мозгами вообще беда.

— Ты невыносима, — подвел итог Аэрн без особого восторга, но тут же лицо его осветилось улыбкой, от которой у меня в свою очередь заныли скулы. — Впрочем, ты всегда была такой. Своенравной, гордой, пресекающей любые посягания на свою свободу.

— У меня в принципе на посягания несварение, — поведала я, сделав лицо морозильником.

После этих слов Аэрн наградил меня долгим многозначительным взглядом, явно пытаюсь донести какую-то мысль. Не получилось. То ли не донес, то ли расплескал по дороге.

— Слушайте, — не выдержала я, нервно заерзав на месте. — А как так получилось, что ты, — невежливо ткнув пальцем, я указала на Альмода, — старше того, кто якобы приходится тебе отцом?

В короля тыкать не стала, все-таки монарх, какой-никакой. Скорее, конечно, никакой, но всегда есть место для надежды.

— Когда-то нас почитали, как богов, — напевно начал красноволосый, но я эту басню слушать уже устала. А потому достала свою мелочишку из кармана и решительно вставила:

— Да, да, да, вы были богами, великими и могущественными, вас все боялись и вам поклонялись. А потом пришли другие боги и дали вам пинка под ваши сверкающие задницы. И теперь вы здесь, никем не почитаемые и всеми забытые. Я ничего не упустила?

— Неужели твоя память начала просыпаться? — подался чуть вперед Аэрн.

— Спит мертвым сном, — разочаровала его я. — Просто за те недолгие часы, что я здесь, со мной не пытались поговорить разве что коврики на полу.

— Все ждали твоего возвращения, — заметил Альмод и отвел взгляд в сторону, но я успела заметить ту невыразимую скрытую тоску, которая уже мелькала в его невероятного цвета глазах.

— Почему? — уже без дурашливости спросила я.

— О! Неужели наша принцесса готова на взрослый разговор? — хлопнул в ладоши король. Кажется, теперь настала его очередь изображать дурачка.

— Про принцессу не в курсе, а вот я — готова поговорить. Но разговор будет на моих условиях.

— Это как? — Альмод выпрямился.

— Я задаю вопросы — вы отвечаете, — сладко улыбнулась я Аэрну. — Или так, или можете прямо сейчас сворачивать свой карнавал и отправлять меня домой. Потому что иначе я устрою вам такую счастливую жизнь, что вы сделаете все, что угодно, лишь бы меня здесь не было.

Отец и сын несколько минут прожигали меня взглядом, но не подействовало.

— Ладно, — процедил король в итоге, явно недовольный таким раскладом. — Спрашивай.

— Я уже спросила, ты плохо слушал, — ядовито улыбнулась я.

— Про различия в возрасте? — переспросил король, закидывая ногу на ногу, а я невольно поразились их длине. Такими ногами до Луны дошагать можно.

— Ага, — счастливо кивнула я.

— Мы сами можем выбирать, какой будет наша внешность, — спокойно проговорил Альмод. — Не в глобальном плане, мы не способны выбирать быть мужчиной или женщиной, также, как и произвольно менять рост, цвет волос, цвет глаз. Но при этом мы сами решаем, стареть нам или нет. А фигуру изменить не трудно, достаточно лишь упорно над этим работать.

— Мой сын всегда стремился к доминированию и пытался выразить это всеми доступными способами, в том числе, и внешними, — насмешливо глядя на меня сообщил

Аэрн.

— Над тобой, что ли, доминирует? — едва не рассмеялась я.

— Или над кем-то другим, — не прерывая зрительного контакта выдал Аэрн, а я, почувствовав неладное, решила глубже не копать.

— Это, — я кивнула головой в сторону портрета, — действительно я?

— Да, — опять ответил Альмод. — Его написал Тиарн, один из лучших придворных художников. Вы с ним... были хорошими друзьями.

Мне не понравилось прошедшее время, которое уже второй раз употреблялось в отношении неведомого мне Тиарна, в то время, как про все остальное, что касалось якобы «меня» упорно рассказывалось в настоящем времени.

— Что-то мне подсказывает, что с ним что-то случилось, — я перевела взгляд с отца на сына и обратно, успев заметить, как выражение безмолвного предостережения мелькнуло на лице короля. — Никто не хочет поделиться подробностями с теми, кто не в курсе событий?

— Ему не повезло, — медленно проговорил Альмод, сцепляя пальцы в замок.

— Дай угадаю! — наигранно воскликнула я. — Он поскользнулся и случайно упал на копье. Четыре раза.

— Нет, — без улыбки ответил Альмод. — Его посадили в тюрьму. Как и многих из тех, кто близко с тобой общался.

10.

Я резко приподнялась, а после осела обратно.

— Что? — голос прозвучал хрипло, наголо выдавая все мои истинные эмоции.

— Да, — без какого-либо даже малейшего намека на сожаление поддержал сына отец. — Нам пришлось пойти на крайние меры. Ты ведь не предупредила о своих планах, не оставила записки, даже малейшей подсказки на то, что произошло и почему. Ты просто... ушла.

Для большей выразительности Аэрн щелкнул пальцами в воздухе. Очевидно в качестве визуального ряда, наглядно демонстрируя мой уход. Не думаю, что та, другая я, просто растворилась в воздухе по щелчку пальцем, но общий смысл уловила.

— Мы пытались найти зацепки, — продолжил Альмод. — Но никто из тех, кого мы допросили ничего не рассказал.

— Да, — снова встрял король. — А через неделю твой дружок сбежал вместе с еще несколькими узниками. Сбежал из тюрьмы, из которой до него никому сбежать не удавалось.

— Тиарна и тех, кто с ним сбежал искали, но не нашли, — закончил Альмод.

Я прикрыла веки и потерла переносицу, чувствуя, как внутри огромным холодным шаром разрастается пустота.

— Прослеживается некоторая закономерность, не правда ли, Риэль? — с вызовом прозвучал вопрос короля. — Сперва бесследно исчезаешь ты, затем пропадает твой фаворит.

— Намекаешь, что я все это подстроила? — я зло рассмеялась, открывая глаза и натываясь на злой и такой острый, что казалось, будто об него можно пораниться, взгляд Аэрна.

— Намекаю? — округлил глаза монарх, которые при этом заблестели еще сильнее и стали выглядеть еще более дико. Как если смотреть в глаза очень талантливо сделанной куклы. Красиво, но жутко до чертиков. — Я прямо говорю, моя дорогая девочка.

— Не называй меня так, — в сотый раз за вечер устало потребовала я и отвернулась, стараясь смотреть куда угодно, но только не на этого... короля.

- Ты моя дочь. Моя награда. Моя невыразимая гордость, — начал перечислять Аэрн. — Почему я не имею права говорить об этом?

- Быть для кого-то гордостью — сомнительное удовольствие, — проворчала я, заерзав пышной юбкой.

— Почему? — белые брови Аэрна удивленно взметнулись вверх.

— Ответственность, — сообщила я с деланной улыбкой, обращаясь к собственным коленкам. — Ответственность и высокие ожидания. Проще быть плохим примером. Тогда от тебя ничего не ждут. Хорошего. А плохое само по себе получается.

— Ты всегда была хорошим примером, — заметил Альмод и добавил с горечью: — Для многих ты была не просто образцом для подражания, ты была чем-то вроде путеводной звезды. На тебя смотрели и хотели идти за тобой. Хотели верить в тебя. Хотели быть такой, как ты. Хотели быть тобой.

От этих слов я почувствовала себя неуютно. Не то, чтобы до этого момента мне в компании двух малознакомых мужиков непонятного происхождения было очень комфортно. Все-таки, я присутствовала здесь, в этой синей комнате, в этом замке и в этом мире не по своей воле. Но я хотя бы могла мыслить здраво и рационально. Настолько, насколько это было возможно, когда на тебя пытаются воздействовать ментально, и именно этим всю дорогу занимался красноволосый. Это воздействие было практически незаметным, и, наверное, я бы пропустила его, если бы не предупреждение, полученное от Бони.

«— Правителя Аэрна называют Королем Воздуха и Крови, — сообщила мне Боня, когда мы только приступили к выбору наряда для бала.

— Кстати об этом, что за странная привычка делать к именам странные приставки с существительными? — спросила я, с отвращением ощупывая расшитый изумрудными каплями корсет.

— Это титулы, традиция присваивания которых уходит глубоко в историческое прошлое. Они позволяют не только определять место сидхе в обществе, но и сразу обозначать их магические возможности, — терпеливо пояснила Боня, аккуратно отбирая у меня орудие пыток для женщин. — В отличие от родовых титулов, они даются не по праву рождения, а по праву силы. Когда сидхе достигает определенного возраста, начинает проявляться его персональная магия. У каждого она своя, со строгой спецификой и определенного уровня. Например, двое сидхе могут владеть магией земли, но один способен лишь возвращать растения, а другой может поднимать целые горы. Все строго индивидуально. Также у одних сила активизируется раньше, у других позже. У некоторых не проявляется вообще, так бывает, но редко. И дальше уже в зависимости от особенностей проявившейся силы присваивается титул. Титул короля Аэрна означает, что он его магия управлять воздухом и всем тем, что является его составной частью — ветром, погодой, небом. Люди, животные и все те, кто не способен выжить без воздуха тоже находятся в его власти. Так же и с кровью — он может убить врага, даже не прикасаясь к нему, вызвать сильное кровотечение, заставить кровь загустеть прямо в жилах или же наоборот, не позволять ране затянуться. Он способен подвергнуть кровь любого живого существа изменениям, так, что это даже не будет ощущаться. Может заставить сердце замедлиться или ускориться, принудить видеть или чувствовать то, чего нет на самом деле. Ведь кровь — везде, она основа нашего тела».

И вспоминая слова Бони я припомнила одну теорию о том, что душа человека находится в крови. Может быть, именно от таких, как Аэрн она и произошла? Влияние сидхе я ощутила на себе, хотя и не могла оценить, насколько оно сильное. И это было страшно. Очень страшно. Я чувствовала, что...ломаюсь, что внутри меня покрывается паутиной угрожающих и разрастающихся трещинок.

— Я родился, вырос и жил не один год с осознанием того, что у меня есть старшая сестра, — продолжил рассказывать Альмод и я слышала нарастающую обиду в каждом его слове. — У меня всегда была старшая сестра, которая являлась...идеалом. В буквальном смысле. Я смотрел на тебя и понимал, что хочу, чтобы моя женщина была такой, как ты. И эта мысль разрывала мою душу на куски, потому что я понимал — второй такой нет. Просто нет.

— Ну, да, — пробормотала я, чтобы хоть как-то заполнить повисшее мучительно неудобное молчание. — Второй такое нет, потому что природа дважды не ошибается.

Глаза Альмода яростно блеснули, он уже раскрыл рот, чтобы что-то сказать, но я не дала ему и шанса, грубо перебив:

— Ты говоришь про неё, про красотку с портрета. Но объясни мне, как могут две женщины, выглядящие совершенно по-разному, быть одним и тем же человеком? Или у нас тут доказанный случай реинкарнации? Я — это она в прошлой жизни?

— Мы — боги, которые были созданы богами, — вступил в разговор Аэрн, видимо, устав от роли стороннего наблюдателя. — Но даже мы не знаем, является ли смерть конечным пунктом или это всего лишь остановка в пути. В какой-то степени то, что случилось с тобой можно так и назвать. Но мы не знаем, что происходит с такими, как мы после смерти, как не знаем, что происходит после смерти с такими, как ты.

— Такими, как я? — решительно уточнила я.

— Ты была сильной, — ответил Аэрн. — Сильнее многих, и все же, ты не была сидхе. Ты была чем-то...другим. Кем-то другим. В отличии от нас, ты умела менять свой облик. Ты могла выглядеть как старуха или как ребенок, ты перевоплощалась так талантливо, что порой даже мне казалось, что вместе с внешней оболочкой ты менялась и внутренне.

Про внутренне сказано было сильно, потому что именно в этот момент внутри меня всё и сжалось. Ведь я поняла, о чем говорит Аэрн, но...

— Это невозможно, — выдохнула я, забыв вдохнуть обратно.

— Почему? В отличии от нас, в том, другом мире, откуда ты пришла, для таких, как ты есть название.

Я кивнула.

— Суккубы.

— Именно.

— И все равно не возможно, — продолжала упрямо заявлять я.

— Да? — саркастично хмыкнул Аэрн. — А разве произвольная смена облика и продолжительная молодость не является частью способностей суккубов?

— Такая магия была доступна только первородным суккубам, тем, кто был суккубом в первом, втором или третьем поколении. Потом суккубы начали вырождаться в том числе и из-за смешения крови. Но первые суккубы появились очень давно, в те древние времена, когда люди писали, блин, на папирусе, — я говорила это скорее самой себе, потому что судя по выражениям лиц отца и сына, им эта информация была хорошо известна. — Что вы на меня так смотрите?

— Ты только что сама ответила на свой собственный вопрос, — с легкой примесью самодовольства ответил Аэрн. Кажется, кое-кто наслаждался всей этой ситуацией.

— Если и ответила, но не заметила этого, — с вызовом бросила я. — Можешь пояснить для тех, кто не отличается умом и сообразительностью?

— В таком случае, тебе пояснять ничего не требуется, — парировал Аэрн. — Ведь ты всегда была достаточно умна и сообразительна, чтобы понимать, что происходит.

— Вот ты сейчас вообще не про меня говоришь, — процедила я сквозь зубы и тут нашу задушевную беседу прервали. За дверью, которая отгораживала нас от участвующих в местных аристократских посиделках, раздались истерично-испуганные вскрики, шум, а потом...на самых высоких нотах завопил женский голос.

Мы все трое застыли, разом, словно по предварительному сговору, превратившись в соляные статуи. Только глаза моргали. У меня. А эти двое вообще не шевелились и кажется, даже не дышали.

И тут створки дверей распахнулись, громко ударившись о стены. Я вздрогнула и повернулась, ожидая худшего. На пороге, покачиваясь и истекая кровью из огромной рваной раны на груди, появился молодой и очень бледный мужчина в кожаной безрукавке и таких же плотно облегающих кожаных штанах, заправленных в высокие сапоги. Через плечо у него болтался арбалет, в наружных ножнах держались клинки, а в руке он зажимал внушительный обоюдоострый меч, который выскользнул из окровавленной ослабевшей руки и со звоном ударился об мраморный пол.

Глядя большими неестественно округленными глазами на короля, мужчина попытался что-то сказать, но едва он разлепил губы, как изо рта хлынула темная, практически черная жидкость, которая лишь очень отдаленно напоминала кровь.

Альмод вскочил и ринулся к раненному, успев подхватить его до того, как из-за подогнувшихся коленей мужчина распростерся на полу.

— Сигвал, — прошептал Альмод, тряся мужчину за плечо. — Сигвал!

Но даже с моего места было очевидно — парень умер, уставившись в бесконечность остекленевшим взглядом помутневших глаз. Как у снулой рыбы, всплывшей кверху брюхом.

— Альмод, — оборвал его твердый как камень и холодный как лед голос Аэрна.

Я повернулась к королю.

— Что происходит?

— На нас напали, — ответил монарх так, как будто сообщил мне погоду на завтра. — Фоморы.

Поднявшись, он в несколько шагов оказался у двери, присел возле раненного и, положив ладонь ему на глаза, прошептал несколько слов, которые я не поняла. Едва король договорил, как его рука вспыхнула настолько ослепительным светом, что я непроизвольно сощурилась. А когда смогла немного приоткрыть веки, то успела заметить лишь, как белый свет объял мертвого воина и словно растворил его в воздухе, оставив на месте тела легкую призрачную дымку в форме тела погибшего. Дымка быстро растаяла, как будто её и не было. Как и погибшего.

— «Ахринеть» кричали гости, — выдала я, сама с трудом понимая, что несу.

— Ты остаешься здесь, — приказным тоном сообщил мне Аэрн, а после положив ладонь на плечо стоящего на коленях перед тем местом, где еще пару секунд назад лежал раненный воин, произнес: — Мне жаль, сын. Но мы не можем ждать. Следует защитить дворец и всех, кто в нем.

Альмод кивнул и тяжело поднялся. На его обескровленном лице не было слез, но в глазах стояла невыразимая словами тоска пополам с болью. Кажется, погибший был ему близок.

— Он был моим лучшим другом, — осевшим голосом пояснил Альмод. — Мы росли вместе.

Я нервно глянула на Аэрна. Он говорит это мне?

— Да, — ответил на невысказанный вопрос король и вышел, бросив через плечо. — Ты никогда не умела скрывать свои эмоции. Твое лицо — словно зеркало, в нем отражается все, что у тебя внутри. Помни об этом, моя девочка.

Альмод скользнул по мне прощальным взглядом и последовал за отцом. Уже закрывая дверь, он потребовал:

— Не покидай эту комнату ни при каких условиях!

Я лишь молча пронаблюдала за тем, как запираются створки и проворачивается в замочной скважине ключ. Кажется, меня заперли.

Но едва оставшись в одиночестве, я вскочила и почти бегом бросилась к портрету. Несколько минут я внимательно рассматривала полотно, пристально вглядывалась в каждый штрих, в каждую изящную линию, в каждый мазок кистью. Я знала, что ищу. Но пока что не находила. И мысленно жалела, что не имею под рукой лупы. И стремянки, чтобы дотянуться до самого верха картины, упирающейся прямо в потолок.

Картина была большой, а потому на внимательное её изучение ушло бы немало времени, которого у меня не было. Оглянувшись на остающуюся запертой и безмолвной дверь, я дала себе еще пару минут, решив напоследок пристальнее исследовать нижнюю часть полотна. Хотя, следуя логике, с него и надо было начинать, ведь большинство художников традиционно оставляют свои авторские подписи в одном из нижних углов, но я отталкивалась от обратного, предполагая, что самое важное будет по классике спрятано на виду.

И ошибалась.

В правом нижнем углу, на подоле платья девушки были размашисто выведены черной краской три буквы, больше похожие на тень, укравшуюся в складках наряда. Автор настолько гармонично вписал свою подпись в общий облик картины, что если не знать, что искать и не высматривать это целенаправленно, то подпись практически не возможно заметить. Но я заметила. Более того, я знала, кто так расписывается.

Сердце пропустило удар. А мне вдруг стало очень душно.

Он изменил свою внешность. Он изменил своё имя. Он выбрал себе новую семью. И придумал новую биографию. Но старые привычки — они остаются, как ты их не вытраивай. Люди вдруг, когда говорят, что могут или уже изменились. На самом деле люди не меняются. Никогда. Они могут притвориться, что изменились. Могут убедить в этом самого себя и окружающих. Но на самом деле, их истинная личность по-прежнему внутри, лишь запрятана поглубже. И рано или поздно, ей надоест прятаться, и она вновь вылезет наружу.

Потянув руки за спину, я дернула за шнуровку, постаравшись сделать платье свободнее. Пришлось потрудиться, но, в конце концов, мне удалось ослабить завязки и с наслаждением вздохнуть. Все-таки, быть леди — это не моё.

— К черту, — решительно выругалась я и отшвырнула подальше туфли, сдернула с ног чулки, а еще через десять минут мне, наконец, удалось выбраться из тесного наряда,

оставшись в том, что у сидхе считалось нижним бельем, а в привычном для меня понимании являлось самостоятельной одеждой. Разорвав тонкую длинную белую юбку с двух сторон, я широким шагом направилась к окну, по дороге прихватив кресло. Правда, при этом чуть не вывихнув себе плечо, потому что кресло оказалось неожиданно тяжелым. Слишком тяжелым, тяжелее, чем можно было представить, глядя на него со стороны.

Поудобнее перехватив кресло обеими руками, я продолжила свой путь к единственному, как мне казалось, выходу из этого логова всех местных сумасшедших. Только уже не уверенной широкой походкой, а ковыляя, словно уставший муравьед, путаясь в собственных ногах и натываясь на мебель.

Не дойдя двух шагов до своей цели, я остановилась, сдула с лица прядь волос, которые так старательно уложила Боня отерла пот со лба, глубоко вздохнула, покрепче вцепилась в кресло и...размахнувшись, отправила его напрямиком в окно.

Раздался грохот, звон, треск защитного заклятия на окне, которое тут же вспыхнуло ярко-фиолетовым огнем. Но видимо тот, кто накладывал магию учитывал исключительно возможную угрозу извне. Или же никто не додумался сделать защиту от кресла, кто знает. Но прием сработал, хотя не успела я порадоваться, как двери вновь распахнулись и в комнату ввалились мои охранники с мечами наизготовку. Черт, забыла про них. Надо было предварительно подпереть дверь. Но единственное, чем это можно было сделать — диваном, а он, скорее всего, тяжелее, чем кресло раз в пятьсот. И мне понадобилось бы несколько часов просто на то, чтобы дотащить его до двери. Несколько часов и пара литров вискаря.

— Ой, здравствуйте! — выдала я, переводя взгляд с одного голого торса на другой. Не то, чтобы меня впечатлили мышцы, хотя там было чему впечатлиться, а скорее кровавые брызги и несколько таких же кровавых разводов на гладкой коже. Об их происхождении не трудно было догадаться, ведь на самих воинах не было и царапины.

Я медленно склонила корпус вправо, чтобы заглянуть за спины храбрых бойцов. То, что я увидела в зале, где еще несколько минут назад плясали задорные дамочки и разносили напитки официанты меня не порадовало. А кого порадует груда мертвых тел, порубленных словно на салат и кровавые ошметки чего-то, подозрительно похожего на вырванные внутренности?

— А я думала, где вы? А вы тут, оказывается, — пробормотала я, стараясь сдержать тошноту от вида кровоточащих кусков мяса.

— Вам следует оставаться на месте, ис-рейна, — сурово проговорил тот, которого Альмод представил, как Киана. — Опасность еще не миновала, вы не должны покидать эту комнату.

— Папа с сыном покинули и ничего, — резонно заметила я, перестав пялиться на трупы, коих я в своей жизни повидала даже больше, чем живых людей. Но почему-то вид именно этих, грубо порубленных существ, вверг меня в какое-то странное потрясение. Может быть, потому что в моем мире чаще использовали огнестрельное оружие, а не сказочные тесаки?

— Король и ис-радай внизу, сражаются с напавшим на нас врагом, — непривычно сдержанно пояснил тот, который с разноцветными глазами. Его вроде звали Кай. — Вам не стоит переживать за них, они — одни из лучших бойцов в королевстве.

— Да, я так переживаю, так переживаю, — запричитала я, хватаясь за сердце и пятясь к окну. — Вы не могли бы передать им кое-что?

— Как пожелает моя принцесса, — склонился в легком полупоклоне Киан.

— Передай им вот что... adiós amigos! — крикнула я и с разбегу выпрыгнула в окошко.

11.

Полет длился недолго, а приземление вообще не порадовало. Точнее, его и вовсе не последовало. Когда до пруда, разбитого в парке, окружавшем королевский дворец оставалось всего ничего, меня вдруг с силой дернуло вверх, да так, что из легких выбило весь воздух. И лишь спустя некоторое время я осознала, что не только не нырнула в воду, как рассчитывала, но и лечу по воздуху, набирая высоту в то время, как в мои плечи вцепилось что-то острое. А тот самый парк, в который я целилась, стремительно уменьшался в размерах.

Повернув голову, я едва не заорала от неожиданности. Прямо перед моим носом находились огромные, серо-зеленые чешуйчатые лапы, оснащенные черными когтями размером с мою ладонь каждый.

— Нет, нет, нет, нет! О, Боги, нет! — быстро помолилась я в слух, запрокинула голову и увидела такое же, как и лапы, огромное серо-зеленое брюхо. — Дракон...

Меня держало в своих лапах крылатое существо, которое вроде как мифическое, а если и существовало, то по идее должно быть вымереть примерно пару тысяч лет тому назад!

От мысли об этом меня затрясло. Ощутимо, так что даже дракон почувствовал. Изогнул мощную шею, которую, чтобы обнять, потребовалось бы с десяток человек и взглянул на меня огромным желтым глазом с черным вертикальным зрачком. Не знаю, что подумал дракон, но лично я решила, что меня сейчас сожрут. Глаза дракона мигнули и мне почудилось, будто я увидела в них укор на пополам с насмешкой.

Дракон отвернулся и взмахнул широкими кожаными крыльями, отчего меня качнуло назад. Не держи он меня своими лапами, то, наверное, спровоцированным потоком воздуха меня бы унесло обратно в то окошко, из которого выпрыгнула. А я обратно не хотела. Нет, дракон, который вполне возможно, был людоедом тоже такая себе перспектива, но выбраться вырваться от сидхе уже было прогрессом. Только пока непонятно, прогрессом в какую сторону — лучшую или худшую.

Пока я, пожимая ноги и произвольно вцепляясь в лапы дракона, размышляла о том, как отреагируют на произошедшее дорогие «родственники», дракон широко расправив крылья, взял курс налево, оставляя солнце по правую сторону от нас.

Я не понимала, куда мы направляемся, так как ориентироваться в мире, где ты кроме спальни, гардеробной и голых торсов охранников ничего не видела было затруднительно. Но уже через несколько минут полета все эти мысли вылетели из моей головы, а все сознание заняло стремление не окоченеть в полете.

— Эй! — не выдержала я, когда зубы начали выдавать непрерываемый барабанный стук. — Мне холодно! Слышишь? Я тут в замороженную морковку превращусь!

Еще один косой взгляд на меня и дракон вдруг резко нырнул вниз. А я чуть не лишилась языка, прикусив собственными зубами.

— Вот идиот, — прошипела я, не рассчитывая быть услышанной, так как свист ветра и хлопанье крыльев, ставшее интенсивнее, казалось, заглушало все.

А, нет, оказалось не все. Мысли они заглушить не могут.

— Я не идиот, не надо рругаться, — проговорил у меня в голове низкий голос, произносящий звуки чуть более протяжно, чем я привыкла. — Пррроссто давно ссс людьми не летал.

— Ты что, телепат? — спросила я, вспомнила Игната и завертела головой.

поклонился? Скорее мотнул шипастой мордой, едва не задев сводчатый потолок пещеры.

— Галарион, так Галарион, — прохрипела я, перекатываясь на спину. — Вообще пофиг. Чего надо Галарион?

— Я должжжен пррррривесссти тебя к моему пррррравителю, — пророкотал дракон.

— Еще одному? — обреченно простонала я. — Что-то слишком много монарших особо на один квадратный метр!

— Ты должжжна прррррроявлять уважжжение! — дракон раздраженно выдохнул из ноздрей густой дым.

Я снова закашлялась, на этот раз, от запаха, который был похож на что-то среднее между паленой куриной кожей после ощипывания перьев и горелым хлебом.

— Фу, — начала отмахиваться я, приподнимаясь. — Ты мог бы не дышать на меня? А то вся та вода, которой я нахлебалась благодаря тебе, наружу просится.

— Неблагодаррррррная девчонка, — рыкнул дракон и его верхняя губа дернулась вверх, обнажив острые зубы, которые были белее моего будущего. — Я вообще мог не ззззаботиться о твоём благополучии и дать тебе утонуть.

— Так почему не дал? — хмыкнула я и, собрав окончательно распустившиеся волосы в жмению, выжала из них воду.

— Был пррррриказззз доставить тебя жжживой, — пророкотал дракон и озлобленно выдохнул, на этот раз хотя бы без дыма. — И в то время, как мои братья ведут войну, я ссссижжжжу зззздесь и нянчусь сссс человечесссской малявкой.

Я опешила от такого заявления.

— Мне двадцать три года вообще-то.

— Зззеленая, — фыркнул Галарион и от его устрашающе огромной морды во все стороны полетели искры. — Зззнаешь, ссссколькo мне? Трррисста пятьдесят!

— Ты что, долгожитель? — прыснула я в кулачок.

— Да я в ссссамом пррррассцвете ссссвоих ссссил! — ни с того, ни с сего взбеленился дракон и приподнявшись, распахнул свои крылья, размах которых был равен размаху пассажирского самолета.

— Ладно, ладно, успокойся, — залепетала я, в успокаивающем жесте выставив вперед ладони. — Я все поняла, не надо устраивать показательных выступлений.

— И что он в тебе нашшел? — мигнул зрачками дракон, укладывая своё крылатое достоинство и приседая обратно на место.

— Кто? — не поняла я.

— Мой повелитель, — дракон оценивающе склонил голову, отчего стал похожим на огромную утку. Только без клюва. И с дымом из ноздрей. — Мелкая, коссстлявая, не кррррылатая.

— Да еще и без чешуи, — поддакнула я. — И хвост отвалился в процессе эволюции.

— Надо было тебя утопить, — сделал вывод дракон.

— Надо было меня просто не ловить, — пошатываясь, я поднялась на ноги, потому что сидеть в мокром тонком платье на холодной камне было тем еще удовольствием.

— Слушай, может я обратно поплыву, а? — я с надежной посмотрела на дракона. — А ты своему повелителю скажешь, что не нашел меня.

— Это будет трррррудно ссссделать, — хохотнул дракон. — Ведь он тебя ужжже видел.

— Ммм? — невнятно промычала я, не зная, что сказать.

— Ты дейссствительно думаешшь, что есссли бы Нимуэ присссуссствовала пррри

законном месте. В этот момент сверху послышался какой-то гул, нарастающий с каждой секундой. Подняв голову в направлении поверхности, я увидела морду вредного дракона, пытающегося разглядеть что-то под массивом воды.

— Эй, принцесса, — прозвучал в голове голос, который я тут же узнала. — Тебе мало притворятся сидхе, ты решила поиграть в русалку?

Я мысленно выругалась, пожелав чешуйчатому отправиться по определенному маршруту с ярко выраженным эротическим уклоном, изо всех сил стараясь удержаться у дна, препятствуя выталкивающему действию воды.

— Не, межвидовые связи меня не интересуют, — сообщил дракон за секунду до того, как опустил хвост и выдернул меня из воды, ухватив за щиколотки.

Болтаясь вниз головой, откашливаясь и отплевываясь, я мысленно посылала назойливое огнедышащее создание во все известные человечеству адреса.

— Дракон, — жалобно позвала я, когда пыл немного угас, а в носоглотке больше не булькало. — А, дракон?

— Что? — с насмешкой прозвучало надо мной.

— Отпусти меня, а? А я тебе за это...ну...не знаю...чего ты хочешь? Мы можем поторговаться.

— Какое щщщщедое пррредложжжжение, — хохотнул дракон, отчего стены пещеры содрогнулись. — И очень зззаманчивое, но я, пожжжалуй, воздеррржжжуссь.

— Почему? — покачнулась я, присматриваясь к хвосту на наличие возможных уязвимостей.

— Потому что ессси я не пррриведу тебя к моему повелителю до зззаката, то до следующщщего ужжже не дожжживу, — уже без смеха и издевательских ноток сообщил дракон, дыхнув на меня смрадом. С трудом удержав подкатившую к горлу тошнотворную горечь, ведь продемонстрировать весь свой внутренний мир в подвешенном состоянии было не самой лучшей идеей, я помахала ладошкой перед лицом и продолжила переговоры.

— Сурово.

— Как и вссся нашшша жжжизззнь, — с неожиданной мудростью отозвался огнедышащий и аккуратно опустил меня вниз, опять уложив спиной на холодную, твердую и крайне неудобную для подобного лежания поверхность.

— А сссейчассс сссси, — распорядился он, тяжелой поступью отходя назад.

— Как это спи? — подхватила я.

— Как? — переспросил дракон, медленно переступая с камня на камень. — Лежжжа.

— Ты же сказал, что должен доставить меня к своему правителю! — едва не прокричала я.

— И я это сссделаю, — дракон вздохнул. — Но проход межжжду мирррами отквррроетссся только на рррасссвете, когда перррвые лучи сссолнца отррразззятся в водной глади. А сссейчассс тебе нужжжно поссспать, зззавтррра тебя жжждет...кое-что.

Я гулко сглотнула, посидела пару минут, рассматривая пространство перед собой, а потом подняла взгляд на усевшегося на своё место чешуйчатого.

— Здесь вокруг только камни и вода, — я развела руками. — Где, по-твоему мнению, я должна спать?

— На сссамом деле, мне всссе ррравно, — приоткрыл левый глаз дракон, чтобы наградить меня демонстративно-безразличным взглядом.

Я едва не зашипела разбуженной змеей от нахлынувшей злости, а после отвела душу,

основательно выругавшись про себя.

— Фу, как не кррррасссиво, — с видом оскорбленной добродетели глянул на меня дракон и отвернулся.

— Сам такой, — ощетибилась я и стала осматриваться вокруг, пытаюсь найти местечко поудобнее. — Заставляешь слабую девушку ночевать на мокрых, холодных, а главное — острых камнях. Я, в отличии от некоторых, не какая-нибудь ящерица.

— Еще одно ссслово про ящерррицу, — рыкнул дракон, приподняв зубастую морду, — и ночевать ты будешшшь вместе ссс рррыбками, на дне океана.

— Уж лучше с ними, чем с тобой, — огрызнулась я. — Они поприятнее будут.

— Это ты пррррроссто зздешшшних рррыб еще не видела. Там такие экзззземпляррры водятсся, что дажжже я на их фоне покажжжуссь тебе милым пушшшиссстым котенком.

Я демонстративно расхохоталась:

— Ты? Милым? Если только в параллельной реальности.

— В той жжже рррреальности, где ты сслабая и хррррупкая? — не остался в долгу дракон. — Видел я посссследссствия твоей сслабосссти и хррррупкосссти.

— На что ты намекаешь? — едва ли не подпрыгнула я.

— На то, что ты не та, зззза кого пытаешшшья ссебя выдать, — ответил дракон, вновь лениво опуская тяжелые веки.

— И очевидно не та, кем сама себя считаю, — пробормотала я, но мне не ответили. Сперва решила, что меня игнорируют, но присмотревшись, увидела размеренно поднимающуюся и опускающуюся спину свернувшегося в клубок дракона. Мой собеседник уснул.

Я подошла к воде, присела на корточки, с минуту рассматривала своё отражение в зеркальной водной глади, а после вздохнула, поняв, что мне не оставили выбора.

Опустив руки в воду, я прикрыла глаза и визуализировала образ Руслана, пытаюсь реконструировать в своей памяти его образ, его запах, его голос, ощущение его рук на своей коже. Это было трудно, словно мы не виделись целую вечность, словно нас отделяет друг от друга не несколько часов, а несколько десятилетий, но все же у меня получилось. В какой-то момент возникло ощущение что вот он, рядом, так близко, что можно ощутить тепло, исходящее от его тела. И тогда я мысленно позвала его, пытаюсь своей магией нащупать его магию. Магию, противоположную мне по всем параметрам, и все же, более близкую, чем всё, чем был пропитан мир сидхе. Я не была уверена, что делаю это правильно и что это вообще сработает. Просто когда-то читала, что все элементали, даже принадлежащие к противоположным стихиям, связаны между собой, так как все пользуются магией природы. А природа — едина и по сути, пользоваться тем, что она дает, это как черпать воду из одной реки, но в разных местах.

Повторяя про себя имя Руслана я звала, и звала, и звала, ориентируясь на его образ в своей голове. Возможно, это сработало бы быстрее и лучше, если бы мы находились в одном мире. Но можно ли пробиться, пребывая в совершенной иной реальности? Я не знала, но не могла не попробовать, пытаюсь докричаться до того, кто возможно даже не пытался меня услышать.

Это было как посылать радиосигнал, не будучи уверенной в том, есть ли у адресата соответствующее устройство для его получения и расшифровки. Но я звала, потому что только это и могла сделать в данной ситуации. Мне нужна была помощь. И я пыталась о ней попросить, ощущая себя так, словно стою посередине гор и пытаюсь докричаться до

знакомых людей, но в ответ слышу лишь эхо собственных воплей.

- Ис-рейна? — услышала я так близко, что едва не выругалась от неожиданности, но уже вслух. Дернулась, оступилась, упала, больно ударив коленку и, схватившись за неё обеими руками, во все глаза уставилась на говорящего.

— Ты кто? — передо мной, наполовину высунувшись из воды и опираясь руками об острые каменные выступы покачивалась на слабых волнах девушка.

Очень необычная девушка. Длинные зеленые, как трава по весне, мокрые волосы, красные глаза без зрачков, бледно-серая чуть поблескивающая кожа и руки с прозрачными перепонками между пальцами — все это обычным не назовешь.

— Меня зовут Меллина, — представилась девушка, обнажив в улыбке мелкие и острые, словно у маленькой собачки зубки.

Я вздрогнула.

— Ты что, русалка?

— Я — морская фея, — продолжая жутко улыбаться, пояснила незнакомка.

Судорожно улыбнувшись в ответ, я вытянула шею, попытавшись рассмотреть ту часть зеленоволосой красотицы, которая оставалась под водой. И вздрогнула повторно, узрев два размеренно покачивающихся рыбьих хвоста растущих из туловища барышни.

— Опачки — лапочки, проебали тапочки, — вырвалось у меня.

— Тапочки? — недоуменно склонив голову отреагировала фея. — Что это значит?

— Такие домашние шлепанцы, обувь, в общем, одежда для пяток, — как смогла, объяснила я, бестолково водя перед собой руками в воздухе. Поняла это, остановилась и руки спрятала за спину.

— Я не ношу обувь, — мигнула прозрачными вертикальными веками, которые дополняли образ чудища из сказки.

— Это я уже поняла, — пробормотала я, все еще рассматривая два хвоста с крупной темно-зеленой чешуёй. — Это я в целом, о ситуации.

— Ис-рейна, — девушка поклонилась. — Меня прислали за вами.

— Кто? — напряглась я, ведь количество желающих встретиться со мной росло в геометрической прогрессии и очень сильно беспокоило.

— Моя госпожа, — загадочно улыбнулась девушка. Ну, вернее, это могло бы выглядеть загадочно, если бы у неё были нормальные зубы. А так, любая улыбка в её исполнении выглядела хищной и делала похожей на пиранию.

Я хотела спросить, если ли имя у указанной госпожи, но в этот момент в пещере раздался громкий всхрап, и дракон заворочался.

— Он просыпается! — громким шепотом заторопила меня фея. — Нам следует убираться отсюда и как можно быстрее! Заклятье не будет действовать вечно, а он — сильный!

— Заклятье? — я не сдвинулась с места. — Ты что, навела на него магию?

— Не я, а моя госпожа, — быстро пояснила хвостатая. — Идемте же! Скорее! Я одна с ним не справлюсь!

13.

Буквально рыбкой выпрыгнув из воды, русалка схватила меня за руку и дернула за собой. Я даже вскрикнуть не успела, как нырнула в воду головой вниз, едва на захлебнувшись. И тут же начала сопротивляться, запаниковав, ведь в отличии от хвостатой

барышни, у меня не было мерно вздымающихся под ребрами жабр, но едва запас воздуха в моих легких подошел к концу, как рядом с моим лицом появился белый прозрачный пузырь. Он немного отливал перламутром и испускал незначительное белое свечение, оттого напоминая большую жемчужину.

Скучковав глазки у переносицы, я с удивлением ткнула в пузырь пальцем, он вздрогнул, словно живой, и ринулся по направлению к моей голове. Пискнув, я попыталась уйти от столкновения, но не успела. Что-то слизкое мазнуло по моим щекам и лбу, и вот я уже смотрю на окружающий меня водный мир словно сквозь тонкий экран.

Пузырь облепил мою голову по линии роста волос и вдоль челюсти, при этом ощущаясь как часть меня. То есть, с его помощью я чувствовала силу и направление движения течения, температуру воды и даже ощущала легкую вибрацию, которая странными толчками отражалась от меня самой.

— Теперь вы можете дышать! — обрадованно сообщила мне русалка и, покрепче ухватив моё запястье, поплыла вперед, таща меня следом как на буксире.

Я не сопротивлялась. На самом деле, я упорно удерживала те остатки воздуха в легких, что у меня еще были, потому что трудно было осознать, что вот эта вот штука, мелко дрожащая вокруг моей бестолковой головушки, способна обеспечить меня кислородом. А потому я не особенно внимательно следила за происходящим снаружи. Но вот, прошло меньше минуты и в глазах стало темнеть. Исключительно из упорства я попыталась сдержаться, но рефлекс, нацеленный на выживание, оказался сильнее, и я шумно вдохнула.

— О Боги, — прохрипела я, неровно вдыхая и выдыхая. — Действительно, работает.

— А вы не верили, — обернулась ко мне русалка с довольной улыбкой. — Я же говорила, с ним вы сможете дышать. Не было необходимости так мучить себя.

— Мучить себя — моё любимое занятие, — пробормотала я, особенно не стремясь быть услышанной.

Русалка на мои слова никак не отреагировала, а лишь поплыла быстрее.

— Слушай, — повысив голос, крикнула я и для убедительности дернула рукой. Но к моей неожиданности, хвостатая оказалась сильнее, чем могло показаться на первый взгляд.

— Нет необходимости кричать, — тут же ответила зеленоволосая, глядя исключительно вперед и предоставляя мне возможность лицезреть её узкую голую спину. Была ли она голой спереди, я не успела разглядеть. — Я вас прекрасно слышу. Водяной пузырь сделан так, чтобы звуки легко проникали как наружу, так и во внутрь.

— Какое интересное изобретение, — пробормотала я и, подняв руку, ткнула пальцем в пузырь рядом со своим подбородком. Пузырь не лопнул, лишь на его поверхности под механическим воздействием образовалась небольшая ямка, которая быстро исчезла.

— Его создала моя госпожа, — заявила русалка и гордость в её голосе невозможно было не уловить.

— К слову, о ней, — спохватилась я и непроизвольно дернулась, увидев, как в метрах пяти невозмутимо проплыла акула больше меня раза в три. — Вот же ж!

— Не бойтесь, Мурка не кусается, — заметив мою реакцию, сообщила русалка.

— Мурка? — поперхнулась я. — Seriously?

— А что? — русалка явно не ожидала такой реакции, даже чуть сбавила ход и обернулась, за что ей едва не объявило благодарность моё запястье, уже основательно онемевшее. Хватка у обитательницы местного водоема была основательная. — Разве не так

люди называют своих домашних питомцев?

— Кошек! Люди так называют своих кошек, когда им лень придумывать что-то чуть более оригинальное и короткое, чем «Эй, ты, зараза пушистая»! — едва не заорала я, потому что увидела еще одну акулу, лениво плавающую уже значительно ближе, чем первая. — А это, наверное, Барсик, да?

— Нет, — моргнула русалка. — Пушок.

Я нервно сглотнула.

— Акула по имени Пушок? — решила на всякий случай уточнить я. Нет, ну, а вдруг у меня затяжная галлюцинация?

— Ну, да, — подтвердила русалка, одним плавным движением в водовороте собственных волос развернулась обратно и уже собралась опять рвануть вперед, как я её остановила.

— Стой, стой, стой!

— Что-то не так? — девица оглянулась на меня, нахмутив востроносое пучеглазое личико.

— Всё не так, — поморщилась я, потирая уже опухшую конечность. — Потому что у меня только две руки, сменный набор производителем не предусмотрен. И если ты одну оторвешь, то я очень сильно расстроюсь.

— Я не собираюсь отрывать вам руку, — девушка, казалось, была сбита с толку и искренне опечалена.

— Возможно, сознательно нет, — согласилась я. — Но у меня было такое чувство, как будто именно это ты и делаешь.

Русалка недоуменно уставилась на меня.

Я вздохнула.

— Мне больно, — прямо сказала я. — И вообще, хотелось бы узнать, куда ты меня с таким усердием тащишь. Может быть, мы для начала побеседуем? На берегу, например. Я, знаешь, не привыкла болтаться посредине моря как известная субстанция в проруби беседуя с...хвостатообразными незнакомками.

— Вы все поймете, когда мы доберемся до места, — заверила меня русалка.

Я оглянулась по сторонам. Акул уже поблизости не было и это не могло не радовать. После задрала голову вверх, в направлении предположительной поверхности. Судя по количеству света, проникающего сквозь водную толщу, мы находились примерно на глубине трех-четырёх метров. Вниз смотреть вообще не хотелось, еще как только мы выплыли из грота там, ближе ко дну, наблюдалось сосредоточение едва просматриваемой темноты. Какие чудовища могли находиться там, затаившись и выжидая, одним местным богам было известно. Но у меня только при взгляде в направлении еще больше глубины начинался приступ клаустрофобии.

— Мне бы хотелось понять суть происходящего до того, как мы доберемся хоть куда-нибудь, — отрезала я и, широко загребнув руками и ногами, поплыла вверх.

Но далеко не уплыла. Меня самым нелюбезным образом схватили за лодыжку и дернули вниз. Клацнув зубами и едва не прикусив себе язык, я уже собралась пнуть наглуую хвостатую, как её лишь приблизительно похожее на человеческое лицо возникло в непосредственной близости от моего.

— Шшшшш, — зашипела русалка, прикладывая палец к губам. — Вам нельзя выплывать на поверхность. Вас все ищут.

— Кто ищет? — моргнула я.

— Все, — выразительно округлила она свои наводящие жуть глаза. — На дворец короля Аэрна было совершено нападение. Фоморы пробрались на бал под личиной членов делегации из Неблагого Двора. Даже королева Нимуэ оказалось ненастоящей. Это было сделано, чтобы выкрасть вас у сидхе и переправить к фоморам. Гал, ну, тот дракон, который притащил вас в пещеру, он служит правителю фоморов. Ему велено было забрать вас и переправить через Врата Льва, которые открываются между мирами в строго определенное время. По приказу правителя фоморов Фаир, страж Врат со стороны фоморов, должен встретить вас на рассвете, как только первые лучи солнца коснутся воды. Поэтому вам надо скрыться как можно скорее и затаиться.

— Погоди, погоди, — замахала я на русалку руками. — Дракон говорил о закате, а не о рассвете.

— Мир фоморов — на обратной стороне нашего мира. Когда здесь закат, в их мире — рассвет.

— Так, — попыталась разобраться я. — Меня ищут фоморы, верно?

— И не только они, — закивала русалка, быстро оглянувшись. — Сидхе тоже, как благие, так и не благие. Ваша семья отразила нападение на дворец и теперь все силы брошены на то, чтобы найти вас.

— С благими все понятно, — я потянулась, что потереть виски, но пальцы наткнулись лишь на непроницаемую скользкую магию пузыря. — А фоморам-то я зачем?

— Вы не знаете? — изумилась русалка и даже чуть отпрянула от меня.

— Как ты думаешь, — саркастично вздохнула я. — Если бы я знала, мы бы сейчас тратили время на этот разговор? — и хотела добавишь еще парочку едких замечаний, как вдруг позади нас раздалось нечто, похожее то, как если бы в воду уронили кусок горы.

— Это он! Скорее! — закричала вдруг русалка и вновь вцепившись в мою руку, на этот раз в районе локтя, рванула вперед так, что у меня чуть голова не оторвалась, дернувшись назад от такого рывка. Единственное, что я успела заметить, так это двух белых акул, вдруг вынырнувших из тьмы на дне как раз в том месте, где за секунду до этого находилась я.

Не знаю, сколько это продолжалось. В какой-то момент у меня заболело абсолютно все. От ушей, которые заложило настолько сильно, что появилось ощущение, будто мою голову сдавили с двух сторон в попытке расколоть как переспевший арбуз. И до стоп, которыми я пару раз проехала по чему-то жесткому и при этом одновременно скользкому, но определенно живому. Конкретно разглядеть я не успела, ведь русалка двигалась так быстро, что окружающий мир, который и так был мутен и мрачен, превратился в одно смазанное пятно.

И вдруг — все закончилось. Я внезапно осознала, что лежу на берегу с наполовину погруженными в воду ногами. А чуть наискосок от меня сидит русалка, вычесывая крупным белым гребнем длинные волосы и что-то тихонько напевая себе под нос.

— Привет, — улыбнулась она, прекратив своё увлекательное занятие.

— Привет, — прокашляла я в ответ, по звуку напоминая старую, трижды переболевшую бронхитом, ворону. — Что произошло?

— Ничего, — русалка удивленно склонила голову к плечу. — А что произошло?

Я приподнялась на руках, которые тут же ушли по запястьям в песок. Черный песок. Я лежала на черном песке, меня омывала черная вода, похожая на очень жидкие чернила, а надо мной клубились нечто, подобное черным облакам, да так низко, что казалось, руку протяни — и достанешь. И везде, куда ни посмотри была тьма. То есть, не просто тьма, как

ночью, в таком случае моё суккубье зрение что-нибудь, да рассмотрело. А именно непроглядное сосредоточение темноты и марка. Словно...словно в бездне.

14.

— Я лежу мокрая на песке, так что, что-то определенно произошло, — заговорила я и тут же закашлялась.

- Я решила дать вам время отдохнуть, прежде, чем мы продолжим путь, — спокойно пояснила русалка и вновь взялась за гребень.

— Напомни-ка мне, как тебя зовут? — спросила я, когда меня перестал душить кашель. Но горло по-прежнему першило и ощущалось опухшим. Как будто, что-то душило изнутри.

— Меллина, — ответила девушка.

— Зачем ты пришла ко мне? Зачем притащила сюда? И от кого мы убегали?

Русалка тяжело вздохнула, перекинула длинные волосы с одного плеча на другой и посмотрела на меня так, как обычно очень сообразительные дети смотрят на своих очень несообразительных родителей:

— Меня прислала моя госпожа, чтобы я спасла вас. Убегали мы от Галлариона, личного дракона повелителя фоморов. Они — вечные противники сидхе. Заполучив любимую дочь короля Аэрна и официально объявленную наследницу обоих престолов, которая к тому же отмечена богами как равная, фоморы не только получили бы значительное преимущество в вечном противостоянии, но и практически победили бы в нём.

- Так, — я потеряла начавшие ломить от боли виски. — Тебя прислали, и ты пришла. Это то немного, что я поняла. Но как ты меня нашла?

Русалка растерянно моргнула и выронила гребень, который с громким бульком тут же ушел под воду.

— Так вы же сами меня позвали.

— Я? Тебя позвала? — моему изумлению не было предела, настолько, что глаза широко распахнулись и полезли на лоб.

— Ну, да, — пожала остренькими плечами то ли фея, то ли русалка и с раздражением посмотрела туда, где скрылся под водой гребень. — Я услышала ваш призыв. И подумала, что раз вы его послали, значит, знаете.

— Знаю, что? — отсутствие внятных ответов уже начинало злить.

— Что моя госпожа вас ищет, — ответила русалка и посмотрела куда-то мне за плечо. А после выдохнула и склонилась в поклоне, что сделать очень трудно, сидя на скользком валуне, да еще и с двумя чешуйчатыми хвостами вместо ног.

Я уже поняла, что позади меня кто-то есть. Но оборачиваться не спешила. Во-первых, новых знакомств за последние сутки было предостаточно, а потому к еще более новым я не стремилась. А во-вторых, я не слышала шагов. Возможно, потому что устала и находилась на крайней точке истощения. Не как человек, которому нужно есть, пить и спать просто для того, чтобы существовать в этом мире. А как суккуб, который отдал последние крохи энергии, спасая пусть и временного, но напарника. Я была голодна. Очень голодна. И теряла силы, не имея возможности ни защитить себя, ни победить врагов, число которых множилось с каждым часом. Такое ощущение, как будто кто-то объявил на меня охоту. И желающие начали занимать очередь.

— Здравствуй, Риэль, — проговорил нежный тонкий голос. И я непроизвольно обернулась, хотя и не собиралась этого делать.

В дух шагах от меня стояла высокая и такая стройная девушка, что казалось её талию можно обхватить двумя руками. Худобу не скрывало длинное свободное серебристое платье и наброшенный на плечи палантин, достигающий колен девушки. Её белые, как первый снег волосы были коротко обрезаны и едва казались плеч. Я уже привыкла к тому, что сидхе в большинстве своем помешаны на длинных волосах, в потому отсутствие длинных роскошных прядей уже воспринималось как некий бунт против общества, хотя в сочетании с запоминающимся лицом, состоящим из широких скул и квадратного подбородка, они смотрелись достаточно органично. Девушку можно было бы назвать красавицей, если бы не маленькие, глубоко посаженные глаза. Обычные глаза цвета горького шоколада, которые были необычны в мире сидхе. Как я уже успела заметить, здесь все имели разноцветные, совершенно невероятные, глаза. А её глаза были...слишком человеческими, что ли?

— Кто ты? — вырвалось у меня. — И какого черта я тут делаю?

— Меня зовут Амрита, — с едва заметной улыбкой, скользнувшей по полным губам, ответила девушка. — Я — хранительница этих владений.

— Этих — это каких? — со всей любезностью, на которую была способна, переспросила я. — Я жажду подробностей.

Девушка мягко улыбнулась и промолвила:

— Некогда это место было излюбленным местом Нимфеи. Она часто проводила здесь время, но когда Первая из Сидхе покинула нас, оно опустело и затянулось тьмой. Той же тьмой, что поглотила саму Нимфею. Те, кто считали себя последователями королевы, стремились уберечь её наследие, но шли года, нас становилось все меньше и меньше. И теперь осталась лишь я, последняя из хранителей.

— О каком наследии ты говоришь? — забеспокоилась я, так как послышался мне в словах девушки намек на некую узкую группу почитателей истлевшей в веках царицы, но лично у меня с детства затяжная изжога на секты.

Девушка удивленно заморгала, обменялась взглядом с русалкой и вновь обратила свой взор на меня.

— О стремлении к единству, конечно же. Я не совсем понимаю, почему ты спрашиваешь об этом?

— Это я не совсем понимаю, какого черта сижу мокрой попой по уши в песке! — начала злиться я, с каждым словом повышая голос. — У меня даже во рту песок! А еще отбитые ребра, поцарапанные пятки и вывихнутый плечевой сустав, потому что твоя хвостато-чешуйчатая меня едва не угробила!

Я бы предъявила еще пару претензий и, возможно, сопроводила их несколькими оборотами в стиле изысканной подворотни, но в глазах начало темнеть, тело задрожало в ознобе, а горло сдавило изнутри так, словно мой собственный организм вдруг решил со мной повоевать.

— Кажется, кто-то очень хочет с тобой пообщаться, — раздался голос Амриты совсем рядом. На меня пахло смесью запахов — водорослями, мокрым деревом и чем-то травянисто-пряным. Станный аромат. Очень знакомый аромат... — Иди. У вас мало времени.

Мне всегда нравилось приходить на кладбище. Наверное, звучит странно, ведь живым свойственно бояться всего, что связано со смертью. Человеческий век короток. В этот мир страшно приходить, но не менее страшно из него уходить. Но что на самом деле пугает

людей? Расставание с привычным положением вещей? С любимыми и близкими? Или неизвестность, которой овеяно то, что там, за чертой?

Умирать не страшно. Страшно умирать в одиночестве.

— Здесь тихо, — проговорил Сашка, сидя рядом со мной на старенькой деревянной лавочке и глядя на надгробие из белой мраморной плиты, что словно мертвый, застывший в вечности цветок, возвышалось над землей.

— Ты чувствуешь это? — спросила я, поднимая голову и рассматривая клочок голубого неба, виднеющегося сквозь густые кроны деревьев.

— Что? — спросил друг. Голос его звучал глухо, словно долетая издалека. Очень издалека, как из другого мира, а может быть, и из другой жизни.

— Умиротворение, — прошептала я, с наслаждением прикрывая глаза и чувствуя, как лучи солнца согревают моё лицо.

— Нет, я чувствую кое-что другое, — ответил он. Я открыла глаза и с удивлением уставилась на друга. И он не задержался с ответом, яростно выдохнув: — Злость.

— Ааа, — отмахнулась я. — Это уже давно не новость. По-моему, это твое неизменное состояние, перманентно сменяющееся состоянием дзен-буддизма, когда ты с завидной целеустремленностью начинаешь читать мне нотации.

— Это правда? — с места в карьер начал Сашка.

— Что Земля вертится вокруг Солнца, а не наоборот? — любезно поинтересовалась я. — Так вроде уже обсудили, нет?

— Ведьмы не смогли пробиться к тебе второй раз, — по его лицу было видно, как он зол. — Они потратили все свои ресурсы, но не смогли установить контакт повторно. А ручной призрак твоего бывшего постельного друга, появившийся, когда не ждали, сообщил, что дело в тебе. Ты умираешь.

— Нет, — покачала я головой. — Он не призрак, он — королева драмы! Я не умираю, я всего лишь...давно не ела.

И я ковырнула носком ботинка зеленую травку под ногами. Почва под ней оказалась мягкой, пропитанной влагой, и рыхлой, словно кто-то совсем недавно её перекопал, но при этом молодая яркая травка казалось не тронутой, а свежей и сочной, словно ухоженный газон.

— Насколько я понимаю, речь идет не об обычной еде, правда? — вклинился в мой мозг настойчивый голос Седого.

— Знаешь, если бы все дело было в обычной еде, я бы просто съела пирожок! — закатила я глаза. — Не знаю, готовят ли здесь пирожки, я еще не успела ознакомиться с особенностями местной кухни, на наверняка что-то, да нашлось бы.

— Но в том-то и дело, что простой пирожок тут не поможет! — Сашка на мгновение прикрыл глаза, пытаясь успокоиться. Кажется, он даже что-то быстро прошептал. Может быть, молился. Не знаю, была ли ему известна хотя бы одна молитва. И не знаю, к каким богам следует обращаться убийцам, но что-то мне подсказывало, что для таких, как мы, помилования не существовало. Как и прощения тоже. А значит, молиться некому. — Фима, просто...сделай это! Неужели в этом чертовом сидхейском царстве нет ни одного мужика?!

— Дело не в наличии или отсутствии мужиков, Сань, — тихо проговорила я, отворачиваясь. — Дело в том, что я не хочу это делать. Больше не хочу.

Он ничего не ответил, но я кожей чувствовала, как в моем затылке пытаются прожечь дыру.

— Знаешь, мне кажется, это бессмысленно. Всё бессмысленно.

И едва я договорила последнюю фразу, как цепкие пальцы впились в плечо и меня самым невежливым образом развернули. Ну, как разворачивают табуретку или цветочное кашпо.

— Добрый вечер, — неожиданно для самой себя выдала я, оказавшись нос к носу с Сашкой. Кажется, в моем мозгу что-то замкнуло.

— С Новым годом, — хмыкнул Сашка.

— И Рождеством Христовым, — не осталась я в долгу. Человек от всей души пожелал, не могу ж и я не поддержать инициативу.

— Давненько я тебя так близко не видел, — проговорил друг, медленно скользя взглядом по моему лицу.

— Ага, — рассматривая темнеющую радужку его глаз, пробормотала я. — Лет сто, и еще столько же не видел бы.

— Сто лет? — красивые губы изогнулись в ироничной улыбке. — Так долго не живут.

— Живут, — я моргнула, подавив огромное желание просто прикрыть глаза и притвориться, что меня здесь нет. — Я.

— Тебе сто лет? — свел он брови у переносицы.

— Кажется, немного больше, — я постаралась не всхлипнуть. — Примерно, раз в десять — пятнадцать.

— А так бывает? — я ощутила его дыхание на щеке.

— Я не знаю, — прошептала я в ответ, крепко сцепляя зубы. — Но кажется, я — это совсем не я.

— Как ты покинула королевский дворец? — вдруг резко сменив тему разговора, спросил Сашка, отпуская моё плечо.

Я резко выдохнула и посмотрела на отодвигающегося и складывающего руки на груди бывшего напарника. И нынешнего босса. А может быть, и это тоже уже было бывшим.

— Сиганула в окошко, — и я изобразила руками этот эпичный момент прыжка в неизвестность.

— Зачем? — спросил он с отстраненным видом, покусывая губы и глядя мимо меня, сквозь меня.

Я разозлилась.

— Прости, телепортироваться еще на научилась.

— А летать уже научилась? — хмыкнул друг.

Рассказывать про встречу с драконом не хотелось, как и про его не совсем внятные намерения.

— Я — нет, а вот кое-кто — да.

— В смысле? — Сашка, наконец, взглянул на меня. Его плечи едва заметно вздрогнули, когда наши глаза встретились, и он тут же отвернулся. Слишком стремительно, чтобы это движение не выглядело подозрительно.

— В смысле, что если бы кое-кто не умел летать, то мы бы сейчас с тобой беседу не беседовали, — продолжая открыто наблюдать за другом, пояснила я.

— У тебя подозрительно нездоровая тяга к самоповреждениям, — прокомментировал Седой.

— А разве бывает здоровая? — хмыкнула я.

— Когда речь заходит о тебе — то ничего здорового в принципе не может быть, —

вздохнул Сашка как-то очень устало.

— Все претензии к богу, это он меня такой сделал, — и я указала направление, по которому следует обращаться со всеми имеющимися недовольствами, то есть, ткнула пальцем в небеса.

— Уверена, что бог? — вздернул бровь друг. — По-моему, тут скорее дьявол отметился.

— Я не профсоюзное собрание, чтобы отмечаться, — заявила я невпопад.

— О чем ты думала, когда прыгала? — понизив голос до пугающего полусшепота, спросил Сашка склонившись к моему уху. И мне стало жутко до дрожи в поджилках. Потому что можно пережить, когда на тебя орут. Можно пережить, когда тебя бьют или даже убивают. Но когда тебе вот так вот вкрадчиво, но с отчетливой яростью и едва сдерживаемой пылкостью шепчут на ухо — это пугает, вызывая только одно — желание максимально быстро смотаться подальше от источника то ли божественного наслаждения, то ли адских мук.

— Ни о чем, просто прыгнула. На самом деле, — я почесала нос, — я не собиралась убивать себя и целилась в пруд, который видела из окна.

— Но? — настойчиво потребовал продолжения Седой.

— Но выяснилось, что он меньше и дальше, чем кажется, когда сидишь в зачарованном дворце высотой с двадцатиэтажный дом.

— Так уж двадцатиэтажный, — усомнился Сашка.

— Может быть, выше, — дернула я плечами, чувствуя, как растет злость. — У меня с глазомером проблемы.

— У тебя с головой проблемы, — рыкнул Сашка.

— С каких пор это для тебя новость? — фыркнула я. — Мы же с тобой давно знакомы. Даже...слишком давно. Да, Тиарн?

15.

Друг замер, да так, словно окаменел. А буря негодования продолжала подниматься со дна моей души.

— Почему ты не смотришь на меня? — обозленно спросила я. — Я вдруг стала тебе противна?

— Ты никогда не была мне противна...Риэль.

Я дернулась, как от удара хлыстом и встала. Стало так больно. Очень больно. Как будто в душу воткнули раскаленный до бела железный прут и начали проворачивать. Снова. И снова. И снова. И еще один медленный круг, пока внутри всё вопило, содрогалось и агонизировало. А потом посыпался пепел, то ли внутри меня, то ли на меня. И под этим дождем из золы и серых догорающих опметков, я вдруг ощутила щемяще знакомую тяжесть в руке. Тело среагировало быстрее, чем мозг. Я взвела курок и направила пистолет на Сашку, прошептав:

— Расскажи мне свою самую страшную тайну.

Сашка поднял глаза и в них было столько всего. Так много эмоций, в том числе и тех, которые я не хотела видеть. И в голове что-то щелкнуло, словно сменились слайды.

И вот мы вновь друг напротив друга. Только в этот раз я стояла на возвышении, а он — передо мной. Только...это был не тот Сашка, не мой. Все, что у этих двоих было общего — только высокий рост. У этого, другого, высокий лоб, чуть вытянутое лицо и маленькая, едва заметная ямочка на подбородке, делавшая лицо более мягким. Чуть раскосые полночно-

черные глаза с серебристым зрачком придавали его лицу загадочность и легкую истому. А длинные вьющиеся аккуратными кольцами темно-каштановые волосы делали его похожим на древнегреческого бога. И да, он был сидхе.

— Не шевелитесь, моя принцесса, — проговорил он, когда я попыталась встать поудобнее, повернувшись чуть боком. — Иначе портрет не получится.

И посмотрел на меня. От этого взгляда стало жарко, душно и томно. Красноречивый взгляд. Даже слишком.

Я моргнула, собираясь ответить, но тут же наваждение пропало, словно его и не было. Мы вновь находились на старом кладбище, у лавочки перед заброшенной могилой.

— Как давно? — спросила я предательски дрогнувшим голосом. — Как давно ты знаешь?

— Всегда, — ответил Сашка и наклонился ко мне, плотнее придвигаясь к дулу заряженного и снятого с предохранителя пистолета. — Я всегда это знал. Когда ты ушла, я пошел за тобой.

Дыхание перехватило.

— А как ты узнал, куда идти? — дышать было больно, спрашивать было больно. Даже существовать в пространстве было больно.

— Хранительница рассказала мне, куда ты ушла, — пояснил Сашка, аккуратно прикасаясь к моему левому запястью. — Она моя сестра.

— Сестра? — судорожно вздохнула я. — Что-то вы не особо похожи.

— Да, — насмешливо хмыкнул он и сталь вновь блеснула в его глазах, я вновь увидела своего лучшего друга. — Так бывает, что не все дети в семье напоминают друг друга.

Сашка провел пальцами вверх по моей руке, поднимая длинный рукав. Остановившись у локтя, он повернул мою руку тыльной стороной вверх и продемонстрировал мне то, чего я еще не видела и, самое главное, не ожидала увидеть.

— Роза ветров, — проговорил Сашка, проводя пальцами по вытатуированному на моей коже знаку, многоугольнику с расходящимися от его центра в разных направлениях лучами. — Первое упоминание этого символа датировано 1300 годом нашей эры. Долгое время Роза ветров выступала олицетворением путеводной звезды, а моряки относились к ней как к оберегу. Они верили, что Роза ветров поможет в длительном плавании и укажет путь домой.

Наши взгляды встретились как раз в тот момент, когда мир содрогнулся. Подул сильный ветер, небо затмили черные тучи, а земля под ногами зашевелилась, расступаясь под напором выползающих наружу трупов. Полусгнившие фаланги пальцев с болтающимися на них ошметками кожи, обугленные черепа, зияющие дырами глазниц, щелкающие черными зубами челюсти, прогрызающие себе путь наружу — все это и многое другое выбиралось из-под земли.

— Либо мои мозги окончательно превратились в труху, — пробормотала я, делая шаг назад и глядя на человеческую ногу. Одним ударом она пробила пласт земли и теперь торчала снаружи по щиколотку, нервно перебирая в воздухе черными потрескавшимися гниющими пальцами. — Либо у нас тут зомбиапокалипсис на носу.

— С твоими мозгами все нормально, — произнес Сашка, подхватываясь на ноги. — Фима, — он вцепился мне в плечо, настойчиво заглядывая в глаза. — Тебе нужно уходить.

— Как? — закричала я, под аккомпанемент растущих из земли мертвяков. — Я даже не знаю, где мы — в моем сне, в твоем сне или вообще не во сне!

— Ты должна запомнить главное — я приду за тобой, — Сашка порывисто обнял меня. Я ощутила знакомый запах мужского одеколona, осознав вдруг, насколько он уже стал родным для меня. — Прости.

— За что? — спросила я и завопила от резкой боли, пронзившей сломанную руку.

Вопя, я очнулась в уже знакомой пещере, на знакомом черном песке. В ушах все еще стоял звук хруста собственных костей, но уже не было ни кладбища, ни Сашки, ни мертвецов.

— Хвала всем Темным Богам, ты умолкла, — раздался позади меня знакомый насмешливо тягучий голос.

Крутанувшись на попе волчком, я развернулась на звук. И обомлела. У входа в пещеру зависнув в воздухе слабо мерцал силуэт Магнуса.

Подскочив на ноги, я радостно бросилась на встречу призраку в стремлении обнять и только оказавшись нос к носу с вредным темным духом притормозила, поумерив свой пыл.

— Впервые так радуюсь встрече с мертвым некромантом, — хмыкнула я, широко улыбаясь.

— Не могу похвастаться тем же, — изогнул губы в презрительной ухмылке призрак, стараясь всем своим видом передать, насколько ему неприятно общение со мной. Но в прозрачных глазах я уловила тень тревоги. И кажется, тревожился он не за себя. — Ты так орала, когда я начал тебя будить, что распугала всех местных летучих мышей. Видимо, они решили, что кто-то пытается их сородича.

Я выглянула из-за плеча призрака, пытаюсь увидеть этих самых упомянутых рукокрылых, но вокруг по-прежнему висела непроглядная тьма, в которой если и можно было что-то рассмотреть, то исключительно своё мрачное будущее. Лишь в глубине пещеры, за спиной Магнуса, что-то мерцало слабым голубовато-призрачным сиянием.

— А ничего не меняется, да? — я перестала выгибаться и заглянула в лицо призраку.

— Да, ты такая же раздражающе нахальная, — согласился Магнус с таким видом, будто делает огромное одолжение просто разговаривая со мной.

— Да, а ты такая же едкая заноза в заднице, — в тон ему ответила я.

— У нас мало времени, — вдруг посерьезнел призрак.

— У тебя-то? — поинтересовалась я и вернувшись на песок, уселась в позе лотоса у края воды, приглашающим жестом похлопав место рядом с собой. — Куда могут спешить мертвые?

— Спасать живых, — рыкнул Магнус и подлетел ко мне, спровоцировав поток воздуха, такого же холодного и мертвого, как и он сам.

— Только не говори, что собираешься спасти меня, — хмыкнула я и прикоснулась пальцами к воде. Она была странной на ощупь. Как будто плотнее, чем обычная морская вода.

— Это Палое Озеро, — со знанием дела сообщил мне Магнус. — Благодаря ему я смогу сюда попасть.

— Кстати об этом, — спохватилась я. — Каким таким могильным ветром тебя сюда занесло?

— Ты позвала, и я пришел, — высокомерно вздернув черную густую бровь, наводящую на мысли о том, что у него в близких родственниках имелись оборотни, заявил Магнус. — Не в моих привычках нестись по зову какого-то полумага-полусуккуба, который при этом не является полностью ни тем, ни другим, но один паренек уж очень за тебя просил.

— Юстас? — удивилась я. — Откуда он знает, что я здесь? Когда мы виделись в последний раз он тихонечко пускал слюни во сне под присмотром своей любимой няни Магнуса Родионовны.

— Не забывайся, — с угрозой прорычал призрак. Я заулыбалась еще шире, Чеширский кот бы просто обзавидовался. — И нет, ты не угадала. Руслан, он попросил тебя найти.

— Аaaa, так вот, где собака порылась! — воскликнула я.

— Он слышал твой зов, — начал рассказывать Магнус, встряхнув длинными призрачными рукавами мантии и сложив руки на груди. — Но был очень пьян, даже чтобы понять, что происходит. И решил, что тебя убили и теперь ты в облике духа бродишь вокруг его дома.

— Из всего сказанного меня удивляет только одно, — меланхолично отозвалась я. — У Руслана есть дом?

— Нет, он живет в собачьей конуре, — съехидничал некромант.

— Ну, тогда земля ему мягкой подстилкой, — взмахнула я рукой. — Ты здесь зачем?

— Ты когда-нибудь научишься дослушивать? — любезно поинтересовался Магнус, продемонстрировав в холодной улыбке острые зубы.

— В следующей жизни обязательно, — пообещала я. — Я как раз на полпути к ней.

— Надо было убить тебя, когда была такая возможность, — с раздражением зашипел Магнус.

— Поздно, Зина, пить Нарзан! — весело заорала я. — Живи теперь с этой мыслью! — потом оценила степень “живости” призрака и поправила саму себя: — Ну, вернее, существуй в пространстве.

С несколько секунд он молча созерцал мою наигранно-радостную физиономию, а потом резко подавшись вперед, одним смазанным движением приблизил своё лицо, уже мало похожее на человеческое, к моему:

— Я не для того общался с твоим бывшим любовником и тем, кто метит в будущее, а потом прорывался сквозь миры, плыл по Озеру, переполненному тенями мертвых и вырывал тебя из нагнанного бывшей благой волшебного сна, чтобы сейчас выслушивать бред ненавидящей саму себя и плохо владеющей даже элементарной магией бывшую алкоголичку-недопринцессу!

— Во-первых, — я спокойно подняла указательный палец вверх. — Если под “бывшим любовником” ты подразумевал Сашку, то он мне не любовник.

— А кто? — выразительно округлил свое подобие глаз Магнус.

— Босс в пальто! — заорала я и тут же успокоилась. — А, во-вторых, откуда ты знаешь, что я...вроде как... принцесса?

Магнус отклонился назад.

— Тени сказали. Сказали, что в пещере лежит та, что отмечена Богиней. Принцесса двух миров. Ты в курсе, что можешь наследовать сразу оба трона, и Благой, и Неблагой?

— Да, я догадалась, — демонстративно поморщилась я. — Сразу, как только услышала от распорядителя бала бесконечно перечисление абсолютно не выговариваемых приставок к имени, которое вроде как моё. Хотя оно и паршивое.

— Ты и на балу успела побывать? — неподдельно изумился Магнус.

— Я не особенно к этому стремилась, но моими желаниями не так, чтобы интересовались, — поведала я со вздохом.

— Почему?

— Почему не интересовались? — уточнила я.

— Почему не стремилась, — прищурился Магнус.

— На мне плохо сидят платья, — едко ответила я. — Примерно, последние двадцать четыре года.

— Вроде двадцать три было, нет? — Магнус отвел глаза в сторону, словно что-то высчитывая.

— Было, — кивнула я. — Точнее, это “было” наступит через пару дней.

— Когда именно? — вдруг сильно напрягся Магнус, да так, что аж его образ в этом мире засиял сильнее, но не так, как сияет солнце или другой источник жизненно-необходимого света. Он не источал приятный согревающий свет, а наоборот, напоминал последнюю искру, вылетающую из задуваемой зимним ночным сквозняком лампы.

— Через четыре дня, — чуть оторопело сказала я и уже через секунду мне пришлось отпрянуть от воды, как от огня. Но если огня я не боялась, я сама была огнем, то вода... Вода — не моя стихия. А тем более, закипающая, бурлящая, адски негодующая вода. И вот из этих клокочущих темных глубин вдруг послышался утробный рык. Надо сказать, уже достаточно знакомой и успевший осточертеть.

16.

— Кто это? — Магнус напрягся и высвободил ладони из-под своей призрачной мантии.

— Да так, — скривилась я, отряхиваясь от черного песка. — Один приبلудный дракон, настойчиво желающий пообщаться.

— С кем? С тобой? — проявил поражающую недогадливость призрак.

— Нет, блин, с тобой, — не выдержала я. — Свидание хочет назначить. Ты как относишься к однополым, межвидовым и межмирным связям?

— Крайне отрицательно, — медленно бледнея, прошипел Магнус, поедая меня ненавидящим взглядом. Впрочем, он у него всегда такой, независимо от того, смотрит он на меня или на кусок грязи. Правда это сигнал о том, что мне следовало бы задуматься — то ли Магнус не способен отличить меня от кучки земли, то ли эта самая кучка раздражает его не меньше меня. А я раздражаю его всем, даже просто тем, что существую.

— Очень жаль, — театрально вздохнула я, прижимая ладошку к груди. — Это разобьет ему сердце.

Магнус медленно перевел взгляд с меня на бурлящие темные глубины озера, создающие на поверхности обезумевшего озера большие вспенивающиеся круги.

— Знаешь, а по тебе не скажешь, что у тебя было много приключений при жизни, — произнесла я. — Морда абсолютно унылая.

— За собой следи, — рявкнул на меня Магнус.

— А чего ты злишься? — насупилась я.

— Я попал сюда с помощью Палого Озера, — ни к селу, ни к городу вдруг заявил Магус.

— Очень содержательно, спасибо, что сообщил. То есть, ты в буквальном смысле приплыл? — я постаралась не расхохотаться. Но Магнус все понял и бросил на меня испепеляющий взгляд. Я в ответ продемонстрировала свои хорошие манеры, вернее их отсутствие, и показала язык.

- Точно такое же есть в мире людей, а между ними — тонкая связующая нить, по которой я и прошел, — снизошел Магнус до объяснения. — Но чтобы вернуться обратно, мне нужно погрузиться в воду. А там дракон.

— То есть, Гал мешает тебе заняться водными процедурами, — подытожила я.

— Как ты его назвала? — вздрогнув, ощерился вдруг призрак.

— Гал, — повторила я. — Галларион. Он сам так назвался, меня его имя интересовало еще меньше, чем твоё.

И тут Магнус начал изрыгать ругательства. Надо сказать, призрак некроманта, плюющийся и матерящийся на большие пузыри воды выглядел забавно, и я бы даже посмеялась, если бы от нового рыка не содрогнулась земля под моими ногами. Стало очевидно, что дракон очень и очень близко.

— Он пытается пробиться сквозь магию Озера, — перестав упражняться в сквернословии, быстро пояснил Магнус, оборачиваясь ко мне. — Тени мертвых защищают его, но дракон силен. Даже слишком силен, скорее всего, он подпитывается магией хозяина.

Мне на это сказать было нечего. Я просто стояла и моргала. Увлекательное, надо сказать, занятие.

— Ну, и чего ты стоишь, ресницами машешь? — угрюмо поинтересовался призрак.

— Мне сплясать? — также угрюмо отозвалась я в ответ.

— Беги! — вдруг не своим голосом заорал Магнус. Его призрачные глаза ярко полыхнули зеленоватой магией смерти и это стало последнее, что мне удалось увидеть. Под громкий звук всплеска воды, меня подхватило силовой волной и отбросило назад метров на десять, швырнув в самую глубину пещеры.

Падение на спину выбило из меня весь дух и заодно чуть не сломало позвоночник. С громким стоном, лишь смутно ощущая себя живой, я перекатилась на живот, поднялась на четвереньки и потрясла головой. Когда красные точки перестали скакать перед глазами, предрекая близкую смерть, я, шатаясь, смогла встать, удивленно озираясь по сторонам.

Как оказалось, пещера была сквозная, то есть, помимо входа имелся еще и выход. Его я благополучно преодолела в полете, в который меня отправил Магнус. На копчике проскользила несколько метров по полу, уходящему вниз под уклоном, и оказалась внутри чего-то, похожего на каменный склеп. Помимо вековой пыли, которая теперь уже присутствовала и на мне, это место украшали лишь дыры в каменных стенах, разные по глубине и диаметру, и выдолбленные как-то беспорядочно. Словно тот, кто это делал сам не знал, чего хотел и что искал. А впереди, прямо напротив также неаккуратно выдолбленного в камне арочного входа на высоком постаменте стояла чаша. И именно она испускала тот свет, который я видела, сидя на черном песке.

Невольно заинтересовавшись, я подошла поближе. Чаша на первый взгляд выглядела прозрачной и напоминала стеклянную. Присмотревшись, я заметила, что на ней выгравированы какие-то символы, мне не знакомые. Они походили одновременно и на арабскую вязь, и на китайскую письменность, и на египетские иероглифы. И ни на что из этого однозначно. В выщербленных на чаше символах периодически вспыхивал свет какого-то невнятного и постоянно меняющегося оттенка. Он был словно живым, переливающимся, движущимся, танцующим внутри чаши. И при этом он не покидал ее и не выступал за края. Словно что-то сдерживало его внутри, не давая прорваться наружу.

И меня потянуло на этот свет, как бабочку на огонь. Я шла, не чувствуя земли под ногами. Зачарованная игрой и блеском чаши, я делала шаг за шагом, ощущая себя так, словно стремлюсь к чему-то чистому, светлому, настоящему. К чему-то, за что можно умереть. К чему-то, за что хочется умереть. Меня буквально влекло к ней и чем ближе я подходила, тем больше образ чаши вытеснял из головы все остальное. И вот я уже стою рядом с

постаментом. Чаша теперь находится на уровне моей груди и вблизи свет внутри неё кажется еще волшебнее, еще притягательнее, еще чище. Я протянула руку, желая прикоснуться к нему, желая ощутить его на своей коже, как вдруг...

— Стой! — приказал уверенный, преисполненный власти голос. Голос, который я слышала очень давно. Голос, который часто являлся мне в кошмарах.

— Не смей! Слышишь? — продолжил голос и от этого звука внутри все содрогнулось, скукожилось, заболело той страшной душевной болью, по сравнению с которой боль физическая — ничто.

— Риган..., - прошептала я одними губами и от того, что спустя столько времени я произнесла его имя вслух боль стала еще сильнее, черным ураганом поднимаясь со дна души. И стало страшно. Это было не просто опасение, не просто испуг. Это был глубинный ужас, про который ты знаешь — он всегда с тобой. Ты чувствуешь его внутри себя каждый день, каждую минуту. Ты кричишь о нем, но это тот безмолвный крик, который мир никогда не услышит.

— Отойди от неё сейчас же! — распорядился голос. И грудь моя содрогнулась от охватившего сознание ужаса.

— Это не ты, — в панике я схватилась за голову, крепко зажмуривая глаза. — Это не можешь быть ты....

Он всегда действовал на меня особым образом. С первой минуты нашего знакомства я легко попала под его влияние. Это словно рухнуть с моста и прямо под колеса мчащегося грузовика — бесконечно больно и мучительно неотвратимо. И я действительно испытывала рядом с ним буквально физическую, едва выносимую боль. Позже, когда я уже полностью находилась под его контролем, и он был уверен, что никуда от него не денусь, он раскрыл мне некоторые свои секреты. Не все, их у него было слишком много, и все они были так хорошо спрятаны, что, наверное, жизни не хватило бы все рассказать. Да и к тому же Риган обладал бесчисленным количеством талантов, одним из которых было умение виртуозно врать. Он врал так, как не способен был никто другой. Он мог сказать правду, но так, что все подумают, будто он врет, а мог солгать — и об этом не знал бы никто, даже он сам. В этом была вся его суть — он умел лгать даже самому себе.

После нескольких дней, а может быть даже недель (я не знаю точно, ведь время рядом с ним размывалось, теряя свою точность) проведенных с ним под одной крышей и в одной постели, он объяснил мне загадочную природу моего состояния, настолько никудышнего, что я едва могла шевелиться от боли, раскаленными иглами пронизывающей каждую клеточку моего тела.

— Все дело в том, девочка моя, что я вторгнулся в твою ауру, — безмятежно выписывая пальцем невидимые рисунки на моём оголенном животе пояснил он. — А это всегда больно. Обычно боль проходит менее, чем за сутки. Но ты начала сопротивляться мне. И что самое невероятное — сопротивление идет на подсознательном уровне. Ты даже не осознаешь, что борешься и в то же время, ты сражаешься со мной словно львица, защищающая своих котят. Просто поразительно, — я услышала его смешок, в котором, как мне послышалось сквозь вату в ушах, было неприкрытое восхищение. — Ты сильна, но я сильнее. Намного. Поэтому тебе так больно.

У меня едва хватало сил, чтобы дышать, а не то, чтобы с кем-то сражаться. То безмятежное спокойствие, которым меня накрыло в момент нашей первой встречи прошло,

растаяв без следа. Туман в голове хоть и был, но я воспринимала себя и окружающий мир с прежней четкостью и ясностью. То ли я подстроилась и научилась его блокировать, то ли он изменил методы воздействия. Но одно было совершенно очевидным — я находилась рядом с человеком, опаснее и сильнее которого никогда раньше не встречала. И этот человек явно имел какие-то планы на меня.

— Когда это закончится? — спросила я, попробовав перекатиться на бок. Получилось только с третьей попытки, при этом спину от шеи до поясницы прожгло болью, от которой перед глазами замельтешили белые круги. В комнате, где находились лишь я и парень со странными абсолютно черными глазами была большой и окутанной полумраком. В центре высилась задрапированная тяжелым одеялом кровать. Единственным источником света выступал небольшой торшер, стоящий в углу. Он создавал вокруг себя ореол мягкого, убаюкивающего тепло-желтого света, от которого постоянно клонило в сон. Окна отсутствовали, как и какая-либо другая мебель. Сплошные голые стены из темно-бордового кирпича. И пол, застланный пушистым ковром, в котором ноги утопали по самую щиколотку. Я очень хорошо запомнила это ощущение, когда впервые оказалась здесь, в этой каменной тюрьме.

— Как только ты сдашься, — я ощутила движение за своей спиной. Кровать на мгновение прогнулась, когда он встал. Обойдя кровать с другой стороны, парень подошел и встал передо мной. Я лежала, практически уткнувшись лицом в подушку. А потому в поле моего зрения попадали лишь его ноги, облаченные в простые спортивные штаны белого цвета. Словно прочитав мои мысли, он присел, благодаря чему наши лица оказались на одном уровне. Ага, лица, а еще его неприкрытый одеждой торс.

И несмотря на то, что мой мозг плавал в тумане, периодически отключаясь в целях самосохранения, не оценить красоту его тела было невозможно. Смуглая кожа, имеющая тот самый редкий оттенок кофе с молоком, к которому так стремятся все любители бестолковых посиделок на пляжном песке. Прекрасное телосложение — широкие плечи, узкая талия, тренированные мышцы, очерченный пресс.

И в тот момент, самым непристойным образом рассматривая его тренированные руки с проступающими от запястий венами, я вдруг осознала, что никогда раньше не задумывалась о том, насколько привлекательным может быть мужское тело. Что-то заняло в груди и это что-то явно не имело отношения к тому, что переживал в данный момент весь остальной организм. Забыв про своё текущее состояние, я попыталась привстать, подтянув под себя ноги и...заорала от боли, падая обратно в постель и вцепляясь зубами в подушку. Все тело свело ужасающей судорогой.

Когда боль от приступа начала понемногу стихать, я ощутила на своем лице прохладные пальцы. Он легко поглаживал меня по щеке, тихонько напевая что-то на незнакомом языке. Мелодия напоминала колыбельную.

— Урод, — прошипела я сквозь зубы. В подушку. Но он услышал.

17.

— Нет, я далеко не урод, — легко рассмеялся он. И тут же его настроение опять резко изменилось. Холодные пальцы погладили мою щеку, пробежались по шее и спустились к ключице. А голос из веселого плавно превратился в отстраненно-холодный. — Я не хочу тебя ломать. Поэтому...не сопротивляйся мне.

Мне захотелось злобно зашипеть. И сделать еще что-нибудь, пусть даже откровенно

глупое. Например, плюнуть ему в лицо. Но я лишь подняла настолько тяжелые веки, будто мне на глаза положили по бульжнику, и посмотрела на него, вложив во взгляд всю имеющуюся у меня ненависть.

Парень лишь легонько усмехнулся, протянул руку и откинул с моего лба мокрую от пота прядь волос.

— Так тебе будет удобнее пытаться испепелить меня взглядом, — все с той же улыбкой пояснил он. — Не отказывай себе в этом удовольствии.

— Сволочь, — вымолвила я, закусывая пересохшую и потрескавшуюся губу. — Меня будут искать.

— И я в этом ни минуты не сомневаюсь, — закивал парень и от этого его движения у меня начало трояться в глазах. — И вполне возможно даже найдут. Но...это ничего не изменит.

Он легко поднялся и направился к выходу. К счастью, дверь здесь присутствовала. Но постоянно была закрыта. Когда ему надоедало изображать бревно рядом со мной на кровати он уходил и створку запирали снаружи. Чем он занимался в то время, когда я то приходила в себя, то опять проваливалась в полусон, не знаю. Но иногда я слышала какие-то звуки из-за двери, а до обоняния доносился мучительно знакомый, но так и не распознанный мною запах.

— Что...значит...не изменит? — от удивления, вызванного непререкаемой уверенностью, сквозившей в каждом его слове, я аж приподнялась над подушкой. Впервые мне повстречался настолько убежденный в собственной правоте человек. Это...сбивало с толку, вызывало растерянность и зачаровывало одновременно.

— Вот так, не изменит, — сказал он, прикасаясь к ручке двери. — Ты не покинешь этот дом без меня. И твои друзья, насколько бы могущественны они не были, ничем тебе не помогут. Потому что меня им не победить.

И он оказался прав.

После этого разговора я провела в кирпичной комнате еще некоторое время. Мне постепенно начало становиться лучше. Возможно, помог тот странный зеленый напиток, которым Риган самолично периодически поил меня. А возможно, моему телу просто надоело бесполезно валяться среди огромного количества подушек.

В день, когда я самостоятельно встала с кровати, передо мной распахнулась та самая дверь, куда он всегда уходил. Я была в комнате одна и вдруг услышала, как с той стороны отодвигается тяжелый засов. Аккуратно приблизившись, я прислушалась. Но никаких странных или подозрительных звуков больше не было, а потому я рискнула. Кончиками пальцев толкнула створку, и она легко поддавшись распахнулась. Я переступила порог и оказалась в шикарном, поражающем воображение и просторном помещении, которое по своей планировке напоминало гостиную. Высокие, как в оперном театре, потолки. Оббитые парчой диваны и кресла. Надраенный до блеска паркетный пол. Замысловатая люстра, украшающая высоченный потолок и больше подходящая для оперного зала. Тяжелые многослойные гардины на окнах в тон мебельной обивке.

Приблизившись к одному из них, я выглянула наружу. И остолбенела. Перед окнами раскинулась просторная парковая лужайка, по которой медленно и гордо прогуливались... павлины?

— Что за черт, — пробормотала я себе под нос.

— Что тебя так удивило? Павлины? — раздался насмешливый голос за моей спиной.

— Павлины тоже впечатляют, — проговорила я, медленно повернувшись на звук.

Небрежно облокотившись о косяк у входа стоял черноглазый. Своё имя он назвал еще в день встречи, вернее скупо проронил лишь одну фразу: «Для тебя я — Риган. Обращайся ко мне только так». Но одним из видов моего протеста было то, что долгое время я упорно избегала называть его по имени. Даже в своих мыслях.

— Ты принципиально игнорируешь одежду? — спросила я, озадаченно рассматривая его голый и, что самое удивительное, мокрый торс. Капельки воды картинно стекали по гладкой коже, завораживая и смущая одновременно.

— Ты покраснела, — насмешливо отметил он, потянувшись к своим потяжелевшим влажным волосам. — Что с тобой?

Я деланно закашлялась, пытаюсь сделать вид, что меня внезапно заинтересовала лепнина на потолке. При этом, краем глаза продолжала коситься в сторону. Парень прошествовал к небольшому изящно изогнутому диванчику на высоких тонких ножках — такой ожидаешь увидеть доме какого-нибудь французского аристократа — и сбросив с плеч полотенце, сел, устроив длинные ноги на маленьком столике, стоящем рядом. Со столешницей из тонкого стекла и как будто воздушный, он казался слишком хрупким, чтобы выдержать такую нагрузку. Я уже приготовилась услышать грохот и увидеть разлетающиеся веером осколки, но...повисшую тишину нарушила лишь птичка, звонко запевшая за окном.

— Где я? — все так же удерживая голову высоко поднятой спросила я, пытаюсь собрать мысли в кучку.

— У меня дома, — тоном, как будто ответ и так очевиден, сообщили мне. — Где же еще?

— Действительно, — саркастично прищурилась я, порывисто оборачиваясь к полуголому владельцу местной роскоши. — Но я имела в виду город. В каком городе мы сейчас находимся?

— Сообразила? — удивленно приподнял он брови.

Невольно залюбовавшись этим жестом, я дернула плечом.

— Это очевидно. На часах, — я указала пальцев на огромные напольные часы с боем и маятником, — шесть сорок пять вечера. Если бы мы оставались в столице, то сейчас бы уже стемнело. Но за окном я вижу солнце, которое только начало клониться к горизонту.

— Восхитительные аналитические способности, — оценил мои выводы улетели из столицы в ту же ночь, как встретились.

— Улетели? — икнув, переспросила я и начала судорожно перебирать воспоминания, выискивая любые намеки на недавно состоявшийся перелет.

— Ну да, это не трудно, когда есть личный самолет, — он легко поднялся и направился обратно к двери. — Ты голодна?

— Эм, — растерялась я, неуверенно переступив с ноги на ногу. — Что?

- Ты же есть хочешь, — оглянулся он на меня через плечо. И словно в ответ на его слова мой желудок громко забурчал. — Там, куда я иду — есть еда. Пойдешь со мной?

Что-то подозрительное послышалось мне в его словах. Какой-то скрытый подтекст. Словно соглашаясь на рядовое предложение, я на самом деле даю согласие на что-то большее. Но мне вдруг нестерпимо захотелось есть. Рот наполнился слюной, а желудок заворчал еще громче, резкой болью давая понять, что если я его прям сейчас не покормлю, то мне же будет хуже.

— Ладно, — согласилась я и нехотя направилась следом за Риганом, который ушел

вперед, больше не оглядываясь.

Держась от него на расстоянии в несколько метров, я проследовала за ним по длинному широкому коридору до лестницы. Двойная, полностью отделанная деревом и украшенная элегантными резными перилами, она круто уходила вниз, чуть сужаясь и изящно выгибаясь.

Парень направился к левой части, и я потопала следом, стараясь внимательно глядеть себе под ноги, но при этом продолжая отслеживать обстановку вокруг. Напрягала звенящая тишина, мрачные портреты незнакомых мне людей, выполненные в стиле американского реализма и развешенные по стенам, а также ощущение того, что мы одни не только в этом доме, но и на десятки километров вокруг.

— Так ты скажешь мне, где мы? — подала я голос, когда мы ступили на первый этаж.

— Нет, — ни минуты не сомневаясь ответил парень и повернул направо, приведя меня в большую и очень светлую комнату.

Светлой она была за счет высоких прямоугольных окон, занимающих пространство от пола до потолка. А также потому, что все в этой комнате было окрашено в белые и светло-бежевые тона — паркетный пол из светлой породы дерева, который красиво переливался на свету, присобранные по углам белые шторы из тончайшего материала, несколько низких столиков, которые венчали вазы с живыми цветами. Пионы, если я не ошибалась. Но центром притяжения выступал круглый обеденный стол, уже накрытый и сервированный к приему пищи, окруженный стульями с высокими широкими спинками и оббитыми, кажется, бархатом.

— Ничего так, — оценила я, застывая в дверях. — Помпезненько.

— Интерьером занимался не я, — произнес хозяин, стоя ко мне спиной и с чем-то возясь.

— А кто? — угрюмо спросила я, перебегая взглядом от одной висячей люстры, собранной из десятка мелких стеклянных лампочек к другой такой же. — Доктор Джекил? Или мистера Хайд? Что за дикое смешение стилей — наверху у тебя Версаль на выезде, внизу — что-то среднее между хай-тек и обеденным залом королевы Англии.

— Этот дом раньше принадлежал одной моей знакомой, — ровным тоном ответил парень и повернулся ко мне, держа бутылку вина, обмотав её белоснежным полотенцем.

— Это место больше похоже на бестолковый музей, — сообщила я своё мнение, которое навряд ли кого-то интересовало. — В одном углу греческий зал, в другом — египетская мумия с селедкой на плече. Не похоже, чтобы здесь кто-то когда-то жил.

Мой юмор не оценили.

— Это вложение денег. Дом изначально не предназначался для проживания. Мы здесь тоже ненадолго, — высокомерно отозвался Риган, подошел к столу, поставил бутылку, а после взялся за спинку стула и выжидательно посмотрел на меня. — Прощу к столу.

Я ответила хмурым взглядом исподлобья.

- Садись, — приказал Риган низким тихим голосом, и меня словно что-то дернуло за живот. Я сделала пару шагов по инерции, а после попыталась сопротивляться, но ноги все равно уже несли меня к столу.

Даже без намека на грациозность, я пьяным слоном рухнула на предложенный стул, с трудом удерживая рвущиеся наружу ругательства. Я понимала, что это со мной делает он. Я только не понимала — зачем.

Именно это я и спросила в тот момент, когда в стоящий рядом со мной бокал полилось красное вино.

— Ты забавная, — так, словно это было и очевидно всем, кроме меня произнес Риган с блуждающей по лицу улыбкой. — А еще, ты вкусная.

— Слушай, — тяжело сглотнула я, стараясь не провоцировать конфликт. — Я не особенно понимаю, что происходит. Еще меньше я понимаю, кто ты такой. Но...

— ...но тебе стоит поесть, — холодно оборвал он мои слова. — Прежде, чем мы приступим к знакомству.

И он с самым невозмутимым видом принялся нарезать стейк на своей тарелке.

— К какому знакомству? — аж подобралась я буквально всем телом.

— Ближнему, — криво усмехнулся Риган, глянув на меня исподлобья. — Очень ближнему.

— Да пошел ты, — прошипела я, приставая со стула и присматриваясь к лежащим на столе приборам, судорожно раздумывая над тем, что можно швырнуть в эту нагло ухмыляющуюся морду. — Думаешь, я с тобой не справлюсь?

— Я думаю, что ты очаровательна, когда злишься, — ласково заметил парень, откидываясь на спинку стула и аккуратно откладывая нож с вилкой. — Ох, и этот запах, — он громко втянул в себя воздух, прикрыв глаза. На его лице отобразилось наслаждение и еще что-то, что я не сразу смогла определить. Это выражение потом еще часто мелькало на его лице и в конце концов я научилась его идентифицировать. Это было желание, темное, мрачное, больное желание, которое зарождалось где-то в потаённых глубинах его мозга, там, где обитали боль, страх и порожденные ими монстры. — Цветочно-сладковатый, с легкими пряными нотками, не приторный, но вызывающий желание пробовать еще и еще. Пробуждающий аппетит.

— Если у тебя в организме что-то пробуждается, — я окончательно встала и отошла от стола, — то это исключительно твои собственные проблемы.

Я собиралась добавить еще парочку язвительно-презрительных фраз, но тут поднялся Риган. Поднялся медленно, с удивительным сочетанием изящества и угрозы. Сделал шаг вперед, и я, поддаваясь какому-то необъяснимому инстинкту, тоже сделала шаг. Назад. Он дальше вперед, я дальше — назад. Это было похоже на странный молчаливый танец, без музыки, без зрителей, без правил... без надежды на спасение.

Перед глазами пошла серо-белая рябь, как если бы в моей голове включили старый ламповый телевизор.

18.

— Я советую тебе придержать свой острый язычок, — зашептали над ухом, отчего волоски на затылке тут же встали по стойке смирно. — Тебе придется осознать и смириться с тем, что сейчас ты полностью в моей власти. Я могу сделать с тобой, что угодно. Я могу лишить тебя зрения, слуха, — и едва только он произнес эти слова, как словно по щелчку пальцев я перестала воспринимать звуки. Вообще любые. Я не слышала даже шума собственной крови, бурлящей в венах и сотрясающей тело от переизбытка адреналина. И даже его голос, который вопреки всему остальному очень четко раздавался в моей голове, не принес облегчения, потому что говорил он не рядом со мной, а внутри меня, словно став неотъемлемой частью моего сознания. — Я могу отобрать твою силу воли, поработить твою душу, захватить твой разум... Не заставляй меня это делать, девочка. Ты слишком драгоценный подарок, чтобы так расточительно его использовать.

— Подарок? — прохрипела я с трудом.

Внутри что-то неприятно дернулось, как если бы мои внутренности подцепили и потянули. Но тут же ко мне вернулся контроль над собственной сенсорной системой.

— А ты думаешь, — весело заговорил Риган, отступая от меня в сторону и давая мне возможность отдышаться. — Мы встретились случайно? Нет, ты стала моей наградой.

— Наградой за что? — с недоумением спросила я и тут же закашлялась.

Риган криво усмехнулся, в два широких уверенных шага достиг стола, взял прозрачный кувшин и плеснул в бокал воды.

— Спасибо, — вежливо отреагировала я, когда этот самый бокал настойчиво сунули мне под нос. И покорно сделала глоток, кожей ощущая на себе его цепкий взгляд. — Но хотелось бы узнать, кто и зачем использовал меня в качестве приза. Я вроде не сверкающий кубок, да и медалька на шею из меня тоже, так себе.

— Сядь, поешь, — распорядился Риган. — И тогда я расскажу тебе то, что ты хочешь знать.

Около минуты мне потребовалось на раздумья. В конце концов, я кивнула, вернула парню бокал, невежливо ткнув его в грудь и мимоходом расплескав воду, дошла до стола, громыхнула стулом, уселась и начала есть. Ела я быстро, практически не ощущая вкус и стремясь поскорее заполнить желудок.

— Ты бы хоть жевала, что ли, — поморщился наблюдавший за мной Риган, лениво потягивая вино из бокала. — А то выглядишь как утка, которую год не кормили.

— Все из-за тебя, — зло проговорила я, глотая кусок тушеного мяса, которым заполнили тарелку передо мной не особенно интересуясь моими кулинарными предпочтениями. — Из-за тебя я голодала.

— Голодала ты из-за себя, — не согласился парень. — Я же тебе говорил, меньше сопротивляйся и все пройдет проще.

— Ага, и закончится закапыванием меня в цветочной клумбе, — фыркнула я, потянувшись к своему бокалу.

— Я не собираюсь тебя убивать, — легко отмахнулся Риган. — И цветочные клумбы в моем саду отсутствуют.

— А что по поводу остальных? — в лоб спросила я. — Тех, кто так же, как и я помимо своей воли попадали в этот дом...и уже не выходили из него?

— Это просто работа, — чуть прищурился Риган, потянувшись за новой порцией алкоголя.

— Твоя работа — убивать людей?

— У нас много общего, не правда ли? — насмешливая улыбка скользнула тенью по его губам.

— Нет, — отрезала я. — У нас вообще нет ничего общего.

— Сказала та, которая пришла меня убивать, — холодно расхохотался Риган.

— Убивать тебя должна была не я, — с тем же пренебрежением, что и он, сообщила я, не боясь смотреть ему прямо в глаза. — Задача заключалась в том, чтобы встретиться и запомниться.

— Да, я знаю, — он оставался раздражающе невозмутимым. — Убивал бы другой, длинноногий блондин, который привез тебя в тот день к выставочному залу. В этом и заключался ваш план — отправить наживку, а после взять за горло. Знаешь, откуда мне это известно?

Он подался вперед с жадностью рассматривая моё лицо.

— Предполагаю, что это риторический вопрос, — облизнув пересохшие губы, ответила я.

Он одобряюще кивнул и продолжил, наблюдая за моей реакцией:

— Оттуда же, откуда я знаю, что тебя мучают кошмары по ночам. Каждый раз один и тот же сон — тебя душит кто-то, кого ты не видишь, кто-то, кто прячет своё лицо, кто-то, кто преследует тебя, следуя по пятам везде, куда бы ты не пошла. И каждый раз ты просыпаешься от собственных воплей, хватая воздух и ощущая дыхание смерти у себя на лице.

— Очень...образно, — смогла выдавить из себя я.

— И очень точно, не правда ли? — его лицо потемнело, словно тучи набежали на солнце. Он отклонился назад, и друг заявил: — Я предлагаю тебе работать со мной.

— У меня уже есть работа, — тут же отрезала я, откладывая вилку, но не нож, продолжая нервно вертеть его в пальцах.

— Да, ты работаешь на Хасана, — самодовольно усмехнувшись, продемонстрировал он мне степень своей осведомленности. — На человека, который и отправил тебя ко мне, прекрасно понимая, что обратно ты уже не вернешься.

Я подскочила, судорожно сжимая и разжимая кулаки.

— Чушь! — вырвалось у меня.

— Тогда откуда я знаю про твои плохие сны? — резонно заметил парень, блеснув черными глазами. — Это он мне рассказал. Видишь ли, девочка моя, ты изначально предназначалась мне. Когда тебя доставили в зверинец, я приказал изолировать тебя и не допускать к показам. Я планировал оставить тебя себе, но мой подчиненный ослушался и уже вскоре тебя увидел Хасан, который тут же разглядел драгоценный камень в навозной куче. Когда я узнал о случившемся, было уже поздно. Хасан забрал тебя туда, где я не мог до тебя добраться. Поэтому пришлось постараться, чтобы вынудить его отказаться от тебя. Еще не поняла? Я подловил Хасана на кое-каких незаконных делишках. И он согласился отдать мне мой подарок самому себе. Так что, уж кто-кто, а Хасан тебя точно искать не будет, на это можешь даже не рассчитывать. Возможно, инициативу проявит блондинчик. Я видел, как он на тебя смотрел, когда ты уходила. Но он ничего не сможет сделать, пока всем заправляет Хасан.

Я медленно села обратно на стул, взяла подняла со стола вилку и продолжила есть, жуя автоматически, словно робот. А внутри меня в этот момент рушились стены.

На самом деле, Риган ошибся. Он недооценил Хасана, потому что тот не только нашел нас, но и явился лично. Но было уже поздно. Я влюбилась. Первый и последний раз в своей жизни. А потом убила того, кто стал мне дороже жизни.

Тот день застыл в моей памяти навсегда. Многие другие такие же ранящие события, случившиеся до него и после него, постепенно теряли свою остроту. Меркли и стирались краски, словно постепенно выцветала старая картинка, покрываясь пылью ушедшего времени, но тот день остался таким же ярким, таким же выпуклым и четким, как если бы я навеки осталась жить именно в нем, в этом единственно живом и живущем в моей памяти дне.

Всё случилось из-за меня, это была моя ошибка... Я должна была сообразить раньше. И уйти прежде, чем произошло непоправимое.

То, что что-то не так, я поняла сразу, вот только идентифицировать это «что-то» не смогла. Мне было дурно, и эта дурнота усиливалась с каждым часом, несмотря на то, что я

стойко убеждала себя в полнейшем благополучии, но нет. Самовнушение не работало, как не работали и таблетки от всего, чего только возможно, обнаруженные мною в аптечке и выпитые одна за другой.

— С вами всё хорошо? — поинтересовалась у меня домработница, которая приходила убираться каждый четверг.

— Да, — слабо ответила я, чувствуя, как подгибаются ноги. — Просто что-то голова кружится...

Послышались шаги и уже через несколько минут прохладная мягкая ладонь легла на мой лоб.

— Кажется, у вас жар, — сообщила женщина, чье имя я так и не запомнила. — Вам следует прилечь.

— Нет, нет, — засопротивлялась я, вцепившись в спинку стула чтобы устоять на ногах. — Мне надо собраться, сегодня вечером у нас планы.

— Возможно, стоит их отменить, — предположила женщина и, приобняв меня одной рукой за плечи, повела в сторону спальни. — Вы едва способны говорить.

— Нет, это невозможно, — выдохнула я, чувствуя, как меня неистово утягивает в сон. — Мне нельзя спать...

И это действительно было так. Через два часа я должна была прибыть на вечеринку в честь дня рождения жены конгрессмена и отвлекать её мужа, пока Риган будет разбираться с виновницей торжества. На неё поступил заказ и этот заказ надо было выполнить именно в этот день, а потому мне следовало не валяться в постели, а наводить красоту, чтобы супруг, известный в узких кругах как человек не отягощённый моральными принципами и обладающий весьма специфическими «спальными» предпочтениями, подливая шампанское в бокал не видел ничего, кроме моего декольте.

Но то ли вся та горсть таблеток, что я приняла не помогла, то ли я подцепила что-то действительно мощное, что смогло свалить даже суккуба, но едва ощутив под собой мягкость подушек и шелковистость простынь, я тут же отключилась.

Мне снился кошмар. Мне часто снились кошмары. Как правило, сюжет был одним и тем же, но этот кошмар отличался от привычных. Не было привычной тьмы, пустоты и одиночества, не было чужих рук на моей шее и моего прерывающегося дыхания. Был лишь наш дом, которым я уже привыкла называть «нашим», моя спальня, которую я сперва разрушила в приступе гнева, а после создала заново, так, как хотела сама в процессе подбора мебели размышляя о том, что у меня никогда не было дома. Не было места, которое я могла бы назвать своим домом. Чего-то, что было только моим — моим убежищем, моей крепостью, моим маленьким миром. И при этом, я всегда этого хотела. Раньше, я думала, что таким, как я, побродяжкам, дом ни к чему. А зачем? Дом нужен тогда, когда есть кого в нем поселить — мужа, детей, собаку. А у меня никого не было, меня никто никогда не ждал. И более того, я прекрасно понимала, что никогда и не будет. Даже если я куплю самое шикарное здание оно не будет домом, а лишь помещением, моим собственным склепом — холодным, пустым и безжизненным.

А потом все изменилось. Я стала кем-то другим, кем-то больше, чем прежде, потому в моей жизни появились «мы». Это было не просто «ты» и «я», потому что «ты» и «я» — это всегда временно, всегда олицетворение определенного периода, который рано или поздно заканчивается. Нет, мы были «нами», что порождало «наше», «нас» и «с нами», означая нечто большее, чем временное. И это «мы» дало мне очень многое, в том числе и дом.

И я спускалась по лестнице этого дома, вяло размышляя о причинах внезапной головной боли, о смазанных очертаниях предметов и о том, что с таблетками явно все-таки переборщила, ведь иначе с чего бы мне видеть столь странный сон — ощущающийся очень реальным и в тоже время явно порожденный воспаленными глубинами моего мозга. Теми глубинами, где прятались тени из прошлого.

— Здравствуй, милая, — проговорил хорошо знакомый голос, появляясь из-за угла. Одна из тех самых теней.

— Дядя Миша, — слабо выдохнула я, хватаясь за больную голову. — Что вы...что вы здесь делаете?

— Я пришел к тебе, — просто сказал дядя Миша и улыбнулся как прежде — тепло и обнадеживающее. С такой улыбкой гордые отцы смотрят на своих подросших детей, веря, что у них все получится, что взрослая жизнь, в которую их отправляют родители, они встретят с силой, верой и достоинством. — Ты так выросла. И так изменилась.

— Дядя Миша, — всхлипнула я, бросаясь в теплые, такие знакомые и такие родные объятия. — Я думала...я думала вы погибли. Я думала, вас убили!...

Судорожный всхлип оборвал мои слова на полуслове, я уткнулась лицом в поношенный свитер крупной вязки, который был на нем в нашу последнюю ночь. В ночь, когда я сбежала. И пахло от него всё также — лекарствами, сигаретами и травяным чаем.

Он отодвинул от своей груди моё ставшее мокрым лицо и повернул к себе.

— Ты стала такой красивой, — прошептал он, рассматривая мои глаза, губы, лоб.

— Просто...выросла, — всхлипнула я.

— Ты всегда была особенной, — прошептал дядя Миша, а в уголках его глаз, окруженных мелкими морщинками, заблестели слезы. Одна слезинка не выдержала и скользнула вниз по впалой щеке. — Ты всегда была самым чистым и светлым созданием из всех, что я когда-либо видел.

— Нет, — покачала я головой, все еще находящейся в его руках. — Я не особенная. И не хорошая. Я стала плохой, дядя Миша. Я стала очень плохой. Я столько зла совершила...

Моя грудь задергалась в судорожных, едва сдерживаемых всхлипах.

— Успокойся, — прошептал дядя Миша прижимаясь своим лбом к моему. — Всё будет хорошо. Я с тобой. Я всегда буду с тобой.

— Никогда не обещаю того, что не смогу выполнить, — провозгласил другой голос, мужской и тоже знакомый, от которого я вздрогнула и попятилась бы, не удержи меня дядя Миша. Из полутьмы выступила фигура.

Я не знала его имени и никогда не видела его лица, но его голос я могла бы узнать даже на том свете. Он часто приходил в лабораторию, чтобы понаблюдать за экспериментами. Приходил, замирал у стены и просто...смотрел. Моя голова всегда была крепко закреплена в кресле ремнями, а потому все, что попадало в зону моего обзора — это его туфли. Всегда темно-коричневые, всегда идеально чистые, дорогие и качественные. Иногда он что-то произносил, немного, всего несколько слов, которых хватало, чтобы отдать указание относительно протокола проведения очередного исследования. Но для меня его голос всегда означал одно — боль, потому что когда он появлялся...все становилось хуже. Больше лекарств, больше мучений, больше экспериментов. Он был для меня олицетворением всего того, что происходило в лаборатории, всего, что со мной делали и что потом сделала с другими я.

Перед глазами мелькнула та самая коричневая пара обуви.

— Не может быть, — зашептала я, крепко зажмуриваясь и для верности утыкаясь лицом в ладони. — Этого не может быть, это сон, просто сон... всего лишь сон.

— Если это только сон, — лениво протянул голос, и я услышала стук каблуков об пол. Он приближался. — Тогда почему-то бы тебе не открыть глаза и не посмотреть на меня?

Я ничего не ответила, лишь плотнее прижав руки к лицу. Чтобы не видеть ничего, чтобы не видеть его. Я не хотела знать, как он выглядит. Не хотела видеть его лицо.

— Нет? Что ж, тогда придется поступить иначе.

Звук возводимого курка револьвера невозможно ни с чем перепутать.

— Я просто пристрелю его, — проговорил голос так, словно сообщал о чем-то незначительном. О прогнозе погоды на завтра, например.

— Нет! — заорала я, отталкивая дядю Мишу в сторону и одновременно поджигая пространство вокруг себя. Это было пламя такой силы, которой мне ранее никогда не удавалось создать — дикое, злое, яростное, жгучее, стремительное, нисходящее и восходящее.

Дядя Миша отлетел в сторону и упал. Упал и безликий обладатель коричневых туфель, послышался стук ударяющегося об пол револьвера. Он проскользил несколько метров по полу и оказался прямо передо мной.

— Убей его! — заорал дядя Миша не своим голосом. На размышления у меня ушло меньше секунды.

Схватив оружие, я направила его в голову лежащего на полу человека, чей затылок смутно просматривался сквозь рассеивающийся дым уже потухшего огня. Вдох и...выстрел. Лишь за мгновение до того, как мой палец нажал на спуск, профиль того, в кого я целилась показался мне знакомым. Он начал разворачиваться ко мне лицом, но не успел, пуля влетела в висок, темноволосая голова дернулась назад и упала.

Тишина плотным одеялом опустилась на мир.

— Риган? — выдохнула я, падая на колени. — Риган...

Когда я подползла к нему, вокруг головы уже растекалась лужа крови.

— Риган, — повторяла и повторяла я, не веря в произошедшее. — Риган...

Мои руки, уже залепанные его кровью, дрожали над поникшей головой, не в силах прикоснуться. Его взгляд, застывший и устремленный в бесконечность, казался стеклянным, как у куклы. На лице застыла маска изумления и боли.

— Нет, нет, нет, — шептала я, как в бреду. — Не может быть, это не может быть...

Раздался звук распахивающейся двери и в холл вошел Хасан. За ним следовал Сашка и еще несколько хорошо знакомых мне людей.

— Может, — твердо произнес Хасан, глядя на меня со смесью отвращения и разочарования. — Ты убила его. Ты сделала то, что и должна была сделать с самого начала, как только попала к нему в руки.

— Нет, — трясла я головой, в то время, как Сашка подхватил с пола дядю Мишу и грубо поволок его на выход. — Нет, не может быть, нет!

— Посмотри туда, — указал Хасан.

Обернувшись, я увидела едва заметную камеру, установленную в углу под потолком.

— Все снималось, — подтвердил мои догадки Хасан. — Надеюсь, ты понимаешь, что это значит?

Я прикрыла глаза и привалилась к стене.

— Теперь эта запись — моя гарантия того, что ты будешь пайнкой, белой и

пушистой, — самодовольно пропел Хасан наклоняясь надо мной. — А дернешься — окажешься за решеткой. Или еще где похуже. Ты ведь не хочешь вновь стать подопытным кроликом, да, радость моя?

Я отрицательно покачала головой, не разлепляя век.

— Вот и хорошо, — обрадованно хлопнул в ладони Хасан и тут же распорядился: — Убери отсюда эту тушу, и всё здесь уберите. Нам не нужны следы.

Некоторое время меня никто не трогал. Вокруг ходили, чем-то шуршали, переговаривались, что-то двигали, а я оставалась неподвижно сидеть под стеной, оставаясь в состоянии ступора и осознавая, что это даже хорошо. Ступор — это хорошо, он позволяет ничего не чувствовать. Он не подпускает боль, оберегает тебя до последнего.

— Вставай, — вторгся в сознание голос Сашки. Я открыла глаза. Он стоял передо мной, протягивая руку и ожидая, что я её приму. — Нам пора.

Я поднялась самостоятельно, двигаясь, словно робот — неловкими рывками. Сашка убрал руку и замер рядом, глядя себе под ноги.

— Это было не он, — тихо произнес напарник. — Не дядя Миша, всего лишь загримированный актер. Все было подстроено так, чтобы ты убила...его. Так хотел Хасан.

— Чем меня опоили? — спросила я, уже начав догадываться о том, что случившееся сегодня было запланировано давно и в спектакле было задействовано много участников.

— Домработнице заплатили, чтобы она подлила тебе какую-то психотропную дрянь, — честно ответил Сашка и в его тоне слышалось неодобрение. — Я точно не знаю, что там был за состав, но он был рассчитан так, чтобы у тебя спуталось сознание, и ты не отдавала отчет происходящему. Так же оно должно было снизить контроль над твоими способностями и заблокировать воздействие...его воздействие на твой разум. Все было подстроено так, чтобы ты приняла Безликого за другого человека. Расценила его как опасность. И убила.

Я ничего не ответила, лишь кивнула. Подняла ладони с уже успевшей засохнуть на них кровью. Потом оглянулась на то место, где упал Риган. Пол блестел чистотой, по холлу разносился запах бытовой химии. Никаких признаков того, что еще недавно здесь лежал владелец дома не осталось.

— Всё случилось так, как и должно было случиться, — и Сашка положил мне руку на плечо.

Дернувшись, я сбросила её и пошла на выход, туда, где сквозь открытую дверь просматривались собравшиеся в кружок и что-то обсуждающие с Хасаном члены нашей группы. Уже у дверей я притормозила, задумавшись, может быть стоит взять с собой что-то из наших вещей? А после тут же отогнала от себя эту мысль. Это больше не наш дом. Не было больше ничего «нашего».

19.

— Это все в твоей голове, слышишь? — ворвался в сознание высокий женский голос. — Это все только в твоей голове.

Я открыла глаза и поняла, что стою на коленях на неровном каменном полу, а надо мной склонилась беловолосая девушка, пытающаяся что-то мне втолковать.

— Прости, что? — переспросила я, хватая ртом воздух и чувствуя, как болят легкие.

— У тебя было что-то вроде наваждения, — произнесла блондинка, помогая мне подняться.

— Это слишком слабое описание случившегося, — буркнула я, пытаюсь выровнять

дыхание.

Легко улыбнувшись, женщина сунула руку куда-то в складки своего платья и вынула на свет небольшой стеклянный кубок, по виду, такой потертый, словно он был старше самой вселенной. Взяв кубок в одну руку, она взмахнула над ним другой и в кубке тут же заплескалась вода. Кристально чистая, как будто только что набранная в горном ручье.

— Пей, — протянула она мне кубок.

Я с сомнением покосилась на блондинку.

— Не бойся, не отравленное, — заулыбалась девушка.

— Напрягает не это, — качнула я головой. Кубок взяла, но пить не спешила.

— А что же? — склонила девушка голову к плечу.

— Ты, — уверенно выдала я. — Ты кто такая? Можешь повторно начать с имени, я все равно его не запоминала.

— Амрита, — не убирая улыбки, которая в какой-то момент стала чуть более натянутой, представилась девушка. — Я морская фея.

— Еще одна? — скривилась я, одновременно рассматривая кубок. — Та, которая зеленая тоже вроде как фея.

— Все, кто считают себя последователями Нимфеи называют себя феями, — пояснила блондинка, складывая руки на груди.

— А я думала феи — это с крылышками, мелкие такие, на мух похожие, только поприятнее, — раздвинула я губы в попытке выдать приветливую улыбку. Судя по тому, что блондинка едва заметно вздрогнула, получилось паршиво.

— Они цветочные феи, а мы — морские, — попыталась объяснить Амрита, выглядя при этом так, словно у неё зуб разболелся.

— То есть, вы живете в море, а они — в клумбе, — немного утрированно подытожила я.

— Не совсем так, — чуть поморщилась блондинка. — Цветочными феями рождаются, морскими — становятся по зову сердца.

— А, ну, то есть, первое — это подобие биологического вида, а второе — что-то вроде должности! — с воодушевлением заключила я и уставилась на собеседницу самыми чистыми глазами из всех возможных.

— Пусть будет так, — немного нервно согласилась Амрита. — Это, — она обвела руками, — моя обитель. Я — хранительница Палого Озера, куда попадают неприкаянные души умерших.

— Неприкаянные? Это какие?

— Неуспокоенные. Души, которые застряли между мирами. Чьи предыдущая форма существования уже закончилась, но новая, по каким-то причинам, еще не началась. Неприкаянные души не относятся ни к злу, ни к добру. Просто что-то их удерживает от окончательного перехода. У каждой души это что-то своё, а потому помочь всем сразу невозможно, надо заниматься каждой душой отдельно, чтобы её освободить. Но неприкаянные души — это огромный источник энергии, а потому те, кто получают к ним доступ редко занимаются их спасением. И так как неприкаянные души не являются чем-то однозначно хорошим или однозначно плохим, с их помощью можно творить и добро, и зло.

— Интересная философия, — негромко заметила я. — Я бы сказала, очень противоречивая. Ну, да ладно. Меня вот, что любопытно, один знакомый сообщил, что вы вроде как с ним родственники. Это правда?

Девушка перестал улыбаться и удрученно вздохнула.

— Я была против того, чтобы сообщать тебе это.

— Почему? — я внимательно наблюдала за выражением её лица, которое сейчас демонстрировало беспокойство и печаль.

— Еще слишком рано, — Амрита нервно поправила платье.

Кажется, я поняла, о чем она говорила.

— Я его совсем не помню, — тихо произнесла я после недолгой заминки. — Тем, другим. Это кажется выдумкой. Просто... плохой шуткой злого волшебника.

— Потому что ты не забыла, — грустно взглянув на меня, тихо произнесла женщина. — Для тебя нынешней его, прежнего, просто не существовало. Ты, Фима, знаешь его исключительно как Сашку. В то время, как он помнит тебя другой, прежней.

— Но почему он помнит, а я нет? — меня начало немного потряхивать, как при лихорадке.

— Потому что вы покинули этот мир разными способами, — пояснила женщина и направилась к чаше, замерев в полушаге от неё и всматриваясь в танцующий внутри чаши свет, бросающий призрачные отсветы на пол. — Ты умерла, чтобы переродиться. А мой брат...он отправился за тобой, переместившись между мирами. Он долго искал тебя, но время для него не имело значения. Ты же знаешь, сидхе практически бессмертны. И когда вы встретились, его долго терзали сомнения — ты это или не ты. Он пытался воззвать к тебе, к твоей силе, но ты не реагировала. В какой-то момент он уже решил, что ошибся. И практически сдался, а потом произошло то, что заставило его поверить.

— Поверить во что? — я все еще плохо соображала, о чем говорит эта беловолосая.

— Поверить в тебя, — просто ответила Амрита и таинственно улыбнулась. — Ты знаешь, что это? — легко и стремительно она взмахнула рукой и повинувшись этому движению в воздухе вспыхнуло с полдюжины красных огоньков и взметнулось вверх, подсвечивая помещение, где мы находились.

— Жажду узнать, — пробурчала я себе под нос, будучи уверенной, что меня прекрасно расслышат все, кому это надо.

— Это святилище, тайное место, куда получают доступ лишь избранные, — на тон громче произнесла Амрита, перестав загадочно шептать себе под нос. — Физически оно представляет собой комплекс подводных пещер, созданных при помощи магии. Одновременно с этим святилище контактирует с миром, существующим в тонкой прослойке между миром людей и миром сидхе. Здесь смерть сильнее жизни, а потому здесь находят пристанище все, что порождено смертью. И здесь же зарождается магия, которая дает жизнь богам и которая способна эту жизнь забирать. Именно отсюда расходятся все дороги.

— Так ты...богиня? — спросила я, с трудом сдержав порыв быстренько смотать удочки и свалить в закат, предварительно затарившись чем-нибудь покрепче. Кажется, в последнее время я только тем и занимаюсь, что сбегаю ото всех.

— В твоём голосе слышится недовольство? — подметила женщина, бросив на меня хитрый взгляд.

— Не пойми меня неправильно, — развела я руками. — Просто сама концепция существования богов меня беспокоит. Ничто не может существовать вечно. У всего должно быть начало и конец.

— Боги тоже смертны, — заявила Амрита и двинулась вокруг сверкающей чаши. — И ты — прямое тому доказательство.

— Я — не бог, — уверенно заявила я, при этом ощущая себя очень странно, словно стою

на зыбучих песках.

— Ты не родилась с божественной искрой, как сидхе, — кивнула Амрита. — Подумай, если сидхе — боги для людей, то есть ли боги для сидхе?

— Если опираться на законы логики, — начала я осторожно, — то могу предположить, что есть.

— Когда-то, когда сидхе еще не были поделены на благих и не благих, страна сидхов называлась Тара. И правила ими Первая из сидхе, мать богов и создательница всего сущего. Но в один из дней королева просто исчезла. В её покоях стража обнаружила лишь записку, в которой говорилось, что она вернется, когда её дети осознают и искупят свою вину. “Я вернусь, на закате дня. С золотом в волосах и огнем в руках, простившая и прощающая, возрожденная и очищающая, уничтожающая и созидаящая”.

— Любопытная шарада, — хмыкнула я.

Амрита никак не отреагировала на мои слова, лишь на дне её глаз, которые мне были хорошо видны благодаря тому, что чаша подсвечивала её лицо, блеснуло недовольство.

— Богиня ушла, но дары её остались. И сидхе попытались использовать их, чтобы вернуть свою королеву....

— Зачем? — прервала я плавную речь беловолосой. — Ушла и ушла. Если ушла, значит, так надо.

— Перед уходом правительница создала для своих детей новый мир и под покровом непроглядной тьмы, которая опустилась на мир, перенесла их туда, где сидхе обитают уже не одну тысячу лет. И всё бы ничего, новый мир был не так уж и плох, но сидхе начали слабеть. И чем больше проходило времени, тем сильнее они слабели. А кому нужны слабые боги? Боги, которые неспособны исправить несправедливость. Которые видят зло, но не могут ему противостоять. У которых идет кровь, если их ранить. Сидхе стали терять свои силы и люди перестали в них верить. Вера — вот, что определяет все. Зачем молиться богу перед сражением, если богу самому нужна помощь? Люди обрели других богов и сидхе оказались не удел. И они начали искать дары Богини в надежде, что, собрав все, смогут вернуть её.

20.

Амрита умолкла, словно переводя дух, и продолжила:

— Первой святыней, которую преподнесла своим детям Богиня, было копьё Луга. Оно даровало победу своему обладателю в любой, даже самой неравноправной и кровопролитной битве. Копьё хранилось у Лейдена, сына Луга, первого, кто получил право обладать божественным оружием, но было утрачено в битве с фоморами. Второй святыней стал котел Дагды, котел изобилия, способный накормить всех голодных, сколько бы их не было. Котел Дагды не отделим от копья, ведь, чтобы наполнить котел его прежде следует окропить кровью поверженного врага. По утверждению самого Дагды, котел был похищен из его дома, однако, ходят слухи, что Дагда проиграл его в карты. Третий дар — меч Света, меч, не знавший поражений, ведь удар его невозможно отразить. Принадлежал Нуаду, который отчаянно не хотел расставаться с ним. Настолько, что нырнул в море вместе с мечом и с тех пор его никто не видел. Четвертым даром стал камень Фаль, камень Судьбы, предвещающий смерть прежнего правителя и рождение нового. Он был отдан на хранение Асканию, исконному приверженцу правды, проживающему высоко в горах на территории неблагих. И последний, но не менее ценный дар — чаша Завета, в которой плещется и никогда не

заканчивается волшебное зелье, созданное самой Богиней. Первой обладательницей чаши стала та, что живет в окружении вечной тьмы, трехликая властительница смерти Тривия.

— Не ты ли это? — со сдержанной улыбкой поинтересовалась я.

— Нет, — невозмутимо ответила Амрита, продолжая разглядывать свет внутри чаши. —

Тривия погибла. Ты убила её.

Я закашлялась и сквозь кашель весело возмутилась:

— Что? Кого я там убила?

— Тривия владела этой чашей не одно столетие, получив её из рук самой Богини, — сурово заявила Амрита, не оценив моего веселья. — Естественно, она бы не отдала её просто так, потому что принцессе вдруг этого захотелось. Ты три раза приходила к ней и все три раза беседа заканчивалась феерическим провалом. И ты...вызвала её на поединок. Магический поединок.

— Просто удивительно, — простонала я, потирая лоб и пытаюсь осознать и уложить в голове всё услышанное. Но мысли — великие предатели, укладываться никак не желали.

— Да, все тоже так подумали, — неожиданно рассмеялась девушка чистым звонким смехом, в котором все же слышалась какая-то прохлада, словно посыпались мелкие льдинки. — Оба двора несколько дней буквально стояли на ушах. Новость переполошила всех — от поварих до Глав Родов. Еще бы, девчонка, которая была слабой волшебницей и еще более сомнительной принцессой вдруг вызвала на поединок ту, которую тысячами почитали как богиню смерти. Вызывать Тривию к лимбу было глупой, бессмысленной и откровенно самоубийственной идеей.

- И что было дальше? — невольно заинтересовалась я.

- Ничего, — с легким оттенком раздражения Амрита потрянула волосами и вышла из-за постамента с чашей, приблизившись ко мне. — Битва не состоялась.

— И почему же? — хмыкнула я, складывая руки на груди.

— Тривию обнаружили мертвой в её собственном замке, — сухо проговорила Амрита, а я нервно поежилась. Нечто зловещее слышалось в её словах, словно шорох крыльев охотящейся в ночи хищной птицы. — Кто-то пронзил её сердце клинком и этот удар Тривия не смогла пережить, а это значит, что убили её мечом Света. Только он смертелен для сидхе.

— Мммм, — неопределенно протянула я, делая шаг в сторону, потому что взгляд Амриты изменился и мне перестала нравиться вся эта ситуация. — Как интересно получилось — та, что заведует смертью не смогла предвидеть собственную.

— Любого можно убить, — проговорила Амрита, не моргая и полностью сконцентрировав все свое внимание на мне. — Но не любого убить легко.

— Глубокомысленно, — кивнула я. — И ты уверена, что эту трехликую мадам отправила в долгосрочную экскурсию по загробному миру именно я?

— О, Богиня! — всплеснула руками девушка, что чуть-чуть смягчило её уже начавшее наводить жуть поведение. — Нет, конечно! Ты — против Тривии. Это даже не смешно.

— Да, на анекдот не похоже, — согласилась я, отошла к стене и села, устав стоять. — Но тогда почему ты обвинила меня?

— Не важно, кто держал меч в руках, важно, кто вынес приговор, — пафосно заявила Амрита. — Кто-то по твоему приказу убил Тривию, потому что всем было очевидно, что встретившись с ней у лимба ты погибнешь, едва будет пересечена черта и начнется схватка!

— И опять про какой-то лимб, — вздохнула я. — Я должно увидеть во всем этом какую-то логику?

— Лимбом называется глубочайшая бездна, созданная одновременно с миром сидхе. У лимба традиционно происходят схватки членов королевской семьи, потому что только они могут пересечь черту, которой огорожен лимб. И потому что все, что попадает в лимб остается там навсегда. Так как ты официально была признана членом королевской семьи, соответственно, твоя дуэль должна была тоже происходить у лимба вне зависимости от магических способностей.

— Но она не состоялась, — медленно проговорила я, отводя взгляд в сторону.

— Да, — небрежно бросила Амрита, которая с каждой минутой разговора становилась все менее приятной собеседницей.

— Тривия погибла, а через сутки ты пришла ко мне с этой чашей, — и она рукой махнула в сторону указанного предмета.

— К тебе? — поморщилась я в недоумении. — Мы были знакомы?

— Да, — по губам девушки скользнула едва уловимая улыбка. Скорее, это была даже не сама улыбка, а её тень, призрак. — И даже ближе, чем ты можешь представить.

— У меня богатая фантазия, — мрачно заметила я. — Много чего могу представить.

— Тогда представь себе вот что, — повысила голос Амрита и пошагала в противоположном от выхода направлении. Туда, где склеп вроде как должен был закачиваться, но чем дальше она шла, тем резче отступала тьма. Как будто, под влиянием её движения, границы склепа сдвигались, расширяя и увеличивая помещение. При этом я не слышала никаких других звуков, кроме звука её шагов, звука стучащих о каменную поверхность женских каблучков. И только когда впереди вспыхнула дюжина продольно выстроенных в ряд деревянных столбов, которые венчали всполохи огней, я поняла, что стена, виденная мной за постаментом с чашей была ни чем иным, как иллюзией.

— Занятно, — проговорила я самой себе и, подхватившись с пола, ринулась следом за блондинкой.

— Человеческое дитя, ребенок, захваченный как трофей, был объявлен членом королевской семьи и признан равным сидхе, — начала рассказывать Амрита, пока я следовала за ней по каменной дорожке, извиляющейся между массивными, грубо высеченными в камне и наполовину погруженными в воду фигурами птиц и животных, напоминающими последних лишь очень отдаленно, да и то надо фантазию подключать. Подсвеченные живым огнем, они тускло светились, словно отражая льющийся на них свет. Вода, окружавшая извилистую дорожку с обеих сторон также неясно светилась, но уже изнутри, как если бы кто-то установил на дне несколько светильников, вот только самого дна не разглядеть, слишком мутная вода, напоминавшая большой декоративный садовый пруд. Вот только садовый пруд обычно не внушает чувства страха и трепета, как если бы ты вдруг оказался в древнем капище, где приносились человеческие жертвоприношения. Есть в подобных места нечто такое, отчего становится жутко, приподнимаются волоски на затылке и руках, и ты невольно начинаешь прислушиваться к каждому шороху, к каждому дуновению ветерка, словно пытаешься расслышать что-то сквозь века. Только что? Предсмертные стоны бьющихся в агонии жертв? Ритуальные песнопения ослепленных своей верой жрецов? Мольбы, обращенные к богам, которые уже не слушают?

В целом, от места, которое до сего момента было скрыто обманом, буквально веяло обрядовостью и культом поклонения.

— Звучит как претензия, — проронила я, как только Амрита умолкла. Сделала шаг — и ткнулась ей в плечо. Выглянула вперед и поняла, почему девушка остановилась. Кажется, мы

пришли.

Замерев в неестественно ровной позе, беловолосая барышня с благоговением, запечатлевшимся на лице словно маска, взирала на стену, уходящую высоко вверх. Задрав голову до хруста в шее, я попыталась разглядеть, где же она заканчивается, но то ли это была еще одна иллюзия, то ли стена действительно упиралась в буквальном смысле в бесконечность, но конца и края ей видно не было. Но самым примечательным были не размеры стены, а то, что на ней было изображено. А вернее, выдолблено.

— Наскальные рисунки, — поскребла я затылок. — Пещерная живопись. Круто. Уровень австралопитеков. Молодцы, так и до питекантропов эволюционируете.

— Понятия не имею, о чем ты, — отчеканила Амрита, посмотрев на меня так, как будто я только что осквернила её персональную святыню, сплывав гопак на костях предков.

— Я тебе потом...расскажу, — неловко усмехнулась я и отошла в право, становясь рядом с ней. — Если это не изобразительное искусство древних цивилизаций, то что это?

— Наша история, — величественно вздернула подбородок Амрита.

— Как-то паршиво она выглядит, эта ваша история, — вырвалось у меня. Покосившись на медленно сатанеющую блондиночку, я поспешила добавить: — Наверное, во всем виновата пыль! Вы бы её смахнули, что ли... негоже так реликвии запускать...

Моё бормотание прервало стальное:

— Вот ты, — и она указала пальцем в нечто, лишь отдаленно напоминающее человеческую фигурку.

— Больше похоже на знак вопроса, — проворчала я, щурясь и пытаюсь рассмотреть невнятную закорючку. — Или на запятую.

— Это ты, — с нажимом в голосе повторила Амрита.

— Знаешь, я не помню половину своей жизни, но почему-то уверена, что даже в детстве не была похожа на знак препинания, — флегматично заметила я.

— Ты была похожа на разъяренную помидорку, — неожиданно зло хохотнула Амрита, зажимая рот ладошкой. — Это выглядело очень забавно.

— Помидорку? — не веря своим ушам переспросила я.

— Да, — кивнула беловолосая, убирая руку от лица. — Ты была маленькой и пухленькой, с коротенькими ножками и ручками. Те не ходила, а переваливалась, и со стороны казалось, будто ты вот-вот покатишься. Твое лицо часто было красным, из-за того, что ты вспыхивала как спичка каждый раз, когда испытывала сильные эмоции. Не важно, что это было — радость или грусть, плакала ты или смеялась — от тебя буквально летели искры, а потом ты загоралась, как маленький костер. Это доставляло многим неудобство. Твои няньки носились за тобой, пытались не допустить пожара.

21.

— Значит, это началось еще в детстве, — вслух заметила я и шагнула ближе к стене, рассматривая малопонятные символы, выглядевшие так, словно их выбивали в стене чем-то тонким и острым. И чем дальше я смотрела, тем яснее проявлялись рисунки, словно проступая изнутри камня, а их смысл становился отчетливее и очевиднее, как если бы мой мозг из задворков памяти выудил некую инструкцию по распознаванию древних письмен. — А что насчет способностей суккуба?

— Что? — теперь уже Амрита недоуменно переспросила, так, словно ослышалась, воззрившись на меня с выражением глубокой озадаченности.

— Ну, знаешь, суккуб, — невнятно развела я руками в воздухе, пытаясь изобразить что-то, не пойми что, но способное разъяснить суть вопроса. — Существо женского пола. Питается человеческой энергией. Выглядит как человек, живет как вампир.

— Я знаю, кто такие суккубы, — оборвала меня Амрита. — Но почему ты заговорила о них?

— Потому что это — я, — и приложила руку к груди. — Я — суккуб.

Ресницы девушки отчетливо дрогнули, а веки распахнулись шире. В глазах заплескался откровенный ужас.

— Это невозможно, — сорвалось с её резко побледневших губ.

— Почему? — нахмурилась я, не совсем понимая столь странную реакцию.

— Потому что ты не была суккубом, — выдохнула Амрита, оседая на пол. — Ты им никогда не была.

Я успела подхватить девушку под локоть лишь у земли, когда её колени уже стукнулись о неровные камни, из которых была выложен путь к стене.

— Теперь все становится понятнее, — длинными тонкими пальцами вцепляясь в собственное горло, прошептала Амрита, выглядя слегка безумно.

— Рада за тебя, мне вот ничего не понятно, — проворчала я, размышляя, надо ли мне пытаться поднять девушку, которая неожиданно показалась очень тяжелой или же пусть морозит попу дальше. Край её платья окунулся в воду и ткань, намокнув, всплыла на поверхность. Я уже потянулась, чтобы вытащить подол из воды, как Амрита рванула вперед и вцепилась в мою незащищенную руку неожиданно острыми ногтями.

— Что б тебя, — злобно зашипела я, шарахаясь в сторону.

— Это все объясняет, — словно в бреду судорожно зашептала Амрита, заглядывая в мои глаза, как будто пытаясь разглядеть там что-то, о наличии чего она до этого момента не подозревала.

— Что? — раздраженно рявкнула я, пытаясь отобрать свою руку обратно.

— Это объясняет, почему чаша не признала тебя, — продолжила шептать блондинка.

— Очень интересно, — едва сдерживаясь от того, чтобы не макнуть девицу белой макушкой в воду, — но ни черта не понятно!

С минуту она разглядывала моё лицо ошалевшим взглядом с легкой ноткой надвигающейся истерики. Со стороны она в этот момент напоминала дикую кошку, которую посадили на горящие угли.

— Смотри! — неожиданно подхватила она с пола с резвостью горного козла. Не отпуская мою руку, она поволокла меня вдоль стены, в противоположный от того, где мы стояли, угол. Следом за ней волочилась не только я, но и мокрый подол её платья, оставлявший темные следы на камне. В какой-то момент мне показалось, что следы начали меняться, как будто оживая, но тут меня дернули вперед, и я едва не стукнулась носом о затылок Амриты. — Вот!

И она указала на участок стены, где были выбиты четыре рисунка, которые, судя по объединяющей их линии, составляли единую смысловую композицию.

— Это, — тонкий палец ткнул в прямую вертикальную черту, утолщенную снизу и сужающуюся кверху. — Меч Света. Это, — полоска, прочерченная наискосок с заметно прорисованным краем, напоминавшим наконечник, — копьё Луга. Это, — полуовал на трех кривоватых ножках, — котел Дагды. Это, — закрашенный прямоугольник, в который бьет молния, — камень Фаль. А это, — нечто, похожее на изящно изогнутый кубок, — чаша

Тривии.

— Последнее мало похоже, — проворчала я. — С пьяну рисовали, что ли?

Мой ехидный выпад был услышан, но проигнорирован, вместо ответа Амрита указала на следующий рисунок.

— Богиня передала дары своим детям, сидхе, — на этот раз рисунок выглядел детальнее, хотя и узнать в человекоподобном силуэте богиню было достаточно затруднительно. Очевидно было одно — пять предметов торжественно передали коленопреклоненным существам, протягивающим вперед руки в молитвенном жесте. — Однако по прошествии времени все дары были утеряны. Согласно надписи, оставленной на чаше, тот, кого признают своим владельцем все пять даров, сможет собрать их и воззвать к богине. И тогда она вернется, чтобы вновь одарить своих детей любовью и благословением.

— Странные у вас традиции, конечно, — вынуждена была заметить я. — Но с учетом того, что ритуализм затмевает суть религии, наверное, объяснимые.

— Вот, здесь начинается твоя история, — с нездоровым азартом Амрита проволокла меня за уже изнывающую болью руку еще пару метров вперед и указала на другой рисунок. И как только я присмотрелась к неровным бороздам в светло-бежевом камне, тут же сообразила:

— Дикая охота, — вырвалось у меня против воли.

— Да, — с неуместным восхищением выдохнула Амрита. — Первая Дикая охота короля Аэрна. Тогда он был еще в статусе ис-радая.

— Не похож, — пробурчала я, так как в нескольких пересекающихся линиях, окруженных такими же, только чуть поменьше, действительно было трудно узнать нынешнего правителя.

— Дикую охоту всегда возглавляет наследник трона, — заунывным голосом завела Амрита. — В периоды, когда наследника еще нет, или он слишком мал, Охота не проводится. Считается, что только потомок королевской крови способен удержать ту магию, которая вырывается в моменты, когда призрачные всадники проносятся по земле. Когда-то очень-очень давно Дикая Охота проводилась дважды в году — в день летнего и зимнего солнцестояния. Охотничий гон легко проносился по миру людей, собирая души умерших и забирая тех, кто приглянулся. В основном, забирали души магов и других могущественных существ, от них можно было получить больше энергии. Но потом врата между мирами закрылись после поражения фоморов в войне с человеческими магами.

— Ммм, — заинтересованно протянула я, а сама в этот момент боялась не то, что отвести взгляд от беловолосой, боялась даже моргнуть. — И что же было дальше?

— Люди победили, — не заметив моего состояния, равнодушно продолжила Амрита, растеряв свой пыл. — Фоморы оказались повержены, практически вся их армия осталась заточенной в мире людей, лишь немногие успели вернуться обратно до того, как проходы между мирами закрылись. Врата захлопнулись, отрезав людей, фоморов и людей друг от друга. Воплотилось древнее предсказание — “пришлые падут”. Но Дикая Охота должна была продолжаться, правда с тех пор сидхе для входа в мир людей приходилось прибегать к помощи ведьм по принципу “услуга за услугу”. И сидхе в глазах людей превратились в призраков. В тот раз, когда Аэрн впервые возглавил кавалькаду охотников, ему тоже пришлось взывать к ведьме и договариваться с ней. Правда, она обманула его, начав закрывать проход раньше, чем закончился охотничий гон. И Аэрн в наказание забрал у неё ребенка. Девочку пяти лет с удивительно чистыми глазами и такими рыжими волосами,

словно сам первородный огонь был у неё вместо шевелюры.

И Амрита направила свою длань на рисунок, который уже показывала — маленькая закорючка, похожая на запятую.

— Моя мать не могла быть ведьмой, — ровно проговорила я. — Просто не могла быть. Моя мать — суккуб. Иначе быть просто не может.

— Дело в том, что ты, — Амрита перенаправила руку на меня и, медленно выставив палец вперед, грубо ткнула им меня в лоб, — это она, — палец переместился обратно на рисунок, — и не она одновременно.

— Хочу обратно свою прежнюю жизнь, — застонала я, роняя голову на грудь. — Тогда все было намного проще: убивай людей, получай за это деньги, пей.

— Когда Аэрн принес забранного у ведьмы ребенка во дворец никто не верил в то, что девочка проживет дольше недели, — уже быстрее забубнила Амрита. — Она была слаба, очень слаба. Её дыхание постоянно прерывалось, грудь судорожно вздрагивала, ребенок заходился в тяжелом кашле. Смерть буквально дежурила у её изголовья. Никто из королевских лекарей не мог помочь, все лишь разводили руками, утверждая, что ребенок скорее всего уже родился больным, а переход с кавалькадой из мира людей в мир сидхе окончательно подорвал его и так слабое здоровье. Девочка была уже одной ногой в могиле и это понимали все. Все, кроме...Аэрна. Каким-то образом он успел привязаться к ребенку. Даже поразительно, чем таким могла захватить все его внимание больная человеческая малышка. И все же, он не отходил от неё ни на шаг. А когда лекари, которые не умели лечить человеческих детей, сдались, объявив ребенка неизлечимо больным, наследник трона ночью забрал девочку и ночью принес его в адиттон — священный зал, посвященный Нимфее, где в её честь регулярно проводились церемониалы. Входить в него было запрещено всем, даже членам королевской семьи, под страхом смерти. Но Аэрн не задумываясь нарушил все предписания. Магией выбив двери, он возложил практически бездыханную малышку на алтарь и стал молиться. Он молился долго, несколько закатов и несколько рассветов успел встретить Аэрн стоя на коленях. До тех пор, пока первые лучи вновь восходящего солнца не коснулись головки малышки. Красным золотом заискрились волосы ребенка. Девочка прерывисто, очень тяжело и словно через силу вздохнула, конвульсивно задрожала и...больше не выдохнула. В ярости Аэрн выхватил собственный кинжал из ножен и воткнул его в алтарь, случайно задев тонкую кожу безвольно лежащей детской ручки. Кровь брызнула на белую, отполированную до блеска поверхность и через мгновение цветы, что обвивали алтарь, распустились. Это стало началом.

Амрита умолкла, я подождала несколько минут, рассчитывая на дальнейшее развитие истории, но не дождалась.

— Начало чего? — едва не рывкнула я.

— Всего, — просто ответила Амрита. — Когда малышка в следующий раз открыла глаза, она уже была полностью здоровым ребенком. Вот только от человеческого в ней осталось мало. Её глаза изменились, из светлых они превратились практически в черные, темные, как сама ночь. А кожа, наоборот, стала такой белой и тонкой, что сквозь неё просвечивались вены. За нарушение запрета на вход в адиттон Аэрна заключили под стражу. Одна из негативных сторон бессмертия — наказание может длиться вечно. Его наказание было страшным и длилось практически год. Целый год, будучи закованным в цепи и помещенным в подземную тюрьму, он был обречен испытывать голод, который невозможно было утолить. А через год явилась маленькая рыжая девочка и освободила опального

принца. Ухватившись маленькой ладошкой за оковы, она за несколько минут расплавил их, не моргая глядя принцу в глаза. В ту же ночь девочка была объявлена дочерью короля Аэрна и наследницей престола. Прежний король, отец Аэрна, был убит собственным сыном на дуэли.

— Король умер, да здравствует король, — продекламировала я.

— Аэрн очень любил свою дочь и пусть она ему была не родная, но он был привязан к ней сильнее, чем к сыну, родившемуся через восемь лет после описываемых событий. Все знали, включая Альмода, который хоть и был также объявлен наследником престола, но вынужден был считаться с неродной сестрой, что вздумай король сложить полномочия, трон достанется дочери ведьмы. Кстати, о самой ис-рейне было запрещено так говорить — как о не родной, приемной дочери. И хотя сидхе знали её истинное происхождение, все до самого последнего рыночного торговца были обязаны относиться к ней как к высокородной сидхе королевских кровей, будущей королеве. Поначалу, никто не понимал, почему так произошло. Допустим, король полюбил малышку, как собственное дитя, но объявлять пришлого человеческого ребенка ис-рейной и вверять трон, а вместе с ним и судьбу страны — это было уже слишком. Но никто не возмущался, потому что главы Домов поддержали решение короля. И лишь, когда девочке исполнилось девятнадцать, и она выступила в качестве хозяйки первого Зимнего бала, была раскрыта правда. На рассвете, когда кровь ребенка пролилась на алтарь, вокруг него распустились не просто цветы. Это были тот самый Благоприятный Цветок с Небес, который согласно преданию способен цвести лишь в присутствии Первой из сидхе. И Аэрн понял, что это знак. Цветы...цветы указали на ребенка, как на будущее всех сидхе. Именно по этой причине Аэрн не позволил казнить ребенка и согласился на бессрочную пытку, хотя ему давали выбор — или он убьет ребенка собственным мечом или отправится в темницу, но кто-то должен был понести наказание за вход в священную обитель Богини. Уже после освобождения Аэрна стало известно, что на дарах Богини, тех самых, что она дала перед уходом, появилось имя принцессы. Это могло значить только одно.

— Боюсь услышать, что именно, — яростно почесала я затылок.

— Судьба рыжеволосой малышки — собрать все пять даров и воззвать к той, что ушла.

— И все? — удивилась я, нервно дернувшись. — Так просто? Просто позвать? Как Деда Мороза?

— Я тебя опять не понимаю, — процедила сквозь зубы Амрита, закатывая глаза.

— Я сама себя не всегда понимаю, — растерянно подергала я себя за растрепавшиеся волосы.

— От самой принцессы правду не скрывали, — подавленно заметила Амрита. — Она с самого детства знала, что её долг — послужить на благо обоих королевств. Почему обоих? Когда королева Неблагого двора узнала о том, что девочка воскресла на алтаре Богини в окружении распускающихся белых цветков со стеблями, тоньше человеческого волоса, она тоже обо всем догадалась. Но лишь после Зимнего Бала Аэрн позволил объявить девочку принцессой Неблагого двора. Он не хотел, чтобы возложенные на ис-рейну надежды стали давить на неё еще сильнее. Трудно расти в условиях идеологии самопожертвования, зная, что должен отдать жизнь ради других и при этом понимая, что это не твое решение. Тебе просто не оставили выбора.

— Самопожертвования? — вздрогнула я всем телом, как хлыстом стеганули.

— За все надо платить, — расправила плечи Амрита.

— Только не говори мне, что и здесь необходимы человеческие жертвы, — едва не заорала я.

— Нет, не человеческие, — сухо отрезала белосоволосая. — Принцесса перестала быть человеком, как только жизнь вернулась в её испутившее дух тельце. Богиня наградила её силой. Силой великой и одновременно страшной. Силу, с которой дочери ведьмы не под силу было справиться в одиночку.

Девушка взмахнула рукой и словно повинувшись этому движению громко зашипев вспыхнул ярке огонь. Крупные языки пламени устремлялись вверх, в темноту, но их мощи не хватало, чтобы полностью осветить то, что она скрывала.

— Но зачем? — пораженно прошептала я.

— Боги мало, чем отличаются от своих созданий. И они тоже ошибаются, — губы девушки горько изогнулись в некоем подобии насмешливой улыбки. — Они влюбляются, разочаровываются, страдают, гневаются, отрицают и принимают.

— Она влюбилась? — мой рот в изумлении распахнулся.

— Она любила, — мягко поправила меня Амрита, усмехнувшись самой себе. — Она любила, любила того, кто был её полной противоположностью. Всемогущего мутанта, сочетание несочетаемого. Соединение того, что никогда не должно было объединиться в одном существе. То, что никогда не должно было появиться на свет. И все же, когда они встретились, она не могла оторвать от него глаз, а когда они расстались, она не могла перестать думать о нем.

— А потом? — громко прошептала я, всматриваясь в лицо Амриты, эмоции на которой менялись с калейдоскопической скоростью, словно кто-то перелистывал слайды или перещелкивал изображения проектора. Сейчас на нем отображалась тихая, безмолвная, покорная печаль, которая рождается после того, как голос сорван от яростных воплей, а руки сбиты в кровь.

— А потом она его потеряла, — глядя в пол ответила девушка. — Хотя никогда им и не владела.

— И поэтому она ушла?

— Женщины, — грустно рассмеялась девушка, пытаясь скрыть блеск повлажневших глаз. — Даже будучи богинями, они руководствуются странными мотивами. Возможно, это тоже была жертва. Жертва ради любимого.

Развернувшись на каблуках, девушка пошагала обратно той дорожкой, которой мы пришли. Пройдя несколько метров, Амрита остановилась, присела у края и опустила руку в воду, глядя на неё с невыразимой тоской на лице. Как будто вода скрывала что-то очень близкое её сердцу, что-то, что было ей дороже всего на свете.

— После Зимнего Бала принцесса приступила к выполнению своего долга. Три года ей понадобилось на то, чтобы собрать четыре дара. Пятым последним даром была чаша Тривии, которую та никак не желала отдавать, несмотря на то, что на поверхности чаши имелось имя новой владелицы. Назначенный бой не состоялся, Тривия была убита, а дочь Аэрна вместо того, чтобы вернуться во дворец с последним даром, пропала. Вернее, все думали, что она пропала. Сидхейское царство — сердце этих земель. И только принцесса могла заставить это сердце вновь биться. Все искали наследницу, в то время, как она скрывалась здесь. Измучанная, измотанная, раненная, хватающаяся за те остатки веры и надежды, что в ней еще сохранились.

Она еще не успела договорить, как меня накрыло страхом. Это был не просто животный

страх, основанный на базовом инстинкте выживания. Это было всеобъемлющее чувство, утягивающее на дно первичных фобий, с которыми мы приходим в этот мир. Что-то настолько безграничное, что рождается вместе с тобой и остается внутри навсегда, периодически появляясь в сопровождении томительного ожидания. Ожидания, когда однажды ты откроешь глаза и поймешь, что этот страх поглотил тебя. И не осталось ничего, кроме него.

— Она решила уйти, — не знаю, почему сказала это, не знаю, как эта мысль вообще пришла мне в голову. Но как только я произнесла это вслух, поняла, что это и была истина. — Принцесса.

22.

— Она ушла, чтобы стать кем-то другим и этим она частично повторила судьбу Нимфеи, — Амрита вновь начала водить рукой в воде и чем дольше она это делала, тем более темной, как мне казалось, вода становилась.

— Кем? — спросила я, даже не задумываясь над вопросом. — Кем она хотела стать?

— Я не знаю. Знаю только, что она верила в то, что делала. Как верила в том, что спасала этим не себя, а всех нас. Именно это всегда отличало её от других — она пыталась помочь всем и всех защитить.

— Защитить всех — невозможно, — сквозь комок в горле проговорила я и тоже приблизилась к воде, которая заволновалась, забурлила и пошла волнами, набегающая на дорожку и отступая обратно.

— Это ведь была я, да? Ты рассказывала обо мне, — из горла вырвался судорожный всхлип, который я не смогла до конца подавить. Амрита не ответила, а я продолжила, не в силах остановиться, не в силах замолчать: — Все смотрят на меня и говорят мне, какой я была. Но никто не хочет посмотреть на меня и увидеть, какой я являюсь сейчас. Они смотрят, но не видят, просто глазуют, представляя себе другого человека. Это странно, знаешь? Слушать рассказы о самой себе и не помнить этого. Ощущение, как будто я... брожу по музею имени самой себя. Гид отчаянно плох, а экспонат всего один, да и тот основательно пообтрепался, потрескался и покрылся пылью.

— Ты не сильно изменилась, — Амрита шумно выдохнула. — У тебя та же внешность, тот же голос. Вот только внутри тебя... тьма, которой раньше не было. Это чувствуется в тебе. Ты надломленная, озлобленная, мрачная. Похожа на маленького одичавшего волчонка. А стоит заговорить — как холодом веет, как будто приоткрыли дверь в старый, заброшенный, затерянный в густом непроходимом лесу склеп.

— Прости, что это стало для тебя откровением, — с насмешкой выдавила из себя я.

— Что с тобой случилось? — моргнула Амрита.

Я безразлично развела руками.

— То же, что случается со всеми. Жизнь, наверное.

— Неужели ты уходила ради этого? Ради этой боли, которая подпитывает негасимый костер ярости, пылающий внутри тебя?

— Расскажи, что тогда произошло, — проигнорировав вопрос, попросила я.

— Тогда..., — начала Амрита и тут же умолкла, запнувшись. — Я не знаю. Ты использовала зелье из чаши, а также заклинание. Какое — я тоже не знаю, но предполагаю, что получила ты его от Тривии. Хотя эта догадка выглядит странной и маловероятной. Тривия являлась одной из тех, кто был достаточно силен, чтобы жить без оглядки на

большинство. Ей было плевать на то, что все считали тебя избранной и ждали, когда ты совершишь ритуал. Она не верила в возможность возвращения Первой из сидхе. Но...она была единственной, кто мог помочь тебе воспользоваться чашей, чтобы получить желаемое. А ты желала вернуться в мир людей. Будучи отмеченной Богиней, ты обладала магией, обеспечивающей тебе в том числе и долгую жизнь. Но только в пределах этого мира. Не являясь сидхе, возвратившись в мир людей, ты скорее всего погибла бы от обрушившихся на твою голову тех сотен лет, которые прошли, пока ты была среди сидхе, ведь время здесь и время в человеческом мире течет иначе. Ты это знала. А потому решила пойти другим путем. Ты решила переродиться. Но тебе важно было сохранить данную тебе магию и прийти в новую жизнь с тем знанием, с которым ты уходила из прежней.

— Я убила себя?

— Кинжал в сердце — очень лаконично и очень действенно, — уныло протянула Амрита, продолжая играть с водой, которая теперь больше напоминала нефть. — Тело истреины было сожжено на погребальном костре, но едва он догорел, как из пепла выпорхнул птенец. Его белые перышки были припорошены серой пылью, а на шее, прямо под клювом, виднелось красное, словно свежая кровь, пятнышко. Точно такое же пятно появилось на шее у принцессы, после воскрешения на алтаре. Король Аэрн хоть и был вне себя от горя, но сообразил, что был совершен магический ритуал. И приказал привести к нему того единственного, кто мог знать о твоих планах.

— И кто же это?

— Мой брат, Тиарн. Его долго допрашивали, пытали, но он не сломался. Король начал терять терпение и решил пойти другим путем, воспользовавшись присутствием того, кто поможет развязать Тиарну язык. И стражники короля пришли за мной. Это сработало, Тиарн все рассказал, но меня его откровения уже не спасли.

Она умолкла и отвела в сторону пряди волосы, приоткрывая вид на край щеки, шею и ухо. Ахнув, я отпрянула, увидев вместо белоснежной гладкой кожи, чернеющие и слезающие струпья.

Лицо Амриты начало меняться на глазах, как в жутких фильмах, когда ужас происходящего настолько глубок, что невозможно отвести глаз, словно оказавшись в ловушке собственного страха.

Кожа девушки иссыхала, утончалась, скукоживалась, оголяя череп. Глаза западали, чернея. Волосы осыпались вниз подобно мертвым листьям. Платье обращалось в лохмотья, рваными кусками повиснув на ссутулившемся скелете.

Я попятилась, когда скелет медленно повернул ко мне своё изуродованное лицо, как-то очень плотоядно щелкнул челюстями и хрустнул шеей. Не успела я окончательно испугаться, как раздался всплеск и из воды вынырнуло что-то, похожее на плотную тень, приземлившись прямо передо мной. Следом такой же звук раздался с другой стороны, и всё новые и новые сгустки тьмы, лишь отдаленной напоминающие человеческие фигуры, падали передо мной. Когда выпрыгнула пятая по счету тень, фигуры вдруг разом зашевелились и двинулись на меня.

Я выставила вперед руки в защитном жесте, отступая назад и пытаюсь призвать огонь. Итогом всех моих стараний стали незначительные огненные вспышки, сорвавшиеся с ладоней, после чего я зашаталась, ощущая, как слабость охватывает тело. Давно, слишком давно я не питалась.

А тени подходили все ближе и ближе, я уже чувствовала исходящий от них затхлый

запах испорченной, несвежей, застоявшейся воды. Говорят, вода не может испортиться, но эти тени были явно с истекшим сроком годности.

У меня все еще оставалась надежда как-то избежать встречи с этими истекающими черными потоками созданиями, но когда я уперлась спиной во что-то твердое и холодное, надежда растаяла. Я понятия не имела, умеют ли тени смеяться, но, кажется, ближайшая ко мне довольно усмехнулась, хотя у неё не то, что рот, даже лицо отсутствовало.

— Кажется, вечер перестает быть томным, — пискнула я в тот момент, когда отросток тени, напоминающий руку вцепился мне в горло и приподнял мою бесполезно потряхивающуюся тушку над землей, пару раз вроде как случайно ткнув затылком об стену с рисунками.

— Брррбударррбуль, — раздалось непонятно откуда.

— Шо буль-буль? — попыталась разобраться я, ведь если со мной хотят пообщаться, невежливо изображать внезапный приступ глухоты, хотя и очень хотелось.

Но тень отвечать не захотела и просто отправила меня в полет, который окончился оглушительным погружением в воду.

— О, выловил, — радостно гаркнул знакомый голос.

И меня, ухватив за шкурку словно нагадившего не в тот лоток котенка, выхватили из воды, не самым бережным образом швырнув на сушу.

Перед глазами все плыло, мозг болтался в каком-то мареве, а все тело сотрясал конвульсивный, надсадный кашель, причем ощущения были такими, словно я едва не проглотила собственные легкие.

— Полегче, — что-то костляво-острое постучало по спине. — А то ты сейчас сама себя наизнанку вывернешь.

Я лишь отмахнулась, стряхивая с себя чужую руку и зашла в еще одном приступе кашля.

— Я бы предложил тебе воды, — все в той же снисходительно-насмешливой манере продолжил голос. — Но не думаю, что из этих луж стоит пить.

И я, наконец, узнала его, узнала этот голос.

— Сам ты лужа, — сквозь спазматическое содрогание выдавила я. — Вертикальная и бесполезная.

— Полегче на поворотах, девочка, — в ответ прошипели мне и, судя по интенсивности неприятного запаха, шипели прямо в лицо. — Я тебя выловил, я же могу тебя обратно и отправить. В бесконечное, так сказать, плавание.

Я, наконец, смогла более-менее нормально вздохнуть и кое-как сесть, потому что до этого я стояла на четвереньках, всем туловищем ощущая брэнность бытия.

Сев, потерла лицо, убирая с глаз прилипшие волосы и взглянула на своего спасителя.

— Я бы проблевалась от твоего пафоса, но у меня желудок уже сросся с позвоночником, так что, извиняй, — сообщила я болтающемуся с полуметре над дорожкой Магнусу.

— Ненавижу тебя, — заявил он, зло шурясь.

— Взаимно, дорогой, взаимно, — пропыхтела я, поднимаясь.

Теней уже не было, более того, не было и Амриты, а вода в водоемах стала опять похожей на воду вместо черного масла.

— Что это было? — я с трудом перевела дух.

— Предполагаю, что месть, — проронил мертвый некромант и поплыл над дорожкой в

сторону выхода из этого странного помещения, воздух в котором ощутимо похолодел и в целом стало ощутимо неудобнее. Нельзя сказать, что до этого момент было очень приятно здесь находится, но именно сейчас создавалось ощущение пустоты и заброшенности, как... в старом разваленном склепе.

— И кто кому мстил? — растерянно оглянувшись по сторонам, я подхватила и поспешила догнать Магнуса. Еще одна заметная перемена — огонь практически потух. И как только я сделала последний шаг, сходя с дорожки, позади меня всё окончательно погрузилось в темноту. словно я, как единственное живое существо, еще поддерживала в них силу. И когда я ушла — ушла и сила.

— Морская фея тебе, — не оборачиваясь ответил Магнус, подплывая к чаше. Его обычно надменно-постное лицо вдруг изменилось, глаза возбужденно округлились, а по тонким губам зазмеилась улыбка.

— Уйми свои порывы, — посоветовала я командным тоном. — Чаша не наша, и вообще, вдруг конец света начнется, если её тронуть.

Магнус ощерился:

— С каких пор ты и я трансформировались в «мы»? — а после скорбно вздохнул: — К ней может прикоснуться только владелец. Его имя прописано надписью, которая ничем не стирается. По прочтении — слово за словом гаснет, а потом вновь проявляется.

— Поздравляю, Шарик, ты балбес, — объявила я. — Уже даже стихами разговариваешь.

— Эй, малявка! — вдруг заорал некромант, оторвав жадный взгляд от чаши. — Почему это я балбес?

— Потому что на ней нет никакой надписи, — указала я на очевидную деталь, а вернее, на чистые прозрачные стенки чаши без каких-либо признаков наличия букв или символов.

— В том-то и проблема, — облизнул губы призрак, который почему-то сейчас казался более реальным, чем весь остальной мир. — Но, насколько я понял из рассказа феи, она должна была появиться, как только ты вернулась сюда.

— Так, — попыталась разобраться я. — Стоп! Так ты что, все это время рядом околачивался? Подслушивал да подглядывал?

— Конечно, я подслушивал, — гневно закатил глаза Магнус. — А что мне еще оставалось делать? Один психованный дракон, от которого сбежала одна психованная принцесса, не дал мне воспользоваться Озером, а когда появилась фея уже поздно было для межмирных путешествий.

— Так, это она прогнала дракона? — дошло до меня со значительным опозданием. — А я думала ты.

— Мне с ним было не справиться, — нехотя признался Магнус, складывая губы куриной жопкой. — Я здесь слишком слаб, потому что это чужой мир, чужая магия. А фея, хоть и мертвая, но все еще привязана к этому месту, здесь — она сильнее всех.

— Мне она показалась вполне живой, — пробормотала я, потеряв переносицу.

— Иногда я смотрю на тебя и думаю, что глупее уже быть невозможно, — демонстративно медленно призрак сложил руки на впалой груди. — А потом ты открываешь рот и доказываешь — возможно.

23.

— И что же я такого глупого сказала? — процедила я, повторяя его жест, но уже с угрожающим подтекстом. — Она реально выглядела, как живая!

— И, тем не менее, она абсолютная мертвая вот уже не один десяток лет. Что это доказывает? — ядовито поинтересовался Магнус, поедая меня презрительным взглядом.

— Что мы нашли тебе пару? — с энтузиазмом хлопнула я в ладоши.

— Ты не принцесса, — постановил Магнус. — Ты — зеленая гусеница, место которой — на камушке под листиком! Усмири уже обезьянок в своей голове!

— Это у тебя в голове стекловата! — топнула я ногой. — Почему мы все еще обмениваемся взаимными оскорблениями, вместо того, чтобы взять и свалить отсюда?

— Потому что мы не можем свалить отсюда, — зашипел куда-то в потолок Магнус. — Единственный выход — через Озеро. Но для меня оно магически заблокировано, а для тебя — непреодолимо в виду отсутствия жабр. И если только за то время, что мы не виделись, ты не научилась превращаться в камбалу, то придется сидеть здесь и ждать.

— Чего? Ветра перемен? — шаркнула я ножкой, поднимая в воздух облачко сизой пыли.

— Пока фея обратно явится, — буркнул Магнус и вновь обратил все своё внимание на чашу.

Мне на кусок зачарованного стекла с бесконечно беспокойной жидкостью внутри любоваться уже надоело, а потому я решила вернуться туда, куда приволокла меня русалка, то есть, к берегу Озера.

Без сил рухнув на черный песок, я задумалась о том, насколько ослабела за последнее время.

Оказалось, об этом думала не только я одна.

— Тебе надо найти кого-то, — и Магнус устроился на песочке на значительном удалении от меня. — Кого-то молодого, сильного и недалекого.

— Мне прям здесь начинать искать? — недовольно поморщилась я, потому что терпеть не могла, когда мне указывали на очевидные вещи. А кто любит?

— Здесь ты ничего, кроме простуды не найдешь, — поджал он уголки губ.

— Её убили из-за меня, — после нескольких минут молчания, которое нарушал лишь звук ударяющихся о камень капель, проговорила я. — Она винит меня в своей смерти. Наверное, я бы тоже винула на её месте.

— Скольких людей ты убила, пока работала на Хасана? — неожиданно спросил Магнус.

— Не знаю, — я скрестила перед собой ноги и принялась вычерчивать на песке различные фигуры. На самом деле, я не задумывалась о том, что делаю, просто бесцельно водила пальцем туда-сюда, создавая путаницу из линий. — Наверное, много. Но они все были плохими людьми — убийцами, похитителями и насильниками, ворами.

— Какая разница — плохой или хороший? Убивать плохих тебе приятнее, что ли? — начал раздражаться призрак.

— Нет, просто с ними проще.

— Здесь тоже не очень сложно, — продолжая беситься на пустом месте, фыркнул призрак. — Ты сделала то, что должна была. А гибель феи — просто сопутствующие потери. Непреднамеренный ущерб.

— Она сказала, что я ушла, потому что верила, что поступаю правильно. Но что если, я ошибалась?

— Для того, чтобы найти ответ на этот вопрос необходимо сперва понять — с какой целью ты ушла, — резонно заметил призрак. — Именно цель определяет все.

— И все же, Амрита напала только после того, как все мне рассказала, — я набрала в руку горсть песка и пропустила её сквозь пальцы, наблюдая за тем, как опадают черные

блестящие песчинки. — Ну, или не все! Но многое... Почему?

— Многие люди думают, что смерть похожа на сон, — подумав, заговорил Магнус, начав с неожиданного вступления. — Что умирая ты все равно, что засыпаешь и, возможно, даже видишь сны. На самом деле — это не так. Конечно, все не ограничивается темнотой, пустотой и бесполезным лежанием в земле, пока черви пожирают твою плоть. Смерть — это одновременно и конец, и начало. Конец прежней формы существования и начало новой. Вот только, распрощаться с прежней жизнью очень трудно. Потому что сама эта жизнь продолжается. В ней остается все то, что ты любил — места, вещи, люди. А вот тебя уже нет, ты уходишь в неизвестность, чтобы начать все заново. Но не все способны отпустить. Кто-то цепляется за остатки того, к чему был привязан. Так и появляются призраки — души, которые не смогли отпустить. А дальше уже все зависит от причины, по которой душа не смогла перейти в новую форму. У одних это — близкие люди, у других — незаконченное дело, у третьих — месть. Думаю, в случае с феей все три фактора слились в один — месть за насильственную смерть, незавершенное при жизни дело и стремление уберечь кого-то, очень важного для неё. И так получилось, что ты являешься одновременно и тем, кому она должна помочь и тем, кому она хотела бы отомстить. Вот её и прорвало, в конце концов. Она умеет управлять душами других умерших, потому что при жизни была жрицей этого места, по сути, она служила ему. Знаешь, как выбирают тех, кто займет эту не самую почетную должность?

— Не моя сфера интересов, — щелкнула я языком.

— Выбирают девять девушек, у которых есть физические отклонения. Как ты могла заметить, всех сидхе объединяет три вещи — наличие магии, долгая жизнь и внешняя привлекательность. Но даже среди них встречаются кто-то вроде метисов. Смешивание крови, как правило, и приводит к тому, что отдельные сидхе не похожи на остальных. Вот как раз таких, выделяющихся, и отбирают для проведения различных ритуалов. Девушек в количестве девяти штук связывают, привязывают к их ногам веревками по камению и бросают в воду. Считается, что море само выберет себе новую служительницу. Она, избранная, выживет, правда свою новую обитель покинуть уже не сможет. По крайней мере, надолго.

— А остальные восемь?

— Погибнут, — безучастно ответил Магнус.

— Миленько, — кивнула я и продолжила рисовать геометрические фигуры на песке.

— Ты должна узнать почему решила умереть, — кардинально сменил тему разговора Магнус.

— Кажется, я уже её знаю, — не воодушевилась я этим то ли предложением, то ли приказом.

— И что же ты знаешь? — поинтересовался некромант, таким тоном, которым обычно проклинают. Ну, или желают приятной поездки в ад.

— Здесь было паршиво, — апатично ответила я. — И я ушла в другое место, в надежде, что там будет менее паршиво.

И тут меня накрыло. То ли воспоминанием, а то ли бредом.

Я стою в центре непривычно ярко подсвеченной, но уже хорошо знакомой пещеры. Грудь стягивает тугой корсет, а под ним мягкая, приятная к телу рубашка. Ноги обтянуты плотными штанами из какой-то грубой ткани и обуты в высокие, похожие на часть экипировки всадника сапоги. На плечи накинута нечто, напоминающее короткое пальто, но

с разрезами по бокам практически до самой талии. Напротив меня стоит женщина, шикарней и красивей которой я никогда прежде не видела. У неё длинные черные волосы и высокое изящное тело с такими умопомрачительными изгибами, что сразу захотелось провести по ним пальцем, затянутое в тонкое черное платье, чья простота лишь подчеркивает природную роскошность его владелицы. Лицо женщины напоминает лик древней статуи, но особенно ярко выделяются глаза, в которых сосредоточилась вся космическая глубина и бесконечность. Она еще не успела произнести и слова, но я уже знаю, кто это. Тривия. Первая владелица чаши. Та самая, которая не захотела её отдавать. И которая погибла за неё. Но в этот момент, когда я смотрю на неё, она выглядит как живая. А может быть, это не совсем живая я?

Упомянутая чаша лежит на полу между нами, опрокинутая на бок. Волшебное зелье вылилось и потекло по каменистому неровному полу, затекая в ямки и щели, сверкая, отливая перламутром и напоминая масляные разводы, проявляющиеся на дорогах после дождя, словно кто-то попытался растворить радугу. А рядом с чашей покоится тело, одетое в точно такую же одежду, что и я.

— Странно, правда? — говорит Тривия глубоким голосом, который одновременно может принадлежать как мужчине, так и женщине. — Смотреть на себя со стороны. Ощущение, как будто ты раздваиваешься. Как будто мир раздваивается.

— Жутко, — хриплю я не своим голосом. Кажется, потому что мой был сорван от криков, и горло саднило.

— Ты готова пойти до конца? — спрашивает она. И где-то внутри меня что-то болезненно дергается. Появляется сомнение. И вопрос — а правильно ли я поступаю? Станет ли этот шаг стартовым или превратится в финишный?

Но, несмотря на внутренние терзания, ответ мой четок и лаконичен:

— Да, я готова.

— Тогда слушай. Будет тяжело. Очень тяжело. И всё будет казаться бессмысленным, пустым, глупым. Но со временем появятся какие-то вещи, которые ты полюбишь. Мелочи, но милые мелочи. Твои мелочи, которые ты решишь разделить с кем-то, кого не сможешь отпустить из своей жизни. И именно ради этих мелочей стоит оставаться в том мире так долго, как только получится, — и, сказав так, она протянула руку, прикоснулась кончиками пальцем к моей груди и толкнула. Легонько, но я начала падать. Падать в пустоту. В вечность. — Наслаждайся поездкой, она будет длинной, но помни, твоя задача — найти и убить его. Цепочка не прекратится, пока вы не встретитесь. И пока ты не выполнишь свой долг. Помни о нем — ты мне пообещала.

— Эй! — гаркнул противный голос прямо в ухо, отчего в мозгах все зазвенело, — а может быть, звенели сами мозги? — словно отпустили натянутую струну. — Ты в сознании или мне приступить к оказанию первой помощи?

Покачнувшись, я словно вынырнула из транса и увидела, как к моему рту со злорадным блеском в глазах потянулся Магнус.

— Фууу! — подскочила я, отмахиваясь от призрака. И так получилось, что этой же рукой я как бы проткнула его, погрузив по локоть в живот. Ощущения были еще более мерзкими, чем вид злобного некроманта, нацелившегося на мой рот с учетом того, что при жизни он явно не заботился о гигиене собственного рта. — Словно в холодное желе ткнулась, — пожаловалась я, потирая покрывшуюся мурашками руку. — Ты почему такой мерзкий?

— Потому что я мертвый, — презрительно изогнул верхнюю губу призрак.

— Раньше ты не был таким...плотным, — покружила я указательным пальцем в районе его желудка. — Что случилось?

— Это — обитель магии смерти, — развел руками некромант. — И она как-то странно влияет на меня.

— Странно — это как? — прищурилась я.

— Я чувствую себя сильнее, но при этом сложнее думать, — нехотя поделился Магнус. — Как будто сознание окутывает вязкий едкий туман. Сложно сосредоточиться. Сложно...вспоминать, кто я и откуда.

— Твою ж прабабушку, — ожесточенно потерла я щеку. — Нам надо сматывать отсюда, но как?

— Никак без феи, — утешил меня Магнус. — Но ты её изгнала, так что, неизвестно, когда мстительница вернется обратно.

— Изгнала? — едва не попятилась я. — Я никого не изгоняла.

— Изгоняла, — утвердительно заявил Магнус, чуть прикрывая глаза. Выглядел он и правда, как какое-то существо из болота. — Я старался держаться поблизости и, когда слышал шум, сразу же рванул к тебе. Однако к моему появлению тени уже с визгом разбегались, а образ феи таял словно мороженное на солнце.

Я с недоумением моргнула.

— А я?

— А ты мирно булькала в воде, пуская пузыри носом, и что-то бормотала, напоминая угасающее полуденное солнце, которое вдруг решило поплавать.

— Я не решала, — шмыгнула я носом. — За меня решили. Одна из этих inferнальных энергосущностей швырнула меня в воду.

— Забавная формулировка, — оценил некромант с лицом, похожим на дохлую лягушку. — Но еще не менее забавен тот факт, что тени разумные и руководствуются коллективным сознанием.

— Это тебе кто сообщил? — ядовито заулыбалась я. — Местные караси?

— Тени и сообщили, — на удивление спокойно ответил Магнус, кивком головы указав на Озеро.

— Если эти тени такие общительные, то почему они сперва не захотели со мной пообщаться, а сразу же бросились душить? И не поинтересоваться ли нам у тех из них, кто не так остро хочет вырвать мне сердце, как нам выкарабкаться из этой задницы? — потихоньку начала закипать я, сердясь одновременно на все и на всех — на себя, на Магнуса, на Сашку. Наверное, я бы даже злилась на богов, если бы верила в них.

— Потому что те, которые пытались тебя придушить получили прямой приказ. У них не было выбора — подчиниться или нет, — рыкнул на меня Магнус. — И потому что не все из теней общительные. Есть и те, которые не то, что общаться не желают. Их приводит в бешенство сам факт твоего существования.

— А причем тут я? — возмущенно воскликнула я, обращаясь скорее к самому Озеру, которое в этот момент выглядело подозрительно скучающе-безмятежным. Находишь оно в любом другом более обыденном месте, то показалось бы не примечательнее обычного деревенского ставка.

— А при том, что это ты, а не я, опрокинула все сидхейское королевство, — раздраженно-устало выдохнул Магнус, которому и дышать-то не было нужды. Скорее всего,

просто привычка осталось. А может, так он ощущал себя менее мертвым. — Вместе с тобой они обрели надежду. Надежду на спасение, надежду на возвращение золотой эры, надежду как призрачный идеал, освещающий конец бесконечного черного тоннеля. А потом ты взяла — и свалила без предупреждения и без объяснений. Тебя и до этого-то терпели только потому, что ты была нечто вроде священной жертвенной коровы, а когда корова вдруг решила, что имеет право распоряжаться собственной жизнью и обломала бывшим богам светлое будущее, многих это очень сильно разозлило. А так как не все мертвые души находятся на зачаточной стадии развития умственной деятельности, увидев нас с тобой вместе многие из них прикинули нос к хрену, сообразив, что к чему, и разгневались еще сильнее.

Чем дальше он говорил, тем выше становился его голос, а речь — быстрее. К концу он в буквальном смысле орал, тараторя как взбесившаяся сорока. Даже его длинные сальные волосы растопырились в стороны, словно черные перья птицы.

— А потому твой единственный шанс на спасение — дожидаться дохлую фею и попытаться с ней договориться, — заключительно прошипел некромант, метая глазами молнии. — И пожалуйста, давай без твоей традиционной затеи, проходящей под лозунгом «сжечь тут всё к чертям собачьим!».

24.

— Ладно, — покладисто согласилась я. — Только нет у меня никаких затей. Я вообще незатейливая! И я понятия не имею, что ты имеешь в виду, говоря, что я изгнала Амриту. Потому что когда я попыталась призвать силу...огонь не пришел. Я стала слишком слаба для этого.

— Да я уж вижу, — хмыкнул Магнус. — Дохлая, как червяк, палкой перешибить можно. А по поводу феи... Твоё величие в огне. А что дает огонь? Тепло. И тени. Тенями называют души умерших. Но также, как создает их, огонь может их и поглощать. Древние маги считали огонь — первичной из стихий. Воплощение сил трансформации, которые способны менять саму суть вещей. Нет ничего во всех мирах, что огню, истинному пламени, было бы неподвластно. Но огонь может быть не только слепо разрушающей, пожирающей силой, но и силой очищающей, возрождающей. Вспомни феникса, сгорая, он возрождается из пепла.

— Фениксы вымерли, — вставила я.

— Не важно, — отмахнулся призрак. — Они превращают смерть в жизнь посредством пламени. Это самое главное.

— То есть, возможно в моих силах воскрешать мертвых? — переспросила я.

— Какая же ты все-таки иногда недалекая, — рявкнул Магнус да так, что я подскочила от неожиданности, как попрыгунчик. — Порой мне кажется, будто уровень твоего интеллектуального развития близок к нулю! Не всё следует трактовать буквально!

— Тогда что? — всплеснула я руками. — Объясни по-человечески!

— Огонь — суть и жизни, и смерти, следовательно, огонь есть ни что иное, как символ перерождения, последовательной смены смерти на жизнь и жизни на смерть, потому как в одно и тоже время это два состояния не способны воплощаться. Так, если можно управлять огнем, значит, можно управлять и жизнью, и смертью, но самое главное — управлять их сменой, — не очень терпеливо, но очень наставительно растолковывал мне Магнус.

— Управлять перерождением, — проговорила я, бессмысленно пялясь в пустоту. И тут у меня возник закономерный вопрос: — А сколько раз можно перерождаться, Магнус?

— Уверена, что выбрала именно того, кто компетентен в этом вопросе? — закатил глаза призрак.

— Нет, но кроме тебя здесь больше никого нет, а вести беседы с самой собой стратегия, изначально предвещающая шизофрению, — поморщилась я.

— Мне тут в голову одна мысль пришла, — начала Магнус, на что я не сдержавшись, съязвила:

— Да ладно! А так бывает?

— Что? — растерялся некромант и это поспособствовало поднятию моего настроения на целый градус. Мелочь, а душе приятно.

— Твою голову не только бредни, но еще и мысли посещают? — округлила я глаза.

— Я тебя сейчас съем, — с угрозой пообещал Магнус.

— Подавишься, — поручилась я, используя ту же тактику запугивания. — Так, что там за мысль у тебя завелась? Прямо, как тараканы на кухне... Надеюсь, твоя не такая усатая?

— Иногда я смотрю на тебя и представляю, как вырываю тебе позвоночник через горло, — мечтательно произнес Магнус, рассматривая меня так, словно выискивал, где бы оторвать кусок повкуснее.

— А потом ты вспоминаешь, что я тебе еще нужна и откалываешь казнь, запихивая свои фантазии в то место, где им и полагается быть, да? — широко улыбнулась я, едва не демонстрируя гланды. Аж челюсти хрустнули.

— С чего это ты решила, что я в тебе нуждаюсь? — призрак повел кустистыми бровями, глядя на которые так и хотелось взяться за газонокосилку.

— Не нуждался — уже убил бы, — развела я руками, как бы намекая на очевидность выводов.

— Может быть, я просто терпеливый, — предположил Магнус.

Я громко расхохоталась, откидывая голову назад.

— Ты? Терпеливый? Да твою фотографию надо поместить в словаре, — отсмеявшись, выдохнула я. — Напротив антонима слова «терпеливый». Ожидать от тебя терпения все равно, что ожидать от радуги монохромности.

— Я просто добрый, — ошетинился на меня призрак, замерцав в пространстве, что выглядело так, словно кто-то попытался переключить канал.

— Ага, как голодный волк, — уже без смеха заявила я, напряженнее всматриваясь в призрака. — Ты себя как чувствуешь?

— По-прежнему мертвым, — рявкнул Магнус. — Я правда хочу тебе добра!

— Или ты просто хочешь стать менее мертвым, — задумчиво пробормотала я. — Веря в то, что я могу помочь тебе переродиться.

— Я бы найти способ с тобой договориться, — вдруг странным тоном, в котором далеким эхом безвозвратно утраченных дней слышалась церемониальность и клятвенность, произнес призрак. — Или убить.

— Не знаю, что это значит, — покусав губу, ответила я. — Но ощущение такое, как будто ты только что мне присягнул.

— Когда-то давно я действительно присягнул на верность одному человеку, — не сводя с меня странно-светящихся глаз, проговорил призрак. — И я продолжаю быть верный своим обещаниям. И этому человеку. Знаешь, любовь проходит, дружба распадается. И только кровные клятвы нерушимы навсегда.

Мое лицо вытянулось.

— Меня сейчас разрывают напополам очень противоречивые чувства. Одна часть меня хочет выяснить, откуда ты знаешь «Крестного отца», а другая кричит, что это лишняя информация.

— Из всех жизненных ситуаций самая выигрышная — когда враг преувеличивает твои недостатки. Лучше этого может быть лишь такая, когда друг недооценивает твои достоинства, — некромант продолжил поражать меня в самое сердце.

Я замахала на него руками, словно отгоняя невидимую мошкарку.

— Вот только не надо мне цитировать всего «Крестного отца»! В твоём исполнении это выглядит странно. И стремно! И мне нужно в туалет, — в конце концов, заявила я.

— Зачем? — неподдельно изумился призрак.

Я встала и уперла руки в боки.

— Монетку на память в унитаз бросить, чтобы вернуться! Ты совсем не в себе? Есть что, еще какие-то причины по которой люди ходят в туалет, кроме очевидной?

— Ну, мало ли, — Магнус немного сконфуженно почесал висок, отводя взгляд.

— Действительно, мало. Мало у кое-кого мозгов в той штуке, которая на плечах болтается, — заворчала я и потопала в самый дальний угол пещеры, надежно скрытый от посторонних взглядов полутьмой.

С каждым шагом я удалялась все глубже и ориентироваться становилось все сложнее. В какой-то момент шуршание песка под ногами сменилось хрустом чего-то хрупкого, что продавливалось под моими ногами, превращаясь в крошку. Пройдя еще несколько метров, я поняла, что уже окончательно ничего не вижу, с трудом понимая, откуда пришла и в какую сторону мне следует двигаться, чтобы вернуться обратно. И хотя я все время двигалась прямо, было ощущение, как будто я свернула куда-то не туда, ведь по идее, я уже должна была упереться в стену пещеры.

Подняв правую руку я поводила ею в воздухе, пытаюсь обнаружить возможные препятствия, однако пальцы нащупывали лишь воздух. Та же ситуация повторилась, когда я попыталась обследовать окружающую обстановку левой рукой.

— Надо возвращаться, — решила я, мигом расхотев справлять естественную нужду.

Развернувшись, я случайно сделала шаг в сторону, и моя нога по щиколотку ушла во что-то мягкое, густое и вязкое.

— Фууууу, — брезгливо передернуло меня. Захотелось тут же забраться по шее в воду и основательно вымыться, потому что и запахок вдруг появился соответствующий — аромат гнили к которой примешивалось нечто сладковато-приторное, что при вдыхании как будто оседало тонкой пленкой на нёбе.

Преодолевая отвращение, я отправилась назад, к берегу на котором оставила Магнус, стараясь шагать строго в пределах одной линии. Через время тьма стала рассеиваться, и я поняла, что это не просто темнота, появившаяся из-за недостатка освещения. Это черный туман, клубящийся, стелющийся, заползающий в рот, нос и глаза. И чем ближе к озеру, тем более редким он становился, словно не решаясь простираться дальше.

— Как успехи? — как бы между делом поинтересовался Магнус. — Ты там так долго пробыла, что я уже начал беспокоиться за твоё здоровье.

— За себя лучше беспокойся, — проворчала я, осматривая ногу, которая на удивление выглядела абсолютно чистой. Так, словно я не шагала две минуты назад по болотам в крошечной тьме. — Я там на что-то странное наткнулась. То ли трясина, то ли просто грязи по колено. И еще... Там — нет стены!

И неистово замахала рукой в указанном направлении.

— Да что ты говоришь? — фальшиво удивился Магнус.

— Ты знал, — поняла я, роняя руку.

— Подозревал, — уклончиво уточнил Магнус. — Просто не хотелось проверять самолично. После встречи с драконом, неожиданно вынырнувшим у меня перед самым носом с адским пламенем изо всех возможных мест, я не очень тороплюсь осваивать новые горизонты. А тут ты так удачно захотела уединиться.

— Там воняет так, словно что-то сдохло и гниет на протяжении полувека, — поделилась я, обнимая себя за плечи в бесплодной попытке согреться. — А еще там вместо песка под ногами что-то, похожее на ореховую скорлупу. Очень странно ощущение, когда идешь по ней, а она рассыпается под ногами...

— Что ты сказала? — подхватился вдруг призрак. Его глаза распахнулись, словно он услышал нечто невероятное. И, наверное, он бы побледнел, если бы смерть не сделала его бледным на веки вечные.

— Что это было странно, — медленно повторила я, так же медленно отодвигаясь от пугающего своими вспыхнувшими алым цветом глазами. Мне даже показалось, что я вижу в его глазах светлячков, которые красными точками слетались к зрачку.

— Нет, до этого, — торопливо отмахнулся призрак. — Ты сказала, что под ногами что-то хрустело!

— Ну да, сначала был песок, но когда вокруг совсем стало темно, песок закончился.

— А потом?

— А потом я вступила в какую-то жижу, резко завоняло, меня чуть не стошнило и я отправилась назад, — перечислила я все свои действия. — Писать мне перехотелось, если тебя это интересует.

— Вот это, как раз-таки, меня интересует в меньшей степени, — презрительно втянул щеки призрак, подхватился, взлетев в воздух и медленно подплыл к тому месту, где начинал сгущаться мрак.

— Знаешь, мне кажется, это не просто тьма, — поделилась я своими размышлениями. — Это больше напоминает туман.

— Почему? — и Магнус скрестил руки на груди в своем истинно некромантском жесте.

— Он осязаем. И у него есть вкус, — я попыталась описать, пощелкав в воздухе пальцами: — Маслянистый, немного горьковатый, липкий. Он как будто пачкает тебя изнутри.

Внешне Магнус никак не изменился. Не дрогнула ни одна мышца на лице, не закралось сомнение в складки лба, не затрепетали ресницы и не побледнела кожа. Хотя в его случае и так можно устраивать соревнования с бледными поганками, которые на фоне его мертвой моськи покажутся цвета хорошо прожаренных на гриле сосисок. И все же...

И все же, я уже достаточно хорошо успела изучить его и его нагло-самодовольные повадки, чтобы заметить то неявное изменение, которое произошло. И хотя внешне это было чем-то практически неуловимым, неслышимым и незримым, я буквально кожей почувствовала перемену в нем.

25.

В одно мгновение призрак вдруг стал ощущаться словно учувшая добычу гончая, которая мчалась по лесу не один час. И вот теперь — цель близко, практически у самого

носа. Осталось лишь осторожно, вкрадчиво крадучись на пружинящих лапах приблизиться для совершения финального, смертельного, броска. И хотя сравнение с кем-то хладнокровным, пресмыкающимся и чешуйчатым было бы более уместно в случае с Магнусом, я вдруг поняла, что, несмотря ни на что, продолжаю заигрывать с опасностью. И что еще более важно, эта опасность всегда рядом, в шаге от меня.

— Дуат, — едва слышно выдохнул призрак.

— Это ты сейчас так ругнулся? — выгнул я бровь, пытаюсь сохранять невозмутимый вид. — Или это твое стоп-слово?

Вопреки уже устоявшейся традиции, призрак никак не отреагировал на мой колкий выпад, а вместо этого уставился куда-то мне за спину так, словно где-то там, в песке, засверкали несметные сокровища — изумруды, бриллианты, рубины. И каждое — размером со страусиное яйцо.

— Дуат, — с придыханием повторил Магнус, плавно скользнув вперед. — Это легенда. Что-то вроде предания, про которое неясно — то ли правда оно, то ли вымысел.

— Да в этом мире все так, — раздраженно всплеснула я руками. — Одни легенды да сказания! Хоть садись и сборник сказок пиши. На самом деле, у меня до сих пор присутствуют стойкие сомнения относительно реальности происходящего — то ли я сейчас во сне, то ли так ударила голову, что брежу.

Поравнявшийся со мной призрак устремил на меня свой взгляд, но было очевидно, что смотрит он не на меня, а рассматривает что-то там, в вечности, доступной лишь мертвым. Ну, и тем, кто должен к ним присоединиться.

Я таковым желанием не горела, а потому, на всякий случай, сделала шаг в сторону. А потом еще парочку.

— По одной из версий, — начал Магнус, перестав рассматривать что-то на том месте, где только что стояла я, — дуат — это путь в потусторонний мир.

— Насколько потусторонний? — тут же подала я голос. — Потусторонний как Рай или Ад? Или потусторонний, в смысле, другой?

Магнус раздраженно вздохнул, всем своим видом указывая на то, что он едва выносит моё присутствие.

— А разве это не одно и то же?

— Как знать, — с широкой улыбкой пожала я плечами. — Все происходящее и так похоже на плохой фильм, снятый шизофреником. Одной бредовой мыслью больше, одной меньше — кто считает?

— Тот, кто следит за счетом на табло, — выдал странное изречение Магнус и направился прямо в объятия черного тумана.

— Глубоко, — оценила я его мысль и хотя мне настойчиво этого не желалось, потопала следом. — По одной из версий, — сказала я, обращаясь к назойливо мелькающему впереди туловищу.

— Что? — полюбопытствовало туловище в свою очередь.

— Ты сказал, что по одной из версий, дуат — это потусторонний мир. А по другой?

— А по другой, — процедил призрак, чей голос глухим эхом разлетелся вокруг, — дуат является чем-то вроде зазора между мирами. Проходом, которым могут воспользоваться заблудшие души. Одно время считалось, что дуат ведет в небо и все, кто по нему пройдут обратятся в звезды. Это своеобразный путь очищения, проследовав по которому душа обретает покой.

— Решил стать звездочкой? — прыснула от смеха я и тут же с опаской заявила: — Я на небо не хочу. Ни в виде звездочки, ни в виде бабочки, ни в виде снежинки.

— Тебе небо не светит, — уверил меня Магнус, в чьем злобном шипении слышалось пожелание мучительной смерти. — В лучшем случае — дантовский ад.

— Вот это в моем стиле! — согласившись, воодушевленно воскликнула я. К этому моменту мы уже практически достигли того места, на котором я развернулась и дальше не пошла. — Озвученная информация, конечно, любопытная, но хотелось бы услышать разъяснения — зачем она мне?

— Что ты знаешь о фоморах? — спросил голос Магнуса, в то время, как сам он, судя по интенсивности звука, болтался где-то справа примерно на шаг впереди.

— Что слышала уже это определение, — пробормотала я, ощущая себя так, словно едкий туман начал заполнять меня изнутри. Гадливенько так. — Но не помню где, как, зачем и почему.

— Почему ты никогда не слушаешь, что тебе говорят?

— Потому что мне редко интересно то, что мне говорят, — проворчала я. — И вообще, мне постоянно что-то говорят. Все подряд. Не все же запоминать.

— И почему ты такая бестолковая?

— Может быть, мне просто удобно быть бестолковой? — пробормотала я себе под нос, чувствуя, как уровень жидкости, в которую мы вошли начал подниматься по мере нашего продвижения вглубь. Теперь уровень чего-то вязкого и далекого от приятного доходил мне почти до коленей.

— Фоморы, — начал Магнус скрипучим голосом, словно внутри него вдруг что-то заржавело, перестав работать как надо, — изначально являлись воплощением темных сил, сил хаоса и неконтролируемых природных сил. Фоморы ведут свое происхождение от богов, которые по своей сути схожи с богами, создавшими сидхе. Само слово «фоморы» означает «морские», то есть, обитающие посреди моря. И употребляется оно исключительно самими сидхами, которые так обозначили тех, кто когда-то напал на них, выйдя из воды. Противостояние сидхе и фоморов началось очень давно, и с яркой подачи последних. Еще во времена, когда сидхе только поселились на островах, фоморы решили, что у них нагло оттяпали часть территорий и явились отбирать её обратно. По сути, фоморы были в своем праве, но сражение проиграли. И с тех пор сидхе и фоморы находятся в перманентном состоянии войны. Хотя был период, когда сидхе решили, что их находящиеся в упадке враги либо вымерли, либо мутировали во что-то с жабрами и плавниками. Кроме того, они долгое время не могли понять, как фоморам удается попадать в их мир. Сейчас в распоряжении фоморов имеются несколько охраняемых порталов, но тогда, в начале войны, они возникали практически из ниоткуда. Сидхе, на удивление, оказались способными сложить два и два. В результате они выяснили, что фоморам удалось найти дуат — тайный путь, который помог им из своего мира переходить в мир сидхе. А если буквально, то в мир, который являлся изнаночной стороной мира сидхе.

— Как тебе удалось все это узнать? — с растущим подозрением спросила я. — И если ты знал об этом раньше, то почему рассказал только сейчас?

— Потому что я узнал об этом только сейчас, — рыкнул где-то во тьме Магнус.

— Внезапное прозрение? Как у Ньютона? Тебе на голову ничего не падало? Яблоко, например?

— Нет, — поехидничали мне в ответ. — Яблоки, как и любые другие фрукты здесь ни

при чем. Мне поведала об этом одна из теней в Озере. И кое в чем эта тень была необычайно уверена.

— В чем? — ожидаемо спросила я.

— Фоморы попытаются вновь воспользоваться дуатом, который сидхе смогли заблокировать. Осуществления контроля за проходом входило в задачи Амриты, и всех тех, кто был до неё. Потому что фоморы готовятся.

— К чему? — внутри стремительно начала нарастать тревога.

— К новой войне, — ответил Магнус, судя по звуку, вдруг оказавшись в непосредственной близости от меня. Видимо, ему уже перехотелось идти вперед. А может быть, он просто остерегался продолжать движение, зная больше, чем я. — Фоморы стремятся к новым сражениям, к новым завоеваниям. Они все еще верят, что смогут покорить и сидхе, и тех, других, что проживают в соседних мирах. И благодаря дуату они смогут спокойно перемещаться хотя бы в мир сидхе, сохраняя при этом неприступность собственного дома. Фоморы — это лишь одно из их имен, так их называют сидхе. Но есть и другие. Тебе фоморы известны как...

26.

... ифриты.

— Погоди, погоди....

— Да, это те самые ифриты, предводитель которых был погребен в вечный сон одним из человеческих архимагов. Тот, ради которого совершались массовые убийства. Тот, которого его потомкам практически удалось пробудить.

— Удалось? — я опасно пошатнулась.

— Да, — решительно разбил все мои надежды Магнус. — Пока ты тут убегаешь от всех подряд, так и не сумев разобраться, кто друг, а кто враг, твой мир медленно, но верно погружается в хаос. Потомок, наследник Книги Ярости, мертв. Он надеялся, что с помощью высшего сможет снять заклинание своей прабабки и обрести магические силы, которые обещаны ему по праву рождения, но не вышло. Так же, как и не вышло договориться с демонами о разделе власти над миром людей. Понимаешь, демоны в принципе не особенно коммуникабельны, а с тех пор, как ушли в подполье вообще разлюбили общение с кем-либо, кто не входит в их круг. Они предпочитают более грубые, но самые действенные методы — силовые. Демоны, как и их прародители — высшие, предпочитают приходить и брать то, что им нужно. Вот и все. Им нет нужды с кем-то договариваться, что-то обсуждать и на что-то рассчитывать. Они полностью автономны и этим сильны. Это то, что хотел рассказать тебе Седой, но не успел. Но! Есть кое-что с чем придется столкнуться высшему после пробуждения и это кое-что очень сильно подпортило всем планы.

— Что это? — хрипло прошептала я.

— Ты узнаешь, когда пройдешь через дуат, — пообещал Магнус.

— Ошалел? — икнула я от неожиданности. — Ты же пять минут назад сказал, что это путь для заблудших душ!

— А ты кто? — тихо спросил Магнус с явным подтекстом.

Я вопрос проигнорировала, как и его подтекст.

— Погоди, но если это путь для мертвых, то как по нему прошли фоморы? Они-то были живыми! Или я что-то не поняла?

— Смыслне в формулировке, а в том, что заблудшая душа — это не только душа,

отделенная от тела в силу его физической смерти, но и тот, кто потерял свой путь. После поражения в войне фоморы были обескровлены как народ, обещены как воины, и сбиты с толку как стадо, потерявшее своего предводителя. Они хотели мстить, хотели найти себе новый дом, пристанище, где можно было бы зализать раны — и дуат предоставил им такую возможность. Дуат всегда дает то, чего жаждет тот, кто смог найти проход и воспользоваться им.

— В первоначальной версии говорилось про покой, — злобно припомнила я.

— А что значит покой? — Магнус старательно пытался подвести меня к какой-то мысли, только вот к какой именно — мне было настойчиво непонятно.

Я задумалась, кусая губы.

— Покой — это когда больше не больно. И когда больше не страшно.

— Покой — это итог. Вот к чему ведет дуат — к итогу. И тебе нужно пройти по нему.

— А ты?

— Я пойду с тобой, — пообещал Магнус, и что неожиданно — не было в его голосе ни ехидства, ни насмешки, ни злости. Мы стояли во тьме, я не могла разглядеть ни его позы, ни выражения его лица, ни эмоций, что так часто он транслировал одним только своим взглядом. Если на минуту взять — и забыть, где мы находились, представив любое другое — какое угодно! — место на планете, можно было бы подумать, что это просто обычный разговор двух самых обычных людей.

— Как Вергилий, который сопровождал Данте по Аду, — грустно хмыкнула я.

— Вергилий ничто по сравнению со мной, — высокомерно заявил призрак, и я кратко улыбнулась — он снова стал тем прежним некромантом, которого я всеми силами выводила из себя просто из любви к процессу.

— Ну да, он-то был обычным человеком.

— Как знать? Никогда не можешь быть уверенным наверняка, особенно в тех, кто рядом с тобой, — таинственно проронил некромант и я ощутила прикосновение его холодных пальцев к моему запястью. — Только помни, что дуат всегда берет своё. Очищение — это та плата, которая ему требуется. Вот только очищает он... на свое усмотрение.

— Это как? — выдохнула я во тьму. Паника медленно, но верно начала разливаться по венам. — Разве очищение не подразумевает освобождение от чего-то плохого?

— Плохое — хорошее, злое — доброе, красота — уродство, — быстро начал перечислять Магнус, — всё это очень условные понятия.

— Тогда что? — растерялась я.

— В данной ситуации, я думаю, что под очищением подразумевается процесс удаления.

— Удаления чего?

— Того, что дуат захочет получить от тебя.

И Магнус решительно поплыл вперед, увлекая меня за собой, в неизвестность, окутанную черным туманом, чей знакомый сладковато-приторный запах, липнувший к нёбу, все больше и больше напоминал запах разлагающихся трупов.

Чем дальше во мрак я ступала, тем сильнее казалось, будто я вхожу в мир собственных кошмаров. Мир, где роятся чудовища. Мои чудовища, прикормленные с рук, роящиеся в глубинах сознания и выжидающие удачного момента. Я словно погружалась на дно собственной души, медленно сползая по скользким стенкам узкого колодца, остервенело цепляясь даже за самые мельчайшие выступы в попытке удержаться, и все же соскальзывая

все ниже, туда где гниль и вонь, где ступни утопают в чвакающей жиже, где зудят толстые назойливые мухи, норвящие сесть на лицо, залететь в рот и уши, зарыться в волосы. Где что-то живое и юркое, неприятно холодящее кожу, проскальзывает вдоль ног, оставляя ощущение будто по углам, свернувшись в кольца, притаились змеи и стоит только пошевелиться, как тут же по телу поползет что-то чешуйчатое, в намерении добраться до шеи...

Почти сразу же я начала терять ориентацию во времени и пространстве. Сознание мутнело и заполнялось отвратным, въедающимся в каждую клеточку тела запахом. С каждым новым сделанным шагом становилось все труднее осознавать, где я нахожусь. Куда я иду? И почему в мозгу, словно сдавленная жилка, бьется мысль о том, что я непременно должна идти? Идти и ни в коем случае не останавливаться. Даже когда силы иссякнут, даже когда покажется, будто сделать вдох — непосильная задача, даже когда захочется рухнуть навзничь и остаться в этом мраке навсегда — я должна идти. Нет ничего важнее этого. Но чьё это бормотание раздаётся неподалеку? И почему кажется, будто один очень знакомый голос, про который я никак не могла вспомнить кому он принадлежит, постепенно превращается в многоголосье? Слово бормотание — сразу везде. И сверху, и снизу, и справа, и слева, и спереди, и сзади, и даже во мне самой? А может быть, это мой голос? Может быть, это я бормочу?

Пить. Очень хочется пить. Все внутри словно слиплось в один единый пласт и от этого шевелиться еще труднее. Я увязала в этой тьме, как муха в липучке.

Кажется, в какой-то момент моё сознание сдалось и последние остатки разума отступили, уступая место бреду.

27.

Я сидела на столе, столешница которого была затянута плотным красным сукном, и весело болтала ногами в воздухе. На мне было надето ярко-алое бархатное платье с длинными рукавами, воротом под горло и длинными подолом, который наискосок пересекал глубокий вырез, открывающий вид на белое, как молоко, бедро. В руках я держала восьмиполосную газету, выглядящую такой старой и от того такой хрупкой, что следовало бы опасаться даже дышать в сторону помятых, местами затертых и запятнанных листков. На первой полосе кричал восклицательными знаками огромный заголовок «Europe rease! Germans quit!».

В комнату, которая была забита самым разномастным хламом и оттого выглядела, как пещера пирата, вошел Юстас. Он с раздражением содрал с себя пиджак с отполированными до блеска золотыми пуговицами и швырнул его на полосатое кресло-стул на низких изогнутых толстых ножках. Дернул за ажурный шнур и торшер на высокой латунной стойке засветился мягким чуть розоватым, из-за цвета абажура, светом.

Я вернула своё внимание газете, потому что появление бывшего меня не взбудоражило. Я словно знала, что он вот-вот должен появиться. Газета была англоязычной, времен Второй мировой войны. Я попыталась прочесть следующие сразу за заголовком буквы, что потребовало значительного напряжения. Мало того, что в комнате было сумрачно из-за задернутых плотными шторами окон, так еще и строчки расплзались перед глазами. И не потому, что у меня было плохое зрение, а потому что они в буквальном смысле шевелились, ползали, извивались по бумаге, словно маленькие чернильные червячки. Возникло острое желание скомкать газету и зашвырнуть в дальний угол, туда, где мелкой дрожью подрагивал

посудный шкаф с каркасом из цельного дерева, вызывая перезвон хранящейся на полках посуды. То ли шкаф хотел изрыгнуть расписанные разноцветными красками сервизы, то ли сами чашки и блюдца рвались на свободу, непонятно. Но это мерное однообразное позвякивание нервировало. Как нервировало перешептывание вышитых серебристыми нитями гардин, которыми было декорировано окно и которые покачивались, словно на сквозняке, которого не было. В такт им шуршали потускневшими оборками и пышными юбками старинные тяжеловесные платья из парчи, крепа и муара, аккуратно развешанные на напольной прямоугольной вешалке. Некоторые платья были отделаны мехом и их звучание было более низким, по сравнению с изящными атласными платьями, чьи шелковые лифы украшал растительно-животный орнамент. В целом, создавалось впечатление, словно каждый предмет в комнате живет своей собственной жизнью. И рассказывает об этом остальным.

— Мне нужна твоя помощь, — заявил Юстас, чей глубокий и обычно приятный голос на фоне всеобщего перешептывания, перезвякивания, шуршания и пересвистывания произвел впечатление удара в набат.

— Нет, — ответила я и мой собственный голос показался мне чужим. Слишком грудной, слишком томный, слишком манящий. Такой голос предназначен исключительно для спальни. Где царит полумрак, где беспорядочно смятые простыни пропитаны потом и стонами, где утыкаются лицом в подушки, заглушая сладострастные вопли, содержащие в себе одновременно и просьбы остановиться, и требования продолжать вечно.

Это был чей угодно голос, но только не мой. И все же... раздавался он из моего рта.

— От меня сбежало пианино, — сообщил Юстас, расстегивая воротник и с удовольствием вдыхая полной грудью.

— Предлагаешь отправиться в погоню? — флегматичность сквозила в каждом произнесенном чужим голосом звуке. Флегматичность и демонстративное безразличие. — Извини, охота на взбесившиеся музыкальные инструменты меня не вдохновляет.

— Его надо вернуть, — требовательно произнес Юстас и уставился на меня. Я в ответ оторвала взгляд от газеты, которую упорно продолжала пытаться прочесть, несмотря на то, что написанное постоянно изменялось, периодически выглядя как бред сумасшедшего, и наградила им собеседника. — Я купил его у герцогини Орлеанской, а она та еще ведьма.

— Ведьма в буквальном смысле или ведьма, как все женщины? — лениво поинтересовалась я, ощущая себя очень странно каждый раз, когда заговаривала. Словно я только открывала рот, а говорил за меня кто-то другой.

— Скорее второе, чем первое, но приятней от этого не становится, — ответил Юстас и выдернул из рукава запонку, швырнув её на стол рядом со мной. — Замуж она вышла в пятнадцать, мужа, который приходился ей одновременно двоюродным братом люто ненавидела, желая ему мучительной смерти едва ли не ежедневно. Пианино для неё сконструировал один испанский мастер, а ведьма из болот Пуату заколдовала его так, что любой, кто услышит его музыку тот час же пустится в пляс и будет танцевать, пока не рухнет замертво. И именно это случилось с герцогом, причем поговаривают, что тело высокородного аристократа похоронено в родовом поместье в Сен-Клу, а вот сердце его находится в усыпальнице королевского дома в Дрё. И оно до сих отбивает тот самый роковой ритм.

— Разве оно не должно было истлеть за столько лет? — вздохнула я устало.

— Оно плавает в специальном консервирующем растворе, — сообщил Юстас,

отправляя вслед за первой и вторую запонку. — И потом, что значит, за столько лет?

Я сосредоточенно нахмурилась и вновь посмотрела на бывшего любовника. Теперь что-то в его лице мне показалось неправильным. И чем дольше я смотрела, тем сильнее пробуждалось внутри ощущение, что это не Юстас. Вернее, не совсем он.

— Что? — недовольно проронил мужчина и резко подался вперед. Его лицо оказалось в центре создаваемого торшером круга света и мои руки задрожали. В кресле сидел молодой мужчина, не старше тридцати лет. Высокий лоб, зачесанные назад светло-русые волосы, хищно выступающие вперед надбровные дуги, глубоко посаженные глаза, прямой нос и тяжелый подбородок. Из общего у них с Юстасом было только две вещи — классический нордический тип внешности и я. Та, с которой они явно были в близких отношениях. Но это точно был не Юстас, несмотря на то, что этого мужчину я ощущала, как кого-то очень близкого мне. Я говорила с ним в полной уверенности, что беседую с Юстасом.

Как такое возможно?

Если только...

Газетные листки завибрировали под моими пальцами, буквы начали быстро-быстро перемешаться по бумаге — одни разбежались в стороны, словно тараканы, а другие наоборот — собирались в центре, складываясь в цепочку. Через несколько мгновений, в течении которых я не дышала, передо мной сложилась фраза: «Посмотри в зеркало».

Я оглянулась. В комнате не было зеркала.

28.

— Мне нужно зеркало, — произнесла я и вновь вздрогнула от звучания не своего голоса.

Мой собеседник раздосадовано цокнул языком, закатил глаза и взмахом руки указал куда-то влево от себя. В свете торшера блеснули крупные кольца, украшавшие несколько его пальцев.

Я отложила газету, спрыгнула со стола и неловко покачнулась, едва не рухнув на пол из-за подогнувшейся лодыжки.

— Ты так и не научилась быть изящной, — хмыкнул мужчина, опять скрыв свое лицо в тени.

Гулко сглотнула и направилась по указанному направлению, пересекая комнату по прямой. Дойдя, уткнулась в стену, украшенную гобеленом, изображение на котором повествовало об античных божествах. В полуобнаженных фигурах легко угадывались персонажи из древнегреческих мифов — Зевс под руку с Герой, Афродита, обвивающая руками шею своего возлюбленного Адониса, Артемида, воинственно вскинувшая свое копьё.

— Но здесь нет зеркала, — выдохнула я, округлившимися глазами наблюдая за тем, как в углу гобелена, словно вышиваемая невидимой рукой, появляется мужская мускулистая фигура.

— Зато там есть дверь, — ехидно сообщили мне с кресла, которое теперь находилось спиной ко мне.

Я уже хотела заявить, что не вижу никакой двери, как вдруг справа от меня, глухо скрипнув, отъехала в сторону часть двери, открывая мне путь в темноту.

В два шага я приблизилась к зияющему чернотой проему и, присев, попыталась ощупать пол за порогом. Пальцы коснулись чего-то шершаво-колючего, тут же пришло осознание, что это ворс. Грубое колючее полотнище устилало пространство за дверью. Выпрямившись,

скинула туфли и аккуратно перенесла ногу через порог. Едва моя голая ступня коснулась пола, вспыхнули свечи в подвешенных на стену канделябрах и я увидела перед собой лестницу, круто уходящую вниз. Слабый свет свечей не позволял рассмотреть что-то дальше пары шагов, а потому куда именно устремлялась лестница было непонятно.

Я не торопилась делать следующий шаг, но при этом в голове мелкими молоточками таранила мысль, что что-то здесь не так. Мне следовало идти вниз, во тьму, в неизвестность, погружаясь в давящую пустоту чего-то, похожего на колодезную шахту, но делать этого крайне не хотелось.

Но я все равно пошла.

Шаг, еще шаг, ступеньки выплывали из темноты словно по волшебству, как будто еще секунду назад их в принципе не существовало, но вот появилась я и тьма любезно подставляла мне под ноги твердую поверхность, поджидая в свои жуткие объятия. Свечи на стенах также загорались по мере моего продвижения вперед, а те, что оставались позади — потухали. Пройдя примерно с десятков ступенек, я обернулась назад. И не увидела ничего. Не было двери, не было проема, сквозь который должен быть литься неясный свет из покинутой мной гостиной. Отсутствовали даже призрачные очертания того, что где-то там остался выход, и я смогу к нему вернуться. Нет, у меня был только один путь — вперед. И я должна была идти.

Спуск был долгим, очень долгим. В какой-то момент в голове зародилась мысль, а вдруг я не спускаюсь? Вдруг я просто шагаю на месте? И нет ничего, ни этой лестницы, ни этой тьмы, ни этих зажигающихся и потухающих свечей, выхватывающих из мрака шершавые ступеньки и черные каменные бруски, послужившие материалом для создания стен?

А я все шла и шла, по ощущениям, я должна была спуститься уже в самую преисподнюю, так долго я находилась в пути. А лестница все никак не заканчивалась. И вдруг в голове всплыло слово — очищение. Оно прозвучало в сознании так отчетливо и громко, словно его кто-то произнес. Но я была здесь одна и говорить могла лишь с самой собой. Значит ли это, что слово было произнесено мной?

- Вначале было Слово. И слово было у Бога. И Слово было Бог, — вдруг проговорил мне тьма.

— Что? — замерла я, занеся ногу над следующей ступенькой. Но тут же забыла об этом, когда увидела тонкую темно-красную, практически черную струйку, стекающую по оголенной ступне. Приподняв ногу, я увидела, что она глубоко изранена, словно истыкана чем-то острым. Из круглых отверстий беспрепятственно сочилась кровь, оставляя следы на ступеньках. Но боли не было, как не было и ощущения, что что-то не так.

— Всё идет своим чередом, — вновь заговорила со мной тьма женским голосом, который почему-то показался смутно знакомым. Как будто я слышала его уже и слышала не раз, но потом почему-то забыла. Это было похоже на воплощение в жизнь старого детского сна, который снился много раз и очень давно, а потом вдруг перестал. Прошли годы и вот происходит что-то, что возвращает тебя в то состояние, в тот сон. — Все так, как и должно было быть.

— Кто ты? — спросила я, все еще не решаясь сделать следующий шаг, хотя уже и начала слегка пошатываться от внезапно накатившей усталости.

— Я — это ты, — ответила тьма и подтолкнула вперед.

Туда, где уже не было ступеней, не было лестницы, зато имелось огромное, во весь мой рост зеркало, зависшее над пропастью.

Под ногами больше не ощущалось ворсистое полотно, а вместо него присутствовала сухая с осязаемыми иссохшими трещинами пыльная земля и острые перекатывающиеся под ступнями камушки. С раздражением пнув один из них, я заторможено пронаблюдала за тем, как пара камушков, описав дугу, пролетела вперед и исчезла в пропасти. Через несколько мгновений до слуха донесся зловеший удаляющийся стук падения.

— Что там? — глухо спросила я, боясь заглянуть туда, куда улетели камушки.

— Правда, — ответила тьма.

— А зачем зеркало? — указывая на зеркальную поверхность, которая в данный момент не отображала ничего, кроме подрагивающих свечных огоньков. Оно не отображало меня, словно... меня перед ним и не было.

— Что бы правду увидеть, — ответила тьма. И эти слова словно пробудили зеркало от спячки. — Осознание — путь к прозрению.

Зеркало на мгновение помутнело, словно запотевая от горячего дыхания, а когда прояснилось, я увидела жизнь, чужую жизнь. И не одну. Целую серию чужих историй, окончившихся еще до моего рождения.

Одна картинка сменяла другую — как в калейдоскопе.

Первым в зеркале отобразился высокий смуглый молодой мужчина. Его фигура была стройна, а талия тонка, как у девушки. И словно в противовес подобному изяществу плечи парня отличались необычайной шириной. Лицо имело тонкие черты, которые подчеркивал миндалевидный разрез глаз, прямой нос и полные губы. Голова его была полностью обрита, оголенный торс также лишен какой-либо растительности. На предплечьях посверкивали инкрустированные крупными красными камнями браслеты, такие же позвякивали на тонких изящных запястьях. Еще несколько амулетов украшали грудь, в одном из них можно было рассмотреть Уджат, око Гора, известный древнеегипетский символ. Низ тела мужчины был закрыт длинным белым одеянием, похожим на юбку, украшенным замысловатым набедренным поясом и длинными, покачивающимися в такт шагам, красными витыми шнурками. Он двигался плавно и размерено, словно повинуюсь некому музыкальному мотиву, слышимому лишь им одним, мягко ступая по выстланному гранитными плитами полу. Его окутывал серый туман, рассеиваемый лишь пылающим пламенным шаром размером с блюдце, который плыл по воздуху в паре метров над полом впереди шагающего мужчины. Подняв руку, мужчина щелкнул пальцем и шар огня исчез. Зеркало потемнело, но тут же посветлело вновь.

Теперь вместо мужчины оно демонстрировало лежащую на груди подушек женщину, томно глядящую куда-то в сторону и призывно облизывающую губы. Полное тело прикрывала длинная римская тога длиной до щиколоток, с одной стороны открывающая вид на смуглое полное плечо, а с другой — ниспадающая мягкими складками вдоль руки. Ткань наряда была прозрачной и демонстрировала не только все самые сокровенные места, но красноречиво намекала на то, что должно произойти далее. Вот, к женщине шагнул полностью раздетый мужчина и она потянулась к нему, как цветок тянется к солнцу. На полном лице, по бокам прикрываемом вьющимися длинными локонами отобразилось желание, такое ненасытное, что впору посочувствовать её партнеру. Хотя, нет, не так. Партнерам. Потому что после первого к ней приблизилось еще несколько мужчин, и женщина была этому только рада. И вновь зеркальная поверхность потемнела, а затем отобразила новую картинку.

Невысокая худощавая дама, скромно потупив взгляд, склоняется перед величественно

восседающем на троне мужчиной — высокий лоб, прямой разлет бровей, спокойный и мудрый взгляд, густая борода, растущая от скул и светло-русые волосы, спускающиеся на плечи. Золотая корона со звездой в центре украшает его голову. Правитель одет в белую тунику с длинными рукавами, а поверх неё — темная накидка с капюшоном. Он смотрит на женщину, склонившуюся перед ним в поклоне внимательно и благосклонно, а в глубине бороды затаилась хитрая улыбка, вызванная скорее не личностью женщины, а её одеждами — узкими, обильно усыпанными золотыми украшениями. Лицо незнакомки тоже было примечательным — с горбинкой нос, маленький рот, ровная оливковая кожа. Позади неё был виден верблюжий караван, шествующий по желтым пескам. Вот женщина, чей лоб украшала цепочка с подвеской, крепящаяся к прическе, подняла взгляд и встретилась глазами с царем. Последнее, что удалось увидеть — как в глазах мужчины сверкнул огонь.

29.

Следующим, что мне показало зеркало оказался круглый стол, за которым восседало двенадцать рыцарей. То, что это были именно рыцари понять было не трудно — длинные плотные плащи тяжелым водопадом из ткани свисают с плеч, кольчуга защищает грудь, живот и шею, широкие поясные ремни удерживают ножны с двуручными мечами. У некоторых имелись кольчужные капюшоны, а подмышками они удерживали рыцарские железные шлемы. Во главе стола восседал тринадцатый воин, отличавшийся от остальных наличием скромной короны и стулом, который больше всего напоминал трон. Лица практически всех присутствующих были размытыми, словно плавали в воде, и лишь одного можно было рассмотреть четко. Он сидел рядом с королем, по правую руку от него. Чистые, благородные черты лица, каштановые волосы с медным отливом, и глаза словно озерная вода — кристально светлые, прозрачные. Сложно было сказать, являлся ли он самым красивым из рыцарей, но он явно был не простым воином, о чем свидетельствовал символ, вычерченный красным цветом на его боевом шлеме — перевернутый острием вниз треугольник. Часть пентаграммы. Старинный символ магии огня, который по прошествии времени практически вышел из обихода.

Вновь зеркало помутнело, стирая прежнее изображение и демонстрируя следующее. Девушка шла по широкой парковой аллее. Впереди глухо журчал большой круглый фонтан, по бокам от аллеи росли разнообразные зеленые насаждения, в основном кустарники. Некоторые из них уже цвели, другие еще нет. Девушка подняла руку и тонкими изящными пальчиками пробежалась по аккуратно подстриженным верхушкам растений. Каждое её движение вызывало шуршание тяжелых юбок из узорчатой парчи, наслоенных одна на другую. Нижние юбки были видны благодаря боковым разрезам и приподнятым подолам, из-под которых нет-нет, да и выглядывала белая тонкая ножка. Девушка двигалась медленно и величественно. Её спина была ровнее спицы, высоко поднятые волосы открывали вид на красивую длинную шею. Вплетенные в прическу кружева изящно ниспадали на тонкие плечи. Корсет, украшенный сложной декоративной отделкой, мягко обхватывал талию, подчеркивая её тонкость и приподнимая грудь. Помимо незнакомки, чье лицо было трудно разглядеть из-за ракурса, в парке присутствовали и другие люди, немного, но все, кто двигался ей на встречу, учтиво кланялись перед ней. Девушка, от которой буквально веяло молодостью, женственностью и очарованием отвечала всем им благосклонным едва заметным кивком головы. Вот, в конце аллеи показалась небольшая группа людей, быстро приближающаяся к красотке. Вскоре стало очевидно, что в основном она состояла из других,

красочно разодетых женщин, похожих на стайку экзотических птиц. Впереди всех медленно шествовала та, которая опережала остальных по возрасту и по статусу. Не узнать в ней королеву было невозможно, и хотя она была по-королевски шикарна, она не была по-королевски красива. Оплывшее овальное лицо с достаточно тяжелым и грубым подбородком, невыразительные брови и такие же блеклые тонкие губы, а также глубоко и широко посаженные глаза, создававшие впечатление, будто части лица женщины немного «разъехались» в разные стороны. Увидев ту, что шла ей на встречу, королева презрительно прищурилась, вздернула подбородок и ускорила шаг. Едва они поравнялись, красавица склонилась в низком поклоне перед своей королевой, но та проигнорировала её, прошествовав мимо. Среди королевской свиты слышалось неодобрительно перешептывание, но стоило им удалиться на пару метров, как девушка оглянулась и стало видно её лицо — тонкий прямой нос, большие чуть выпуклые глаза, длинные прямые брови, маленький лоб и кожа того розоватого оттенка, которые неизменно ассоциируются с кожей младенца. Алые губы что-то быстро прошептали, глаза мстительно прищурились, вспыхнув красноватым светом и девушка, выпрямившись из реверанса, продолжила свой путь с победоносной улыбкой на устах. А позади неё потянулись к небу серые струйки дыма и послышался истеричный женский визг.

Новое изображение, новая частичка чужой жизни, уже затерявшейся в бесповоротно ушедшем прошлом. Молодой парень в военной форме без знаков отличия и символов принадлежности к каким-либо войскам, его лицо, руки и шея перемазаны сажей, под ногтями забились грязь. Ему едва ли исполнилось двадцать, но он уже испытал все тяготы жизни, оказавшись на войне, что нетрудно было прочитать по его лицу, которое избородило несколько глубоких морщин. Яма, в которой затаился боец, очевидно не была тем местом, где он собирался оставаться надолго, потому что парень начал карабкаться на поверхность, по локти увязая в сырой глинистой почве. Едва выбравшись, он тут же перебежками направился к ближайшим зарослям еловника, внимательно озираясь по сторонам. Едва только солдат успел спрятаться, как из-за деревьев показался танк. Резво преодолевая ямы и насыпи, он плавно двигался вперед. На то, чтобы поравнялся с укрытием затаившегося, словно мышка, солдата, железной машине потребовалось несколько минут, но как только это произошло, парень выбросил руку вперед и с его пальцев сорвался шар ярко-оранжевого огня. Шар пронесся над землей и метко влетел в место, где башня соединялась с корпусом, образуя дыру в броне. Несколько томительных мгновений, сопровождаемых плотным черным дымом, и танк вспыхнул.

Следующее изображение — и следующая история. Женщина на вид лет тридцати-тридцати пяти торопливо шагала по улице. Каблучки её поношенных туфель громко стучали по мостовой. Вокруг было пустынно по причине позднего времени — то ли раннего утра, то ли уже практически наступившей ночи. Периодически женщина встревоженно оглядывалась, озираясь по сторонам. И не смотря на то, что рядом по-прежнему не было ни души, это её не успокаивало, а наоборот — тревожило еще сильнее. Она еще больше ускорила шаг и теперь практически бежала, несмотря на то, что узкая юбка до колен и такой же узкий пиджак ей в пару сильно сковывали движения женщины. И вот, когда она в очередной раз обернулась назад, из-за поворота вырулила машина. Её фары были включены, освещая мостовую холодным слепящим глаза светом, а потому сам автомобиль было трудно разглядеть детально. Но женщина его явно узнала, потому что коротко вскрикнув, она тут же зажала рот рукой и рванула вперед изо всех сил. Но обогнать машину все же не смогла.

Притормозив из неё выскочило трое мужчин. Они быстро догнали женщину, скрутили, заткнув рот тканью, и грубо запихнули в машину. Автомобиль взвизгнул тормозами и рванул с места, скрывшись в темноте. Несколько секунд зеркало транслировало тишину и темноту, а после послышался взрыв и горизонт вспыхнул алым. Что-то там, вдалеке, запылало всепоглощающим огнем.

Зеркало мигнуло, и я увидела в нем себя — такой, какой привыкла видеть. Ничего особенного, ничего сверхъестественного, просто я. Обычная. В том виде, в котором привыкла себя видеть всю свою сознательную жизнь.

— Что все это значит? — спросила я севшим голосом. То ли у зеркала, то ли у бездны. Но ответила мне...я. Моё отражение в зеркале вдруг моргнуло, зашевелилось, хотя моё тело оставалось стоять неподвижным, и посмотрело на меня чужими глазами. Злыми глазами.

— Разные жизни, разные судьбы, разные времена, — ответило мне отражение, рассматривая меня с проблеском заинтересованности в черных глазах. — Но душа одна. Твоя душа.

— Ты хочешь сказать, что все эти люди...это была я? — последние слова прошептала, ощущая себя словно в бреду. Не только из-за того, что показало мне зеркало, но и из-за того, что вела я беседу со своим собственным отражением. Злым отражением. Была ли это я? Не знаю. На какая-то часть моей души радовалась её появлению как радуются старому другу, которого не видел много лет и уже потерял надежду на новую встречу.

— Это говорю не я, — моё отражение склонило голову набок, окинув меня оценивающим взглядом. — Так говорит зеркало.

— Что это за зеркало?

— Оно дает возможность найти то, что ищешь. То, к чему стремишься всей душой. Самые скрытые желания, самые темные уголки сознания.

— Я никого не ищу.

— Ищешь, — не согласилось отражение, выдав холодный смешок. — Ты ищешь себя.

Моё отражение подмигнуло мне черным глазом и растаяло во тьме, затянувшей зеркало. Но голос его, мой голос, продолжал звучать.

— Иди по следам слова. Оно приведет тебя домой.

— Слова? Какого слова? — начала я тревожно топтаться на месте, ничего и никого не видя вокруг.

— В начале было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Бог, — повторил мой голос смутно знакомую фразу. — Что делает бога — богом? Что даёт ему силу? Что принадлежит только ему?

Ответ пришел сам собой.

— Имя.

— Назови имя. Своё имя. Настоящее имя! — требовал от меня мой же голос, но не успела я даже возразить, как из тьмы вынырнула груда мышц в сопровождении грохота, утробного рёва и дыма.

— Дракон, — только и выдохнула я, но мои слова перекрыл женский истошный визг. Визг, который свидетельствовал о том, что кто-то очень крикливый в бешенстве.

Послышался звон разбиваемого зеркала, и я едва успела присесть, как осколки брызнули во все стороны со свистом разрезая воздух. Удар — и земля под ногами содрогнулась. Еще один удар — и с громким хрустом мир начал рассыпаться на куски. После третьего удара в воздух поднялся столб пыли, а после я полетела вниз, вместе с лавиной осыпающихся

камней.

Но падение длилось недолго, даже не начала мелькать перед глазами вся прожитая жизнь. Лишь пронеслась забавная мысль о том, что даже на пути к неизбежному концу можно насладиться полетом. Даже если знаешь, что конец будет ужасающим.

Но пофилософствовать не дали, уже знакомая здоровая рептилья лапа подхватила мою тушку и начался обратный процесс. В смысле, полет продолжился, но теперь летели мы уже вверх. Над головой громко и тяжело хлопали крылья, вокруг все рушилось и крупному дракону едва удавалось уворачиваться от многочисленных каменных обломков. Оказывается, тьма не была так уже непроницаема и призрачна, а имела вполне себе физическую форму.

Увидев, как на меня мчит особенно здоровая каменная глыба, я в испуге зажмурилась, поджав руки и ноги, но дракон вильнул чуть в сторону и убийственный кусок горной породы пролетел мимо, обдав горячим потоком пыли и гари. Судорожный кашель тут же начал раздирать грудь, было трудно дышать и практически невозможно открыть глаза из-за витающего вокруг пепла. Тут и там источали удушливый жар островки огня, разгорающиеся с каждой секундой все сильнее. Что может гореть во тьме, среди камней и пустоты?

Дракон, который вроде как телепат, отвечать на мои мысленные вопросы не спешил. Кажется, был занят выживанием — и моим, и своим. Но зачем тогда залил всё огнем при своем эпичном появлении, если не умеет его тушить, непонятно. Когда что-то за моей спиной подозрительно задымилось, а шею лизнуло пламя, я уже начала терять надежду на спасение. Но вот, еще несколько сделанных с большим трудом взмахов кожистых крыльев, и мы вырвались на свободу.

Свобода несла с собой свежий воздух, наполненный запахом ночного леса, и шумом воды, очень напоминающим водопад. Я все еще продолжала кашлять, отмахиваясь и пытаться стряхнуть огонь со спины, но несмотря на это сразу ощутила облегчение. До того момента, пока меня не уронили.

И уронили преднамеренно.

— Сволочь! — успела прокричать я, прежде, чем нырнуть во вместилище воды, погрузившись в него с головой.

Глаза, рот и уши тут же залило водой. Ничего не видя, не слыша и практически не ориентируясь, я ощутила голыми ступнями ног каменистую поверхность дна и, оттолкнувшись, вынырнула на поверхность.

Тяжело дыша, отплеываясь и мечтая оторвать чешуйчатому хвост, я смахнула с лица остатки жидкости и с изумление осознала реальность. А она была таковой — я болталась, словно портянка, вот только в моем случае, это была не прорубь, а водоем с прозрачной голубоватой водой, над которой стелился густой туман молочно-сизого цвета.

— Эй! Хвостатый! — дрожащим голосом окликнула я и тут же выкашляла с полстакана проглоченной ранее воды. Что-то в последнее время все так и норовили искупать меня хоть в чем-нибудь. — Ты же не бросишь меня здесь, правда?

Ответом мне была тишина. Затаив дыхание, я прислушалась. Еще могла бы и замереть, но в таком случае пошла бы на дно камешком, а так приходилось шевелиться, чтобы удержать голову над водой.

Справа слышался размеренный, чуть приглушенный звук, словно какая-то птица пыталась выдолбить из коры червячка. Неведомому созданию, которого, возможно, и не существовало вовсе вторил звук льющейся воды, раздающийся откуда-то слева. А где-то там, впереди, кто-то разговаривал. Судя по интенсивности диалога их было двое. Скрытые от

меня густым туманом, они о чем-то негромко спорили, явно пытаясь быть по тише. Еще сильнее натужив слух, поняла, что протяжная «rrrrrr» в одном из голосов явно мне знакома.

— Вот же, зараза носатая, — разозлившись, я ударила кулаком по воде, но лишь обрызгала саму себя, вызвав еще большую волну негодования.

Решив, что больше не хочу изображать кувшинку в болоте, пока притащивший меня сюда дракон выясняет явно непростые отношения со своим собеседником, я поплыла на звук беседы.

30.

Плыть оказалось дальше, чем ощущалось на первый взгляд. И чем дольше я гребла, тем темнее и холоднее становилась вода, что невольно наводило на размышления — а не обитает ли в этом водоеме что-нибудь пострашнее меня самой? Например, какое-нибудь местное Лох-Несское чудовище, которое явно не обрадуется вторжению посторонних. Кроме того, в белом тумане очень трудно было ориентироваться. Периодически приходилось останавливаться и прислушиваться, чтобы убедиться в правильности направления движения. В одну из таких остановок, ощущая, как замерзает тело и постепенно покидают силы, я попыталась отдышаться и поняла, что больше не слышу голосов. И сколько бы я ни прислушивалась, никаких звуков больше не было — ни стука, ни льющейся воды, ни разговора. И туман по ощущениям стал гуще, простираясь теперь везде, куда хватало взгляда.

Стало жутко. Очень-очень жутко, потому что я не понимала где я, зачем я здесь, куда подевался дракон и что мне дальше делать? Напомнив себе, что паника никогда не приводит ни к чему хорошему, а тем более, не помогает выжить, я несколько раз глубоко вдохнула-выдохнула и опять поплыла, хотя руки уже слегка подрагивали от перенапряжения, а пальцы ног вообще были как деревянные. Мне необходимо было выбраться на сушу и согреться, а еще катастрофически требовалась еда, требовалась чужая энергия. Остатки запасов уже подошли к концу и держалась я уже скорее на силе воле и упрямстве, прекрасно осознавая той частью себя, которая отвечала за разумные и правильные решения, что долго так продолжаться не сможет. Я либо поем...

Либо умру.

На этом моменте безрадостных размышлений, я оторвала взгляд от воды, в которую напряженно всматривалась, пытаясь быть начеку и в случае угрозы хоть как-то успеть на неё отреагировать, и увидела, как из тумана выступает каменистый обрывистый берег.

Кажется, я еще никогда так не радовалась груде островерхих кусков камней. И погребла к нему, заметно пободрее.

Уже подплыв вплотную, я поняла, что это не берег, это остров посреди...чего-то. Озера? Моря? Океана? Это было не так важно, как то, что с первого взгляда стало очевидно — забраться на сушу будет крайне трудной задачей. Островок был маленьким, вроде как круглым и имел крутые, практически отвесные края, щедро омытые местными водами, а потому имеющими очень скользкую поверхность.

Но выбора не было — либо оставаться в воде, либо карабкаться наверх.

И я начала карабкаться. Несколько раз срывалась и падала обратно в воду, вызывая фонтан брызг и громкое «плюх!». Если в воде кто-то плотоядный и жил, то теперь я уже точно привлекла его внимание.

Потерпев несколько раз подряд неудачу, я решила обплыть остров и попробовать взобраться на него с другой стороны. И примерно на раз на пятый мне все же удалось найти

место, где удалось крепко ухватиться за каменные выступы и, подтянув тело, поставить ступню в выемку, вымытую местными водами в гладком и практически ровном камне. Второй такой выемки больше не имелось, а потому другая нога осталась болтаться в воздухе. Основная нагрузка легла на руки, которые даже в мои самые лучшие тренировочные времена не отличались большой силой. С трудом подняв себя еще выше, я смогла нащупать левой рукой край другого камня и рывком дернула тело вверх, одновременно затягивая часть туловища на остров. И не важно, что острый угол камня ударился мне прямо в печень, я все-таки смогла взобраться на сушу, хоть и чувствуя себя хуже, чем тогда, когда меня подстрелили в перестрелке в здании парламента в Исламабаде. Тогда тоже пострадала печень. И Сашка, несмотря на собственное ранение в руку, смог дотащить меня до машины...

Подтянув ноги, я рухнула на спину и бессмысленно уставилась в пространство. Туман, укутывающий остров, теперь казался еще плотнее, напоминая бело-серое одеяло, которое вот-вот накроет меня с головой, утягивая в мягкий, спокойный сон. Настоящий сон, такой, от которого не хочется просыпаться, который приносит расслабление, где все понятно и ничего не страшно.

Однажды мы пришли в ресторан. Это было закрытое и крайне пафосное заведение, в котором даже пылинки на полу выглядели дорого. Риган здесь чувствовал себя комфортнее, чем в собственной спальне, я же нервно ежилась и постоянно оглядывалась по сторонам.

— Кого это ты все время высматриваешь? — спросил он, когда я в очередной раз не смогла усидеть спокойно, не поднимая глаз от кожаной папки меню.

— Никого, — быстро ответила я, хватаясь за точно такую же папку, которую положили передо мной.

— Тогда почему ты вертишься так, как будто сидишь не на стуле, а на муравейнике? — всё тем же безусловно спокойным тоном спросил Риган. Он всегда был таким на публике — безразлично-отстраненным и холодно-спокойным.

— Я не верчусь, — буркнула я себе под нос, поправляя лиф длинного и крайне неудобного платья с длинными рукавами, но глубоко оголенными плечами, в котором не то, чтобы есть, даже дышать казалось непосильной задачей. Но он любил именно такие наряды на мне. Он называл это чувственной элегантностью и всегда следил за моей осанкой. Если он видел, что сутулюсь, то начинал хмуриться, сводя брови у переносицы. И только я это видела, как тут же выпрямляла спину, едва не сводя лопатки вместе. Не то, чтобы мне хотелось угодить Ригану. На самом деле, единственное, что мне хотелось — это швырнуть ему в лицо соусницу. Просто в памяти навсегда запечатлелся один из его уроков, который он преподавал мне с хлыстом для верховой езды в руке... — Просто...мне здесь не уютно.

— Привыкай, — жестко проронил Риган, жестом подозвав официанта, который тут же стремительной тенью метнулся к нашему столику. — Я буду говядину по-бургундски, а моя спутница — утку конфи.

— Что предпочтете из напитков? — почтительно поклонившись, поинтересовался официант, который по возрасту годился Ригану в отцы.

— Пино-нуар, — соизволил ответить мой спутник и потянулся к винной карте.

— Отличный выбор, — с уловимым восхищением одобрил официант, поправляя бабочку. Кажется, кому-то было трудно дышать.

— Какое вы можете посоветовать? — сухо поинтересовался Риган.

И официант выдал какой-то быстрый пассаж, который мне показался просто набором звуков. Но Риган его понял, кивнул и отдал меню официанту, на которого за все время беседы ни разу не взглянул. С тем же успехом он мог побеседовать со стенкой, если бы она умела принимать заказы и отличать утку конфи от крякающей резиновой уточки.

— Я хотела салат, — негромко произнесла я, едва только мужик с бабочкой удалился. Помимо нас в небольшом зале с чуть прохладным воздухом, приглушенным освещением и негромкой классической музыкой, льющейся словно откуда-то сверху, больше никого не было.

— Салат ты можешь попробовать где угодно, — небрежно отмахнулся от моих слов Риган, расстилая на коленях белоснежную салфетку. — А такой утки, которую готовит здешний шеф-повар ты не сможешь поесть больше нигде.

Вернулся официант с бутылкой в руках. Продемонстрировал этикетку с длинным набором абсолютно не выговариваемых слов, кажется, на французском, он умело откупорил её и разлил красноватую жидкость по бокалам. Оставив бутылку на столе, официант, поклонившись, удалился так же беззвучно, как и прежде.

— Я не буду пить, — отрезала я, когда Риган потянулся к своему бокалу, взглядом указывая мне сделать тоже самое.

— Знаешь, как отличить хороший ресторан от плохого? — взявшись за ножку бокала, Риган покачал изящным хрустальным сосудом, наблюдая за тем, как внутри напиток преломляется свет. — В хорошем тебе обязательно предложат качественный Пино-нуар.

— Как же я раньше-то жила без этой информации? — задалась я риторическим вопросом.

— Не дерзи, — с мимолетной улыбкой одернул меня Риган.

— Почему оно такое бледное и водянистое? — проворчала я в ответ, рассматривая бокал, который в руках Ригана казался очень хрупким и беззащитным. Я знала, стоит ему покрепче сжать — и бокал осыплется вниз крошкой.

— Истинный Пино-нуар или Пино Черный, как его иногда называют, никогда не бывает густым и насыщенным, — с видом знатока ответил Риган, явно наслаждаясь этим моментом. — Пино нуар должно быть таким, чтобы через наполненный бокал можно было читать книгу.

— Увлекательное, наверное, занятие, — вновь проснулась моя язвительность. На самом деле, хотелось на просто язвить. Хотелось орать, бить посуду и рвать скатерти, медленно, но неуклонно превращаясь в последователя святой инквизиции и их главного правила — жечь.

— Пино-нуар сочетается практически с любой едой, но лучше всего — с французской кухней. Это классика, а классика всегда хороша и никогда не выходит из моды. Вкус Пино Черного деликатный, чуть сладковатый, но ровно настолько, чтобы раздражить, пробудить аппетит, заставить желать большего. В этом оно мне напоминает тебя.

И он бросил на меня испытывающий взгляд.

— Как приятно, — откинулась я на спинку стула, с раздражением бросая салфетку на стол. — Меня сравнивают с забродившим виноградным соком. Слишком банально, тебе не кажется?

Риган негромко рассмеялся, на самом деле, это был такой интимный смех, что слышать его хотелось бы исключительно в постели с любимым человеком.

— У качественного, выдержанного Пино имеется своя особенная изящная композиция и выразительный характер. При этом в напитке могут присутствовать шершавые нотки, это

танины, которые со временем становятся более мягкими, сглаживаясь. Пино присуща заметная кислотность, но сладость балансирует её, создавая гармоничный дуэт.

Риган говорил о вине, а звучало так, словно он рассказывал о любимой женщине.

— Производить Пино — не просто. Это очень капризный сорт винограда, который требует от создателя много внимания и заботы. Он прихотлив к погодным условиям, составу почвы и даже к качеству воды. Но награда того стоит. Пино — это тонкость, сложность, аристократизм и снобизм.

— Из нас двоих такая характеристика подходит только тебе, — заявила я. — Особенно пункт про снобизм.

Риган хотел что-то ответить, но лишь раскрыл рот и тут же многозначительно улыбнулся. Сперва я не поняла, в чем дело, но вскоре из темноты вынырнул официант с нашими блюдами, и мы приступили к еде. Надо сказать, утка была хороша, но я старательно делала вид, что ем только потому, что выхода мне не оставили. Ели мы молча, Риган терпеть не мог болтать за столом. Он еще много чего терпеть не мог и иногда я намеренно нарушала заведенные им правила, просто ради того, чтобы полюбоваться, как на дне его чернеющих глаз зарождается злость. Да, его злость меня радовала. На самом деле, меня радовало все, что доставляло ему неудобство. Даже дождь. Да, слякоть он тоже не любил.

— Я часто сюда прихожу, — под конец трапезы заметил Риган, нарушая установившуюся тишину.

— Ужасно скучное место, — тут же отреагировала я, отодвигая от себя почти пустую тарелку. — Кого надо убить, чтобы никогда сюда не возвращаться?

Риган никак не отреагировал на мой выпад. Только глаз немного дернулся.

— Я прихожу ради неё, — и он кивком головы указал куда-то мне за спину.

Я тут же развернулась, даже не успев задуматься.

31.

В зал вошла девушка, очень высокая и очень стройная. Длинным ногами она ступала легко и грациозно, словно танцует. В такт её шагам раздавался стук каблуков. Блестящие светлые волосы цвета спелой пшеницы крупными кольцами были переброшены через одно плечо. Длинную тонкую шею подчеркивало лаконичное украшение из белого золота, которое удачно гармонировало с брючным костюмом глубокого бордового цвета. Лицо девушки тоже выделялось своей природной привлекательностью, его даже не портили крупноватый рот и глаза чуть на выкате. Они придавали ей какую-то изюминку, словно девушка постоянно чему-то удивляется.

— Интересная особа, — прокомментировала я, когда девушка подошла к столику в самом дальнем углу, присев на любезно отодвинутый подоспевшим официантом стул. — Твоя любовь?

— Нет, — безмятежно рассмеялся Риган, поднося бокал к губам и делая глоток. — Она не числится в списке моих предпочтений и вряд ли когда-нибудь в него попадет.

— Тогда я вообще уже ничего не понимаю, — сквозь сцепленные зубы проскрипела я и потянулась к стакану с водой. Вино принципиально игнорировала.

— Она — ветала, — невозмутимо произнес Риган, допивая вино и отставляя бокал. Тихому появлению официанта я уже не удивлялась, но все еще ощущала себя очень беспокойно. Не нравилось мне, когда где-то поблизости находился человек, не только наблюдающий за мной, но еще и способный словно вырастать из пола.

— Дух, вселяющийся в трупы? — переспросила я, как только человек в бабочке заново наполнил бокал Ригана и покинул нас. — Разве это не выдумка, родом из индийской мифологии?

— Нет, — дернул уголок губ мой спутник. — Выдумка — это то, что ты сейчас озвучила. А ветапы — вполне себе реальны. Вот только они не вселяются в трупы, они ими питаются.

Я медленно оглянулась назад, пронаблюдала за тем, как девушка, которой практически молниеносно принесли заказ, накладывает на поджаренную до золотистого цвета гренку тартар, известный тем, что готовится из сырой говядины, и меня замутило от отвращения.

— Дрянь какая, — выдавила из себя я, передергивая плечами.

— Ты про салат или про гастрономические пристрастия ветапы? — поинтересовался Риган, пристально наблюдая за моим лицом.

— Про всё, — невразумительно взмахнула я руками, очерчивая в воздухе что-то вроде круга. — В общем, про ситуацию.

— Ты должна её убить, — вдруг заявил Риган.

— Что? — едва не заорала я, подпрыгивая на пятой точке похлеще, чем кенгуру на лапах. Но тут же понизила тон до едва различимого шепота и злобно переспросила: — В твою говядину что, мухоморов крошили?

— Понимаешь, — начал Риган спокойно, не принимая во внимание мой эмоциональный взрыв. — Веталам физически необходимо регулярно поедать человеческое мясо. Без него они не выживут. Но если в давние времена охота для них не составляла проблем, то сейчас все по-другому. Утащишь какого-нибудь припозднившегося товарища в свою нору, но не успеешь первую косточку обглодать, как родственники тут же примутся его искать. Или коллеги, или друзья, или просто слишком бдительные соседи, обратившие внимание на неостребованную почту или орущего от голода кота из квартиры напротив. На диете из бомжей тоже долго не просидишь, к тому же, из-за скудного питания их мясо имеет стойкий привкус желчи.

— Можно подумать, трупы вкуснее, — фыркнула я и на всякий случай проверила, сидит ли ветапы еще за столиком или уже доедает в уголку официанта.

— Свежие, скорее всего, да, — предположил Риган, которого тема людоедства не смущала ни на каплю. Его вообще мало, что смущало в этой жизни. — А вот по поводу уже приступивших к разложению ничего не могу сказать, не имеют такой информации.

— Зачем её убивать? — напряженно спросила я, комкая в кулаке салфетку. — Если она ест только трупы, то пусть себе живет.

— В том-то и дело, что она теперь пожирает не только тела умерших людей, но и тех, кто до встречи с ней был вполне себе живым, — пояснил Риган, но как-то очень запутанно.

— Она нападет на людей? — дошло до меня через пару минут.

— Это именно то, что я сказал, — кивнул Риган.

— Что, на местном кладбище трупы закончились? — скривилась я и выпила еще водички, которая все равно не помогала. Недавно съеденная утка стремилась выпорхнуть на волю.

— Нет, у неё прогрессирующая шизофрения, — и он уставился на меня так, словно в том, что случилось с девушкой была виновата я.

— Что? — отреагировала я на этот обвиняющий взор. — Я здесь ни при чем!

— Естественно, — вздохнул Риган. — Ты ведь не ведьма.

— Ведьма..., - повторила я в слух и, наконец, догадалась. — Её прокляла ведьма?

— Молодец, сообразительная, — похвалил меня Риган и, не знаю, почему, но на душе посветлело. — Но не ведьма, а шаманка. Её прокляла одна старая, как экскременты мамонта, деревенская шаманка. Не знаю, что они там не поделили, но суть заключается в следующем — ветала медленно сходит с ума. И чем сильнее прогрессирует заболевание, тем меньше она себя контролирует. Очень скоро по улицам этого города будет бродить неконтролируемая людоедка, чей голод невозможно утолить.

— Разве так бывает? — засомневалась я. — Разве такие, как мы способны болеть такими человеческими заболеваниями, как шизофрения?

— Даже монстры иногда сходят с ума, — безучастно пожал плечами Риган.

— У меня два вопроса, — подалась я вперед, вдыхая аромат его одеколona. — Первый: откуда ты знаешь, что она больна? Второй: даже если она больна, какое тебе до этого дела? За то время, что мы знакомы, я не заметила в тебе особого человеколюбия!

— Посмотри на неё, — то ли попросил, то ли приказал он мне.

Я чуть-чуть передвинула стул вправо и повернула голову так, чтобы наблюдать за девушкой и при этом не выглядеть, как начинающий маньяк, потому что в зале появились еще люди.

— И что с ней не так? — не поняла я.

— Следи за руками, — подсказал Риган.

И я начала следить. Через пару минут стало очевидно, что с девушкой действительно что-то не так. Тонкие, подобно молодым веточкам, руки периодически вздрагивали, причем, как-то очень необычно, словно кто-то невидимый сзади дергал её за локоть. В такие моменты девушка недовольно и чуть сконфуженно морщилась, сжимая пальцами столовые приборы еще сильнее, так, что аж вздувались вены на тыльной стороне ладони. Так же, отчетливо неконтролируемо, дергалась и её голова.

— У неё двигательные нарушения, — по итогу наблюдения заявила я. — Но такое свойственно не только шизофрении, но и заболеваниям центральной нервной системы.

— Я с ней разговаривал, — несогласно покачал головой Риган.

— Дай угадаю, — зло заухмылялась я. — Беседа состоялась в постели?

— Нет, на ипподроме, — в тон мне ответил он.

— А есть разница? — неразборчиво проворчала я.

— Она сказала, что со временем начала видеть предметы, как бы, в разобранном состоянии. Её мозг так воспринимает реальность — по частям. И чтобы осознать суть предмета, ей необходимо мысленно собрать его заново. Например, глядя на часы она видит каждую цифру и каждую стрелку отдельно. Знаешь, побеседовав с ней я понял, что люди сходят с ума потому, что со временем окружающий мир становится слишком сложным для них.

— Ценная философская мысль, — язвительно произнесла я. — Запиши, а то забудешь и лишив потомков своей мудрости.

— Вскоре она отправится в туалет, — вновь проигнорировал мое ехидство Риган, что лишь разозлило меня еще сильнее. — Ты отправишься за ней.

— Хочешь, чтобы я грохнула незнакомую девицу в сортире? — ядовито ощерилась я. — Это тебе винишко в голову ударило? Я не буду никого убивать, понял? И вообще, если она тебе мешает, сам с ней разберись.

— Она меня не волнует, — медленно и вкрадчиво проговорил Риган. А потом

повторилось то, что он уже проворачивал со мной раньше.

На голову словно накинута тяжелое удушающее покрывало. Разум, осознанная часть меня, тут же была засунута в пыльный темный ящик, а на передний план выступила установка — убить. Все мои инстинкты обострились до предела, что остро ощущалось буквально на физическом уровне. Тело подобралось, мышцы напряглись, сухожилия натянулись, а зрение стало туннельным, сузившись до одной единственной светлой точки по середине. И сквозь эту точку я увидела, как высокая стройная фигурка поднялась и направилась куда-то вглубь зала, туда, где темнота сгущалась, а музыка — наоборот, становилась громче. Я знала это, потому что отправилась за ней.

32.

Я шла, аккуратно ступая и не сводя взгляда с узкой спины, при этом одновременно наблюдая за всем происходящим как бы со стороны. Словно мой мозг разделился на две части, первая часть хотела убить и шла к своей цели. Вторая находилась в странном состоянии протрации, превратившись в безвольного зрителя.

Вот, мы вдвоем зашли в туалетную комнату. Темно-серый потолок и такие же стены, чья блестящая поверхность отражала холодный белый свет, льющийся из замысловатой лампы, создавая впечатление, будто мы находимся не в дамской комнате, а на сцене, под лучами ослепляющих софитов. Большое зеркало, украшавшее стену перед белыми чашами раковин отразило двух подошедших к ним девушек. С другой стороны расположились три туалетные кабинки, оформленные в черном цвете и с дверцами, украшенными крупными ярко-красными маками. Помыв руки, девушка, которая, казалось, была глубоко погружена в собственные мысли и не замечала ничего вокруг, сделала шаг к кабинке.

И тут я напала, используя в качестве орудия столовый нож, которым резала утку и прихватила с собой в туалет, спрятав в складках платья. Нож был совершенно тупым, но это было не так важно. Главное — ударить с достаточной силой и точно попасть в цель. Но едва я только занесла руку, как встала среагировала. Быстро, стремительно и сильно. Ударив меня раскрытой ладонью в грудь, она отшвырнула моё тело назад. Оно пролетело над полом меньше метра и с грохотом врезалось в зеркало. На пол посыпались осколки, а вместе с ними и я. Распластавшись на полу, с трудом собрала конечности в кучу и поднялась на карачки, бестолково трясая головой.

— Ты кто такая, а? — сладким голосом проговорила встала мне на ухо, забрызгивая кожу слюной. И там, где она попадала начинало что-то мерзко пузыриться и печь.

— Почитательница ваших талантов, — с трудом проговорила я, потому что общаться, когда тебя схватили за волосы и задрали голову высоко назад, очень трудно.

Встала склонилась к моей незащитной в этот момент шее и обнюхала её. Скосив глаза вниз, я успела заметить, как из её рта пару раз высунулся длинный тонкий змеиный язык.

— Каких еще талантов? — с протяжным шипящим звуком спросила встала поднимая на меня глаза, которые уже не выглядели человеческими. Потому что у людей не бывает ядовито-зеленых глаз без малейшего намека на белок с черным вертикальным прочерком по середине. Ломанным, словно трещина в асфальте.

— У вас отличный удар, — натянуто улыбнулась я, все еще находясь в положении неправильной дуги. — Не хотите записаться в нашу команду? У нас как раз идет набор!

— Какую команду? — слегка растерялась встала и тут распахнулась дверь и в дамское помещение широкой походкой вошел Риган. — Какой набор?

— Набор в женский кёрлинг! — заявила я и вонзила в шею отвлѣкшейся вetalы серебрянный нож по самую рукоятку.

На белую блузку закапала кровь, но не красная, а черная, стремительно растекающаяся по коже сереющей вetalы и одновременно с жутким шипением разъедающая ткань одежды. Глазки вetalы закатились куда-то под череп, раздвоенный язык последний раз мелькнул между иссыхающих губ и вetalа рухнула на пол, на наших глазах преобразовываясь из антропоморфного создания в нечто, похожее на египетскую мумию. Только без бесконечных бинтов.

— Интересно, — задумчиво протянул Риган, рассматривая почившую с видом научного исследователя.

— Даже знать не хочу, что тебе интересно, — рывкнула я и, неловко поднявшись, направилась отмывать руки и промывать раны. Было противно. Очень-очень противно. На самом деле, хотелось залезть под душ и основательно потереть все тело жесткой щеткой, чтобы аж до красноты.

— До её удара ты находилась под моим контролем, но физическая боль и резкий всплеск адреналина вернул тебе власть над телом и сознанием, — отметил Риган. Я подняла голову и наши встретились в зеркале.

— Боль, говоришь? — хмыкнула я, чувствуя, как на тихих лапах подкрадывается истерика. И видимо, что-то такое отразилось на моем лице, что Риган скинул с плеч свой пиджак, укутал меня в него и подтолкнул к двери.

— Нам пора уходить.

— А она? — я оглянулась на то, что осталось от вetalы — скелет, обтянутый похожей на пергамент кожей, который к тому же какой-то шутник решил приодеть в дорогой деловой наряд.

— Её уберут, — равнодушно бросил Риган. — Ты же не думала, что это обычный ресторан, правда?

И мы ушли.

Уже сидя в машине, мчащейся по опустевшему в виду позднего вечера, а вернее, практически уже ночи, шоссе в сторону дома, Риган, не стесняясь водителя, проговорил:

— Я видел.

Я молчала, провожая глазами мелькающие за окном далекие огни чужого города, погрузившегося в ночь. Мне по-прежнему было непонятно, где именно мы находились и в какой конкретно географической точке я застряла в данный момент бытия. Ясно было только одно — страну мы не покидали, потому что те немногочисленные люди, с которыми мне позволял встретиться Риган, говорили на понятно мне языке. А вот в отношении самого парня у меня имелись сомнения. Он говорил очень правильно, точно и конкретно формулируя предложения, но иногда в его речи проскальзывали непривычные для моего уха словечки и слышался едва уловимый акцент. Такой появляется у тех, кто длительный срок находился за границей, но при этом не настолько долго, чтобы забыть родной язык.

— В тот момент, когда вetalа ударила и ты врезалась в зеркало, на долю секунды, прежде, чем оборвать выстроенную мной связь, ты перестала сопротивляться, и я получил возможность заглянуть в твою голову. Увлекательное, надо сказать, было путешествие.

— Рада, что мне удалось тебя порадовать, — небрежно ответила я, не скрывая, насколько мне все равно, что он там бубнит себе под нос.

— Удивительно, как много можно узнать о человеке, когда нет необходимости

пробираться сквозь притворство и обман. Хотя, надо отдать тебе должное, в этом тебе нет равных.

Я раздраженно вздохнула.

— Ты сейчас, вообще, о чем глаголешь?

- О том, что ты великолепный лжец. Тебе поразительным образом удается обманывать саму себя. Не первый год и даже не первую жизнь.

— Может, тебе завязать с винишком? — предложила я, прислоняяс лбом к холодному стеклу. — У тебя начинают появляться болезненные фантазии.

— Внутри тебя тьма и хаос, — вдруг настолько посерьезневшим тоном произнес Риган, что я тут же отлепила лицо от окна и повернулась к нему. — И они с тобой уже давно. Твоя душа так стара, как будто, ты прожила больше жизней, чем это было возможно. Чем твоя душа могла бы выдержать.

— Я не верю в перерождение, — и сложила руки на груди, ощутив себя крайне неудобно, что вдобавок к прогрессирующей слабости делало меня уязвимой. И мне это не нравилось. Мне не нравилось быть слабой, а рядом с ним эта слабость словно усиливалась. Как если бы он тянул из меня жизненные силы, хотя из нас двоих суккубом, то есть, существом, способным на это, вроде как была я. — Как не верю в переселение душ и прочую полусказочную, полурелигиозную ерунду.

— А зря, — с расслабленной улыбкой изрек Риган. — Перерождение в той или иной форме упоминается в культуре практически каждого народа.

— У людей, — поправила я. — И тем хуже для них.

— Почему? — вздернул черные брови Риган.

— Разве это не очевидно? Больше живешь, больше мучаешься, — буркнула я.

— А что, если это правда? — подался ко мне Риган со странным огнем в глазах. — Что, если каждый из нас здесь не впервые? И что, если в каждой следующей жизни мы встречаемся с теми же людьми, которых знали в прошлой? Просто...мы их не помним.

— В таком случае, — я демонстративно отклонилась назад, вновь увеличивая расстояние между нами. — Теория реинкарнации вообще не имеет никакого смысла.

— Знаешь, — вновь расслабленно откидываясь на спину и чуть прикрывая веки начал Риган. — В буддизме есть концепция шести миров или шести реальностей. Их также называют шестью уровнями, между которыми может перемещаться человеческая душа, перерождаясь снова и снова. Если верить буддистам, существует мир дэвов — богов, мир асуров — демонов, мир людей, мир животных, мир претов — голодных духов, мир нараков — мир адских существ. Проще говоря, преисподняя. Эти шесть миров рассматриваются не только, как места, куда попадают люди после смерти, но и как состояние сознания, состояние души. И одним из главных тезисов в буддизме является утверждение, что получить перерождение не легко. Если отвлечься от присущей каждой человеческой религии идею самозабвенного самоотречения и самоограничения, истинная суть которой — управлять и направлять, то мы можем предположить, что смерть — это ключ. Ключ от той двери, которая открывает тебе путь дальше. Таким образом, чтобы перейти из одного мира в другой — надо умереть.

И он многозначительно уставился на меня.

— Очаровательная концепция, — кивнула я. — Мне следует увидеть во всем этом какую-то логику?

— Возможно, — усмехнулся Риган как-то зло и подозрительно. — А еще возможно,

тебе следует побеседовать на тему перерождений с твоим другом.

— Каким таким другом? — выгнула я бровь.

— А у тебя много друзей? — повторил за мной он.

— Вообще ни одного, — хмыкнула я. — Я не способна поддерживать стабильные отношения с людьми.

— Ты в курсе, что это — признак психического отклонения, — глубокомысленно вынес вердикт Риган.

— А ты кто такой, чтобы мне диагнозы ставить? — тут же обозлилась я.

Он глубоко вдохнул и покачал головой, как если бы его вдруг расстроил нерадивый ребенок.

— Говоря о друге, я имел ввиду блондина, который постоянно околачивался рядом с тобой, — вдруг совершенно нормальным тоном, без нагнетания и снисходительности, промолвил Риган.

— Сашка, что ли? — недоуменно моргнула я. — А при чем тут он?

— Потому что он в этой теме разбирается больше, чем я и даже больше, чем ты, — хохотнул парень, но как-то невесело.

— Ты что, физически не способен выражаться внятно? — вспылила я. — У тебя что, несварение от этого?

И уже после того, как эмоции выплеснулись наружу, до меня начало медленно доходить.

— А откуда ты знаешь про Сашку?

— Долго же ты соображаешь, — хищно оскалился парень, что в тесном и темном салоне автомобиля произвело впечатляющий эффект. А когда на его лицо упал свет от промчавшейся по встречной полосе машины, я едва не завопила, зажав рот обеими руками. Потому что его глаза на мгновение стали похожими на змеиные — вертикальный ярко-желтый зрачок в окружении алой радужки, полностью заполнившей глаза. Они были чем-то похожи на глаза вetalы, вот только её взгляд был мертвым, бессмысленным. Его же глаза пылали...злостью. Той злостью, которая не мимолетна, а возвращена годами, свято лелеема десятилетиями, потому что именно на этой эмоции, только на ней, некоторые и держатся. Она как спасательный круг, как тонкая ниточка, за которую ты хватаешься в последней попытке выжить и не сойти с ума.

33.

— О Боги..., - только и смогла простонать я, убирая пальцы от губ. — Как?...Кто?Кто ты?

— Приехали, — негромко прервал наш разговор водитель, которому кажется было все равно, что происходит у него в машине. Даже удивительно как-то, насколько спокойным и незаинтересованным оставался парень в черном классическом костюме на протяжении всей поездки.

— Завтра жду тебя в десять утра, — распорядился Риган и вышел, чтобы обойти машины и распахнуть дверь с моей стороны, галантно протянув руку.

Я вылезла самостоятельно и совсем не элегантно, локтем оттолкнула его руку и громко топая направилась к высоким воротам из кованых прутьев, которые приветливо распахнулись едва только подъехала машина.

Шаги Ригана я не слышала, но была уверена, что он за моей спиной.

Быстро взбежала по ступенькам парадного входа, ощутила, как прошла через практически невидимый глазу магический барьер, установленный против незваных гостей, пнула тувлей дверь и вошла в круглый блестящий холл все того же дома, в котором как-то по утру пришла в себя.

Риган заговорил, когда я поднималась по ступенькам, достигнув уже середины лестницы.

— Завтра к десяти будь готова, — оповестил он.

— Готова к чему? — спросила я, останавливаясь, но не оборачиваясь.

— Мы улетаем, — заявил Риган.

Я сжала виски, на мгновение прикрывая глаза, а после выпалила:

— Ты можешь улететь куда угодно, хоть к дьяволу в гости, а я остаюсь здесь!

Я скорее ощутила, чем услышала его приближение. Оно было быстрым, резким, преисполненным силы и эмоций. Темных эмоций.

— Кто тебе сказал, что ты имеешь право что-то решать? — прошептал голос позади меня, надо мной, вокруг меня. — Все еще ждешь, надеешься, что за тобой придут твои... как ты их называешь? Коллеги? Соратники? Товарищи?

— Напарник, — процедила я сквозь зубы, ощущая, как на меня что-то давит. Что-то невидимое, что-то могущественное и неуловимое, недоступное ни одному из сенсорных чувств. Это было странное ощущение, как будто на меня давит сам воздух, который вдруг возжелал моей смерти и, уплотнившись, стиснул в объятиях так крепко, что разом заныли все мышцы и затрещали все кости. — За мной придет мой напарник.

- Ты еще не поняла? — зло расхохотался Риган, чье вторжение в мой разум я успела засечь, а вот остановить уже не смогла. — Ты будешь делать все, что я скажу — по доброй воле или нет. И никто не придет. Потому что... потому что некому приходить. Некому тебя спасать.

Я набрала полную грудь воздуха и медленно, ощущая, как туго натягиваются словно струны мышцы, развернулась, хотя в этот момент это было больно. Все было больно. Больно дышать, больно шевелиться, даже больно думать.

— Расскажи, — потребовала я и из глаз покатались слезы. Это был первый раз, когда я плакала за долгий момент.

Мы стояли друг напротив друга, глядя в глаза неотрывно и практически не моргая. В его стояла тьма. Настоящая. Не просто игра слов или света, или воображения. Тьма, которая стремилась делать больно. И делала. Мои глаза заливало слезами, которые прокладывая мокрые дорожки, стекали к подбородку.

Он подняла руку, смахнул одну из слезинок и, ухватив меня за подбородок, проговорил прямо в губы:

— Пообещай улететь со мной. Пообещай, что останешься со мной навсегда. Пообещай, что попытаешься принять меня. И все тебе расскажу. Все, что ты захочешь узнать.

— Обещаю, — практически беззвучно проговорила я и закричала от боли, будто сжигающей все изнутри.

Я кричала на пределе возможностей, на пределе легких, ощущая, как плавится каждая частичка моего тела. А потом я вспыхнула, так сильно и так ярко, как если бы меня облили бензином. И я горела, полыхая кроваво-алым огнем, огнем ярости, и ненависти, и страха, и боли, и всего того, что способно испытать сердце, оказавшись на той тонкой грани, переступив которую ты погружаешься в чистейшее безумие, из которого выхода уже не

найти.

Что случилось дальше — я не знаю, кажется, мозг просто отключился. Но в какой-то момент пришло осознание — боли больше нет. И страха нет. И ярости. Ничего нет. Лишь пустота. И тишина.

— Тебе лучше? — прозвучал голос Ригана и лицо обдало порывом ветра, спровоцированного его движением.

Я поняла, что лежу на спине, на чем-то очень твердом и холодном. Открыла веки, проморгалась от бледно-серой мути и первое, что увидела — голые мужские ступни.

Проследовала глазами вверх и...

— Твою же мать, — голосом престарелого матроса, двадцать лет кутившего “Ватру” без фильтра, выругалась я. — Ты бы оделся, а?

— Тебя что-то смущает? — словно невзначай поинтересовался Риган, упирая руки в боки. Голые боки!

— Твои обнаженные прелести меня смущают! — заорала я, отворачиваясь и отползая в сторону, потому что встать сил не было. Я словно пробежала пятьдесят километров без остановки. — Почему ты голый?!

— Ты так забавно возмущаешься, — продолжал радоваться непонятно чему Риган, но послушался, сдернул с ближайшего кресла большое полотенце и обвязал им бедра. — Напоминаешь маленького ворчливого котенка.

— Сам ты ворчливый, — на автомате огрызнулась я, обхватывая себя руками, чувствуя, что замерзаю. Но едва только стоило оторвать взгляд от волосатых лодыжек и посмотреть на себя, как я заорала еще громче, чем прежде: — А почему я голая?!

— Впервые вижу такого стеснительного суккуба, — хмыкнул Риган и швырнул мне халат, который на поверку оказался мужским и очень большим. Но я капризничать не стала и поспешила завернуться в теплую пушистую ткань. — Твоя жизнь — это секс с молодыми сильными мужчинами. Как ты умудрилась остаться такой стеснительной?

— Потому что в большинстве случаев мне удавалось этого избегать, — честно ответила я, поднимаясь, держась за ножку стола. — Почему я лежала на полу? И почему мы в гостиной? И что вообще произошло?

- Сколько вопросов, — покачал головой Риган и жестом предложил мне сесть в кресло перед разожжённым камином. Я вредничать не стала, а покорно прошлепала к креслу и буквально рухнула в объятия мягких подушек, протянув странно-холодные руки к огню, весело потрескивающему на парочке поленьев, наполняя помещение приятным древесным ароматом.

Взяв со столика бутылку из темного стекла, Риган наполнил рубиновой жидкостью пару пузатеньких бокалов и передал один мне, усаживаясь в соседнее кресло с наслаждением вытягивая длинные мускулистые ноги.

— Знаю, ты не любишь алкоголь, но тебе стоит выпить. Красное вино отлично восстанавливает силы, — и Риган последовал собственному совету.

Я осторожно пригубила вино. Сладковатое, чуть вязкое, достаточно густое.

— Вкусно, — оценила я.

— Рад, что тебе понравилось, — неожиданно тепло улыбнулся Риган и эта улыбка буквально осветила его лицо, смягчая жесткие властные черты и делая его похожим на... человека. Странно и непривычно было думать о нем в таком ключе.

— Хочешь узнать, что произошло? — спросил Риган и это был первый раз, когда он

интересовался моими желаниями. На самом деле, никто раньше этого не делал.

— Хочу, — уверенно кивнула я.

— Ты вспыхнула, — глядя на огонь, ответил Риган. — Думаю, это стало результатом сильных эмоций. Удивительно, но это быстро случилось. И еще более удивительно, что неполноценный маг огня владеет таким уровнем силы.

— Сам ты неполноценный, — буркнула я, обидевшись.

— Я не в этом смысле, — снисходительно улыбнулся Риган и продолжил свою мысль: — Ты знаешь, что полукровки чаще всего получают способности только одного из родителей?

Я пожала плечами с самым равнодушным видом.

— Что-то такое я где-то слышала, но не придавала особого значения.

— А зря, — с многозначительным видом поднял он палец вверх. — В твоём случае, это очень важно.

— Почему? — нахмурилась я, все еще ощущая блуждающую по телу боль и слабость.

— Ну, вот смотри, — начал Риган, устраиваясь поудобнее с видом профессора, приготовившегося читать лекцию внимающим каждому его слову студентам. — В парах, принадлежащих к разным видам, дети наследуют способности того родителя, чьи гены с биологической точки зрения являются доминантными. Ты являешься одновременно и суккубом, и элементом. Отсюда мы делаем вывод, что твоя мать была суккубом, а отец — магом огня. По идее, ты должна была родиться исключительно со способностями суккуба, потому как у них всегда рождаются только девочки, которые полностью наследуют особенности своих матерей. Но ты еще и владеешь магией огня, которая также является доминантной, что в комплексе нарушает всю сложившуюся систему!

— И что все это значит? — без особо интереса спросила я.

Риган, который буквально загорелся темой моих ближайших родственных связей, продолжил:

— Подобное твоему явление могло произойти только в одном случае — твой отец был настолько сильным магически, что сумел передать тебе свою магию огня, потеснив гены суккуба. У суккубов самой природой заложена функция создания идентичного самим себе потомства. Нужно быть очень могущественным, чтобы пересилить саму природу.

— Идентичного? — уцепилась я за это слово. — Ты что, хочешь сказать, что...

— ...ты — копия своей матери? — догадался Риган. — Нет, вернее — не совсем. Физически, то есть, по внешним параметрам, вы наверняка отличаетесь. А вот магически — да, вы как сестры близнецы. И мне кажется, что я уже где-то сталкивался с подобной тебе. Потому что вкус у тебя...очень знакомый.

— Что значит — вкус? — холодно спросила я. — Ты что, уже успел от меня кусок оттяпать?

— Не в буквально смысле, — поиграл пальцами в воздухе Риган. — Но вкус твоей силы...просто восхитителен! И постоянно кажется мне знакомым. Знаешь, это как дежавю... давно забытое воспоминание...

— Ты бредишь, — категорично подвела я итог и решительно поднялась, но... тут же согнулась пополам от боли.

Застонав сквозь зубы, я вцепилась в живот, который словно пронзило раскаленным мечом.

— Тебе надо быть осторожнее, — проговорил Риган совсем рядом. И, наверное, я бы

как-нибудь отреагировала — заехала ему локтем в ухо или ударила пяткой по голени, но мне было слишком плохо, чтобы воплощать свои мечты в реальность.

Приятно-теплые руки легли на мою талию и мягко, но неуклонно вернули обратно в кресло, где я едва не скуля, как побитые щенок, свернулась калачиком.

— Знаешь, если вдуматься, меня можно назвать коллекционером, — негромко заметил Риган, пока я, крепко зажмурившись, убаюкивала свою боль. — Мне всегда нравились редкие, необычные, порой даже откровенно странные вещи. То, что другим казалось сломанным, испорченным, заведомо порочным мне казалось увлекательно-таинственным, влекущим, очаровывающим. Обладающим какой-то своей особенной логикой. И больше всего на свете я люблю обладать подобными экземплярами, прятать их в дальний потаенный уголок и наслаждаться мыслью, что это моё, только моё. Рассматривать, изучать, пробовать, растягивая наслаждение.

— Ты — псих, — простонала я, не выдержав.

34.

Но Риган понял меня как-то очень по-своему:

— Да, точно! Ты права! Это как с маньяками-психопатами! Одни их боятся до дрожи в коленках, а другие увлечены попыткой понять, как устроен их мозг, как они думаю, какая цепочка выводов подводит их к решению начать убивать людей...как они воспринимают этот мир? И как они воспринимают себя в этом мире?

Решив, что вопрос чисто риторический, я его проигнорировала.

— Это немного не то, что я имела ввиду, — проронила я, вдруг осознав, что разговор помогает отвлечься, заглушить боль, делая её практически терпимой.

— Но согласись, аналогия интересная, — рассмеялся Риган. — Как и ты.

Я приоткрыла веки как раз в тот момент, когда он с блуждающей по лицу чуть безумной улыбкой, которая его самого делала очень похожим на серийного маньяка, подносил бокал к губам.

— Значит, я тоже редкая вещь, — горько усмехнулась я.

— Это не так уж печально, как тебе сейчас кажется, — Риган отставил бокал и достал из подставки кочергу, чтобы поправить поленья в камине. — По крайней мере, твоя судьба была бы куда хуже, если бы ты осталась в команде Хасана.

— Откуда такая убежденность? — спросила я, тяжело сглотнув. Во рту стояла горечь. То ли от физической боли, то ли от той, которая терзала сердце.

— Скажем так, у нас с ним общие информаторы, — размыто ответил Риган, сидя на корточках перед камином ко мне спиной. — Но я плачу больше. И недавно мне сообщили, он намерен получить тебя обратно.

Я аж приподнялась на локтях, настолько меня ошарашило услышанное.

— Ощущаю себе переходящим знаменем, — медленно проговорила я, а сердце забилося быстро-быстро.

— Перестань, — оглянулся на меня Риган, в его глазах отразился блеск огня и что-то мистическое почудилось мне в его насмешливой полуулыбке. — Он все равно тебя не получит. Просто он пока этого не знает. Как не знает и того, с кем связался. Поэтому можешь даже не надеяться на возвращение к нему.

— Я не надеюсь на возвращение к нему. Я надеюсь на избавление от тебя, — честно, что потрясло даже меня саму, ответила я.

— И вновь, — Риган легко выпрямился, шагнул назад и изящно, подогнув одну ногу под другую, присел обратно в кресло. — Ты вновь ошибаешься.

— В чем же? — сделав усилие, я приподнялась, выпрямляясь и садясь ровно, но все еще прижимая колени к груди.

— Такие как ты всегда должны кому-то принадлежать, — Риган чуть устало опустил веки, наблюдая за огнем. — Редкие экспонаты слишком ценны, а потому ими всегда будет кто-то владеть.

— По крайней мере, Хасан не воспринимает меня как вещь, — рыкнула я с ненавистью глядя на практически идеальный профиль, хоть сейчас памятник ваяй. — А для тебя я — всего лишь какой-то трофей, который хочется на полку поставить и пыль каждый день стряхивать.

— Нет, тебя хочется не на полку, тебя хочется в постель, — произнес Риган и посмотрел на меня так, что я тут же залилась краской буквально с головы до ног. Это был взгляд взрослого опытного мужчины, которые знает, чего хочет и как получить то, что он хочет.

— Не смотри на меня так, — одернула его я, и отвернулась, занавесив лицо волосами. В груди вновь стало горячо, но на этот раз это был не испепеляющий все огонь, а согревающий.

— Посмотри на меня, — неожиданно повелел Риган и в тишине комнаты этот приказ не просто прозвучал, он прогремел.

Откуда-то, непонятно откуда, повеяло холодом.

Я сжалась в комок, уткнувшись лицом в собственные колени и лишь покачала головой.

— Нет.

— Не заставляй меня применять силу, — пригрозил Риган спокойно и в этом спокойствии слышалось нечто такое, от чего стало жутко до дрожи под ребрами.

Я не ответила, сжавшись еще сильнее и замерев в ожидании удара. Но его не последовало. Вместо это я услышала его голос. Внутри себя. Где-то очень глубоко, так глубоко, как если б он вдруг оказался центром моего тела. Центром меня. И всего моего существования.

— Ты — удивительная. Иррациональная, удручающая, своенравная, самодовольная, строптивая и злопамятная. Болезненно-чувствительная. И все-таки отзывчивая, сердечная. Ты — парадоксальная, противоречивая. В тебе удивительным образом одновременно сочетаются порывы и к истинной тьме, и к чистейшему свету. Как-будто добра и зла в тебе ровно напополам.

- “Так, кто ж ты, наконец? Я часть той силы, что вечно хочет зла. И вечно совершает благо”, - процитировала я, посмеив распахнуть веки.

- “Мастер и Маргарита”? — одобрительно качнул Риган головой. — Удивлен, что ты читала.

— Скорее, читали мне, — отвела я взгляд, а после и вовсе отвернулась, чтобы он не увидел на моем лице то, что я хотела от него скрыть. А именно — что были и в моей жизни люди, которыми я дорожила.

— Какое твое первое воспоминание? — спросил вдруг Риган.

— Что? — поперхнулась я.

— Я знаю, что часть собственного прошлого для тебя потеряна, — замысловато пояснил он. — Поэтому хочу знать — какая отправная точка? С чего начинаются твои воспоминания об этой жизни?

— Об этой жизни? — переспросила я, удивившись странной формулировке. — Зачем тебе?

— Просто, — неопределенно пожал он плечами. — Хочу знать.

И тут меня словно хлыстом стегнули.

— Я тоже много чего хочу знать!

Риган хитро усмехнулся, в то время как его глаза опять резко потемнели.

— У малышки появились вопросы? Ну, давай, дерзай!

Под влиянием внезапно нахлынувшей смелости, я подалась вперед и, вцепившись в подлокотник его кресла, потребовала ответа:

— Почему тебя называют Безликим?

С минуту он рассматривал мое лицо, скользя по очертаниям губ, лба, подбородка и щек, а после лениво ответил:

— Я смотрю, кто-то готовился. Неужели штудировала брошюрку?

— Я не отвечу, пока ты не ответишь, — и вернулась к увлекательному занятию созерцания огня, весело трепещущего в камине и пожирающего остатки поленьев.

Комнату накрыла тишина. Риган возвращаться к диалогу не спешил, я тоже. Огонь медленно затухал, язычки пламени становились все меньше и меньше, из-за чего комната постепенно погружалась во тьму. Можно было бы подкинуть дров, но для этого надо было встать, подойти к дровнице, взять пару поленьев и сунуть в камин. А мне не хотелось шевелиться. Не только потому, что казалось будто даже малейшее физическое усилие может спровоцировать новый виток боли, но и потому что тогда, в тот момент, мне показалось, будто вселенная замерла. И все остановилось. Растерянность, нерешительность, слабость. Все те чувства, которые преследовали меня долгие годы, все те эмоции, с которыми я просыпалась и засыпала. Это был тот редкий момент, когда ничто не терзало мою душу, когда мне было спокойно.

Через четыре месяца после этого Риган погиб. За эти четыре месяца столько всего произошло. Моя жизнь перевернулась с ногу на голову, сделав такой умопомрачительный кувырок, от которого я вообще перестала ориентироваться в чем-либо, кроме собственных чувств к Ригану, зародившихся однажды вечером и с каждым днем становившихся все сильнее и сильнее. В них я была уверена. Почему?

Потому я никогда не испытывала ничего подобного — таких глубоких, ярких, сильных эмоций по отношению к другому человеку. Это было так, как если бы я всю жизнь прожила, видя мир черно-белым, а после появился он и показал мне другие краски. Показал, что мир бывает и красным, и синим, и желтым, и фиолетовым. Показал мне как смешивать цвета и создавать новые оттенки. Свои собственные оттенки. Только для себя. И только для него. Умом я понимала, что с каждым прожитым днем я становлюсь все менее похожей на себя прежнюю и что люди не способны меняться так быстро и так кардинально. Если только их не заставляют это делать. Но в какой-то момент пришло осознание — мне все равно. Просто все равно.

Уже потом, в мой первый длительный запой, Сашка спросил, отбирая у меня бутылку дешевой отвратной водки:

— Ты что, действительно в него влюбилась?

Это был первый и последний наш разговор на эту тему, которую более ни он, ни я не поднимали.

А потому я ответила, ответила так честно, как никогда прежде:

— Ты знаешь, как дышат дельфины? Каждый вздох и каждый выдох для них — это осознанный выбор. Выбор жить. Но жизнь свою они могут оборвать, просто перестав предпринимать к этому усилие. Вот так и я жила до встречи с ним — делала осознанное усилие, направленное на то, чтобы прожить еще один день. Каждый день я вставала с кровати, говоря себе, что это последний. Последний день, который мне нужно прожить. Я обещала себе, что это будет последний. Так мне удавалось заставляя себя оставаться в этом мире как можно дольше. А потом появился он. Я не знаю, что именно было между нами. Любовь? Кажется, это слишком простое слово. Мои чувства к нему не были лавиной, которая в один миг обрушивается на твою голову. И все же они были слишком сильными и слишком неожиданными для меня, слабой и неподготовленной. Да и можно ли вообще к такому подготовиться? Пока дети взрослеют их учат столько всему, но не обучают главному — как жить в этом мире. И как в нем любить кого-то... Я не знаю, кем мы были друг для друга, но одно мне было известно точно — моя жизнь из осознанно-выбранной превратилась в неопределенно-автоматическую. Я жила не потому, что я сделала такой выбор, проснувшись по утру, сосчитав все трещинки на потолке и убедив себя, что жить надо, пойдя на компромисс с волей и совестью. Я жила, потому что он был рядом, не задумываясь о том, который из следующих рассветов станет для меня последним. Он был рядом. И это было достаточной причиной чтобы жить. Любила ли я его? Наверное. Нет. Не знаю. Просто... рядом с ним было больше причин дышать. Рядом с ним было тихо. Тепло. И спокойно.

35.

— Знаешь, ты такая милая, когда сопишь во сне, — мягко проговорил знакомый голос. От теплого дыхания зашевелились волосы на виске.

Я улыбнулась сквозь сон и игриво возмущенно ответила:

— Я не соплю, я же не ежик.

— Ты ежик, — нежные губы скользнули вдоль шеи к ключицам и ниже по коже, оставляя цепочку согревающих поцелуев.

Я улыбнулась еще шире и довольно потянулась сытой кошкой, ощущая необычайный прилив сил. Словно меня окутывали солнечные лучи, наполняя светом и энергией, как если бы я подключилась к мощному источнику питания, который возвращал меня к жизни. Давно со мной такого не было — ощущения внутреннего тепла, безмятежности, умиротворения, которое напоминало о давно прошедших днях, тех днях, когда у меня была надежда. Надежда на будущее, в которое я смотрела робко, с опаской, но все же смотрела.

— Как ты могла так себя запустить? — тихо, но суровее с каждым словом проговорил голос. — Еще бы чуть-чуть, и ты бы уже не проснулась.

— Что за глупость? — хихикнула я, все еще не открывая глаз и наслаждаясь сладостью полудремы.

— Да, умереть во сне действительно крайне глупо, — уже без прищептывания рявкнул голос и меня с силой встряхнули.

Распахнув глаза я в первый момент подумала, что брежу. Второй пришла мысль, что я все еще сплю.

— Ты?! — отшатнулась я и, наверное, рыбкой соскользнула бы обратно воду, если бы крепки руки не удержали меня на месте.

— Я, — кивнул Риган и улыбнулся. Такой знакомой, такой родной насмешливо-лукавой

улыбкой, которая очень редкой гостьей и всегда преображала его лицо, словно забирая все прожитые годы, всю печаль, скрывающуюся в едва заметных морщинках, убирая всю боль из пронизательных глаз, превращая его в мальчишку.

— Не может быть, — продолжала отрицательно мотать головой и шептать я, не веря собственным глазам, не веря тому, что вижу его перед собой так близко, что ощущаю тепло, исходящее от его тела, ощущаю его силу, такую знакомую и естественно-привычную. Вот он, совсем рядом, только руку протяни.

Сердце болезненно сжалось и затрепетало, так быстро, словно стремящаяся вырваться на волю дикая птица.

— Ты же умер, — только и смогла пролепетать я, глядя на него округлившимися глазами.

Риган тут же перестал улыбаться, словно тень набежала на его лицо, которое почему-то теперь выглядело немного другим. Более худым, более мужественным, более... воинственным. Четче проступили скулы и надбровные дуги, заострился подбородок, чуть западали глаза, одновременно став больше, выразительнее. Кожа огрубела, покрывшись загаром. И появилась борода. Густая, черная борода, которая делала его похожим на пирата.

Он и до этого был красив, но теперь его красота приобрела какой-то дикарский оттенок. Если раньше он напоминал злого волшебника из мрачной сказки, где изначально нет шанса на спасение, то теперь он словно сошел со страниц романа о морских разбойниках, в которых грозные корсары, стоя на капитанском мостике и удерживая одной рукой кормило, глядят вдаль в то время, как их судно захлестывает штормовыми волнами. Им не страшен ни бог, ни черт, они не желают иметь ни друзей, ни врагов, верят только себе и только в себя.

Вот таким был этот новый Риган, сидящий напротив меня на маленьком каменистом островке посреди темного водоема. А вокруг уже рассеялся туман...

— Я умер, — подтвердил он, склоняя голову в знакомом жесте и глядя на меня исподлобья. Так делал только он. — Чтобы вернуться вновь.

Я закашлялась. Судорожные сотрясения переросли в истерический смех, а после в злой раздирающий горло хохот. Я смеялась и смеялась, до тех пор, пока не охрипла, а из глаз не покатались градом слезы.

Риган все это время наблюдал за мной, согнув колени и сложив на них руки.

— Вернуться вновь? То есть, воскреснуть? — голосом старого шкипера переспросила я. — Ты что, Христос?

Он несколько минут наблюдал за тем, как я надрываюсь то ли от смеха, то ли от слез, а после его рука метнулась ко мне в одно мгновение, оказавшись на шее и крепко сдавив, так, чтобы у меня осталось немного вариантов для выживания.

— Успокойся, — процедил тот, которого я любила и застрелила. — Сейчас не время для истерик. Поэтому либо ты возьмёшь себя под контроль сама, либо это сделаю за тебя я, поняла? Моргни, если поняла.

Я, ощутив все прелести отсутствия возможности дышать, дергано моргнула.

— Молодец, умница, — как-то пугающе искренне похвалил Риган, рассматривая моё лицо с холодной отстранённостью в глазах. — Ты изменилась. Повзрослела. Раньше ты была словно маленький щеночек — наивная, любопытная, пугливая максималистка, которая всеми силами старается быть кем-то, но не собой. А теперь я вижу перед собой женщину, которая почему-то настолько уверена, что ей все ни по чем, что уже ничего не боится.

Я попыталась отрицательно покачать головой, но это привело к тому, что он сжал еще сильнее, едва не заставив меня заскулить от боли.

— Что? Ты хочешь сказать, что это не так? — ласково проведя большим пальцем по моей щеке, переспросил Риган и что-то опасное мелькнуло в его глазах. Он и раньше умел запугивать, но теперь, кажется, и вовсе перешел в высшую лигу. — Тебе страшно?

Он склонился ко мне, к моим волосам, уже успевшим высохнуть и превратиться в спутанное, немного кучерявое гнездо, и глубоко вдохнул.

— Но почему тебе страшно? Ты же знаешь, я никогда не сделаю тебе ничего плохого, — и он разжал руку.

Я громко, со всхлипом и стоном, вздохнула, падая на руки, а потом еще раз и еще раз, пытаюсь отдышаться. Когда это получилось, я повернула голову, туда, откуда за мной наблюдал Риган. Или тот, кто пытался выдавать себя за него.

— Кто ты? — выдохнула я, боль от горла распространилась ниже, разливаясь по груди.

— Тот, кого ты любишь, — просто ответил Риган и уголки его губ дернулись вверх, хотя глаза оставались скованны вечными льдами.

— Уверен, что люблю? — переспросила я, прикладывая руку к шее, туда, где кожа еще хранила следы от его пальцев. — Может быть, здесь следует применить прошедшее время? Ты вроде как должен быть мертв. И это я тебя убила.

— Я помню, — ровно, как если бы мы говорили не о его смерти, а о выборе ресторана на вечер ответил Риган. Теперь он явно не походил на того, кто умел ценить хорошую кухню, качественное вино и дорогое шелковое белье. Если это и был он, то, кажется, многие его качества остались в прошлом. И все же, я смотрела и не могла поверить, что вижу его перед собой. Живым, дышащим, настоящим. — Много времени прошло, правда? — его губы изогнулись подобии улыбки. — Ты изменилась, я — изменился. Мир, в котором мы жили — изменился тоже. Но это не важно.

— А что важно? — эхом откликнулась я.

Он встал, легко выпрямившись в полный рост и демонстрируя мне свой странный наряд — коричневая рубашка, черный жилет и коричневые брюки, все сухое и явно не успевшее побывать в воде. Обувь и вовсе отсутствовала.

— Важно, что ты здесь, со мной, — он протянул мне руку, которую я, чуть поколебавшись, приняла и, опираясь на неё, встала. Но едва сделала шаг в сторону, как нога поскользнулась. Упасть мне не дали, крепко вцепившись в руку и заставив выпрямиться. — И я больше не дам тебе уйти.

Прозвучало как угроза, но я сочла за лучшее промолчать.

Наклонившись, Риган ухватился за толстую веревку. Послышался всплеск и с другой стороны в остров ткнулась лодка, больше похожая на старорусскую ладью в миниатюре — с одним продольным парусом, натянутым на установленную посередине небольшую мачту и двумя наборами весел, с одного и с другого конца деревянной плавательной конструкции. Нос и корма лодки были загнуты круто вверх, отчего было непонятно, как в неё садиться.

— И что ты хочешь, чтобы я сделала? — скептически поджала я губы, складывая руки на груди.

— Ничего, — ответил Риган и подхватив меня на руки, понес к лодке. — Я все сделаю сам.

Я сопротивляться не стала. Во-первых, не хотелось вновь оказаться в воде. Во-вторых, не хотелось складываться в крокозябру, чтобы забраться на борт лодки. А Ригану нормально,

ноги длинные, до Луны дошагать можно, переступил через бортик — и на месте.

Поставив меня на ноги уже в лодке, он в несколько сильных размашистых движений поднял парус, который тут же натянулся под воздействием резко подувшего не пойми откуда ветра, и направился к корме.

— Предложишь мне тоже налечь на весла? — хмыкнула я, наблюдая за тем, как Риган взялся за деревянные приспособления и начал размашисто грести, уводя лодку от острова.

— Сам справлюсь, — рыкнул Риган, делая широкие гребки веслами. Они гулко ударились об воду и с плеском поднимались обратно.

— Это да, — закивала я. — Это я не сомневаюсь. Для трупа ты очень бодро выглядишь. И также бодро веслами машешь. Секретом не поделишься?

Лодка, тем временем, уплывала все дальше и дальше, уводимая усилиями Ригана и ветром, надувающим парус в открытое водяное пространство, слишком большое для озера или реки.

— Это морская бухта, — будто прочитав мои мысли, проговорил Риган. — Мы сейчас находимся в Туманном Заливе. Это узкая и изогнутая заводь, где всегда очень туманно и очень переменчивый ветер, а потому плавать крайне затруднительно. Здесь разбилось не одно судно. Туманный залив глубоко вдается в сушу, и соединяет море и пролив. Нам необходимо проплыть вдоль берегов залива и добраться до гавани Цемесс, где мы сможем сойти на сушу.

— А почему мы не можем сделать этого прямо сейчас? Если мы плывем вдоль этих самых берегов? — нахмурилась я. Воздух стал ощутимо холоднее и чем дальше, тем не комфортнее было находиться на продуваемой всеми ветрами углой лодочке.

— Потому что берега здесь очень скалистые, имеются сильные подводные течения и легко сесть на мель.

— А куда мы плывем? — наконец, сообразила поинтересоваться я. — И вообще, где мы? Я не в локальном, а в глобальном смысле.

— Мы направляемся в мой дворец, — величаво и даже где-то гордо заявил Риган, оглянувшись на меня через плечо.

— Дворец? — икнула я, а после застонала вслух, прикрывая глаза и понимая, что опять вляпалась в какую-то высокородную историю. — Неужели и ты тоже?

— Что значит, и я тоже? — заметно напрягся Риган.

— То и значит, — психанула я. — Знаешь, ты можешь плыть куда захочешь, а лично мне надоело путешествовать по мирам! Я хочу домой!

— И что ты собираешься делать? — не особо заинтересовавшись моим заявлением, лениво протянул Риган, подняв весла из воды.

— Разве не очевидно? — поморщилась я, махнула рукой на прощание и собралась перемахнуть через бортик, сиганув в воду, но не успела.

— Гал был прав, — раздалось прямо за спиной и не успела я моргнуть, как холодные пальцы прикоснулись к затылку. — Надо было погрузить тебя в лодку еще в бесчувственном состоянии, а не заниматься экстренным кормлением практически умирающего суккуба и последующими бесполезными беседами.

И меня утянуло туда, где ярко светит солнце, согревая и тело, и душу.

Я лежала на чем-то, похожем на гамак, вот только полотно, натянутое меж двух изогнутых деревянных арок было больше раза в три обычного гамака и возвышалось в метрах полтора над землей. С трудом раздирая глаза от липкого сна, я доползла до края и хотела аккуратно выглянуть, а вместо этого...

А вместо этого вывалилась из этого гамака, словно птенчик из гнезда. И самое обидное, что вывалилась головой вниз, а приземлилась почему-то на попу, хорошо, что травяное покрывало, устилавшее землю, оказалось мягким, даже немного пружинящим на ощупь.

— Какая странная трава, — пробормотала я, проводя ладонью по плотным, чуть шершавым травинкам, пропуская их сквозь пальцы.

- Это не трава, — проговорили надо мной. И тут же подхватили подмышки, вынуждая подняться с земли. — Знаешь, даже мне ты иногда кажешься сплошным недоразумением.

— Я тебя удивлю, у меня в отношении самой себя те же безрадостные мысли, — вяло отмахиваясь от Ригана, возвращающего меня обратно в гамак, заявила я.

Полотно качнулось и еще сильнее провисло под немалым весом Ригана, решившего примоститься по соседству, а именно — забраться в гамак с ногами, заложить руки за голову и мечтательно уставиться в лазурно-голубое небо, такое яркое, что на него было больно смотреть.

— Красиво, — выдохнула я восторженно, осматриваясь вокруг. Перед нами открывался вид на холмистую долину, которую укрывали стелящиеся по земле заросли растений с ярко-фиолетовыми цветками. В первое мгновение мне показалось, будто это лаванда, но после, присмотревшись, поняла, что это нечто другое, с кистевидными соцветиями и более похожее на вечзеленые кустарники. Они слегка покачивались, так как по открытому, ничем не защищенному пространству вольно гуляли ветра и не было ни одного, даже самого хилого деревца. А там, вдали, у горизонта виднелись очертания островерхих горных хребтов. — Что это за место?

— Не знаю, — сдержанно откликнулся Риган, щурясь на солнце. — Предполагаю, что вересковая пустошь.

— В смысле? — подхватила я тревожно. — Ты не знаешь, куда меня приволок? Это как?

— Ты никогда не умела слушать, — вздохнул он и поднялся. Уже из положения сидя, с укором посмотрел на меня и продолжил: — Я же сказал, то, что ты видишь — не настоящее. Это греза. Древняя магия, которой владел мой народ и которая была практически полностью утрачена. На данный момент, управлять грезой могу лишь я. По сути, греза — это иллюзия, которую можно применить к чему угодно. Даже к человеку. Ты сейчас околдована иллюзией.

Я насупилась, с подозрением глядя на Ригана.

— И зачем понадобилось это делать?

— Потому что прежде, чем ты я сниму наваждение, я хочу, чтобы ты кое-что узнала. Это поможет тебе подготовиться к тому, что ты...увидишь.

— Знаешь, вот обычно такие сумбурные предупреждения и заканчиваются побегам, — начала я, а сама уже начала осторожно поглядывать по сторонам в попытке выработать план сматывания метафорических удочек. Очередной за последние несколько...не знаю, дней? Месяцев? Сколько я провела вдали от родного мира — одному черту рогатому известно.

— Перестань! — вдруг рявкнул Риган.

— Что? — я едва опять не вывалилась из гамака.

— Перестань сбегать! Неужели ты до сих пор не поняла, что это заранее проигрышная стратегия? Каждый очередной побег провоцирует новый и так по кругу, снова и снова. Ты бежишь, и бежишь, и бежишь. Но однажды тебе придется остановиться.

— Однажды, но не сегодня, — кивнула я. И...осталась сидеть на месте.

Повисло неловкое молчание. Мы оба глядели вдаль и кажется, избегали смотреть друг на друга.

— Если, — начала нерешительно я, но голос дрогнул и оборвался. — Если...это действительно ты...

— Это я, — безапелляционно заявил Риган, а его кулаки сжались.

Я закусила губу, подумала пару минут, а после потребовала:

— Докажи.

Он повернулся ко мне. Его глаза казались одновременно и знакомыми, родными, близкими, и чужими, далекими, холодными. И словно по очереди несли вахту. Это нервировало, сбивало с толку. Желание убедиться, что я не барахтаюсь в очередном сне, не брежу, не борюсь со внушением назойливо маячило на периферии сознания, заставляя сомневаться в нем, в себе, во всем. Хотелось ущипнуть — то ли себя, а то ли его, — удостоверяться, что мы оба — не привидения, встретившиеся после смерти.

Риган медленно подался ко мне, остановившись уже у самого лица. Я каждой клеточкой своего тела ощущала его будоражащую близость, хотелось прикоснуться, ощутить тяжесть его рук, тепло кожи, и все же, что-то останавливало меня. Может быть, страх получить доказательства, что это не он? И потерять его. Снова.

— Уверена, что хочешь этого? — прошептал он мне в губы, не отрывая пронизывающего насквозь взгляда от моих глаз.

Бросило сразу в жар. А после сразу накатил холод.

Эта тьма в его глазах — соблазняющая, завлекающая, томная и красноречивая, таинственно опасная. Она как будто одновременно обещала и божественное, ни с чем не сравнимое наслаждение, и самые адские муки. Обретя его однажды, я отдала всё взамен, обменяв то, что имела — на него, на те чувства, что нас соединили. Я потеряла в этих чувствах себя — а после обрела себя вновь. Но это была это совсем другая я. А вот он...он всегда оставался собой. Его ничто не могло изменить. По крайней мере, когда-то я в это верила. Я не верила ни в бога, ни в черта, но я верила в него, в его непоколебимость, в его способность выживать в любых условиях, в его незыблемость. В отличии от него, я была и на темной стороне, и на светлой. И лично у меня это замкнутый круг. На светлой — трудно и скучно, но присутствует некое ощущение правильности. На темной — весело и легко, но постоянно где-то там зудит маленькая мыслишка о том, что жизнь проходит и проходит зря, потому что я не делаю то, что должна. А что должна — сама не понимала. И пыталась жить по уму, но потом становилось невыносимо, и я опять срывалась во тьму. И так по кругу, снова и снова. Темные периоды, светлые периоды, темные-светлые, качели вверх-вниз.

А в его мире нет серых полутонов. И не было их никогда. В его сознании либо светло, как днем, либо сплошная тьма, словно глубокой ночью. А у меня нет ни дня, ни ночи — одни солнечные затмения.

— Да, — выдохнула я дрожащим голосом. — Хочу.

И его губы прикоснулись к моим. Сперва мягко, осторожно, словно боясь спугнуть. Словно стремясь напомнить, как это было между нами когда-то. Но уже через несколько секунд нежность прошла, уступая место чему-то другому. Сильному, напористому,

требовательному. Это не была страсть, это было что-то более всепоглощающее, более масштабное, словно ураган, который налетает, сбивает тебя с ног и выбивает весь воздух из груди, заставляя одновременно и желать остановиться, и требовать никогда не останавливаться.

Кажется, моё тело выбрало первое.

Оборвав поцелуй, я отпрянула от него, задыхаясь и чувствуя, что горю.

И, кажется, я действительно горела.

Я пылала, словно залитый огнеопасной жидкостью костер, ошеломленно глядя на свои растворяющиеся в огне руки, на тяжелые языки пламени, поднимающиеся от ног выше, на искры, осыпающиеся вниз ярко-алой россыпью. И не могла справиться с собой, с этими чувствами, вновь обрушившимися на меня без предупреждения о нападении.

— Теперь ты поняла, кто я? — раздался внутри меня шепот, отдавшийся вибрацией где-то внизу живота, отчего внутри все натянулось тугим канатом.

А огонь, тем временем, наступал и наступал, все теснее захватывая меня в свои объятия, выжигая из разума все человеческое, все разумное, все, что могло бы этот огонь остановить.

— Кажется, я немного перестарался, — прозвучал в сознании голос и на плечи легли тяжелые руки.

Огонь сразу же начал стихать, уменьшаться, светлеть, а вскоре и вовсе погас.

Я с облегчением выдохнула, ощущая бесконечную слабость во всем теле.

— Что произошло? — кое-как промямлила я.

— Ты сама во всем виновата, — непререкаемо заявил Риган, убирая руки. — Нельзя было так себя запускать и заставлять голодать. Я дважды позволил тебе питаться от меня — первый раз насильно, когда ты уснула на острове, второй раз во время поцелуя, передав тебе часть своей энергии. И твоя сила вышла из-под контроля, словно сорвавшийся с цепи дикий зверь. Почему ты так давно не ела?

Я безразлично пожала плечами, устремляя взгляд вдаль, туда, где клубящиеся, похожие на бутоны распускающихся цветков, облака плыли в сторону горных вершин.

— Наверное, потому что мне все равно. Я не рассчитывала... на выживание.

— Мне казалось, я смог вытравить из тебя эту странную тягу к самовредительству, — сухо произнес Риган.

— Некоторые вещи невозможно изменить, — философски заметила я, ощущая всепоглощающую опустошенность. — Кажется, это одна из таких вещей.

— А что об этом думает Сашка? — ехидно поинтересовался Риган, но присутствовала в его тоне и угроза, едва заметная, и оттого еще сильнее пугающая.

— А при чем здесь он? — я обернулась, наткнувшись на холодный пронзительный взгляд из-под слегка опущенных век, который был мне хорошо знаком. И, более того, этот взгляд не предвещал ничего хорошего. Он предвещал смерть.

— Ты аж побледнела, — заметил Риган с недоброй насмешкой. — Не дергайся. Не трону я его. Пока. Он заслужил своё право еще побороться.

— Чем же? — сглотнула я.

— Тем, что дал мне шанс вернуться.

Несколько минут мне потребовалось на то, чтобы осознать услышанное. Это было так странно, словно каждое приходилось прокручивать в голове по отдельности, а потом складывать их все вместе, как в математическом уравнении.

— Ты имеешь в виду..., — неопределенно начала я.

— Я имею в виду, что твой дружок-блондин прекрасно осведомлен, что я не умер.

Мне многое захотелось вдруг сказать. Огромное скопление слов и еще больше матов роилось в голове зудящим полчищем, но я продолжала молчать, складывая услышанное и так, и эдак, но...оно не складывалось. Что-то во всем этом было очень неправильное, уродливое, исковерканное.

37.

— После того, как ты убила меня, — он произнес это так просто, так естественно, словно так и должно было быть. Словно это нормально — убивать своих любимых. Действительно, когда это любовь становилось преградой для убийства? — Хасан поручил своему самому надежному и верному псу вывезти мое тело подальше от дома и сжечь. Но твой драгоценный напарник, о котором ты так переживаешь, не стал этого делать. Вместо этого он отдал мое тело моим младшим сестрам.

И тут в моей памяти всплыли слова, произнесенные прикованной к батарее ламией в ответ на мой вопрос:

«Кроме тебя и твоей сестры, есть еще такие, как ты?»

«Конечно, и с нашим старшим братом ты уже знакома. И очень близко».

— Две девчонки из странного дома, — просипела я, наконец, начав соображать. — Рита и Рада.

Риган кивнул — то ли одобрительно, то ли утвердительно.

— Мой отец, — начал он отстраненно, — никогда не отличался человеколюбием. На самом деле, он ненавидел всех людей, считал их грязными навозными жуками, поедающими друг друга в смрадном болоте. Для него они все были одинаково ничтожны, но вот чего он не мог изменить, так это своей тяги к человеческим женщинам. Причем страсть эта просыпалась стихийно и проявлялась очень выборочно. К большинству из них он не испытывал ничего, кроме омерзения и презрения, но иногда встречалась та, редкая особь, которая провоцировала такие всеобъемлющие перемены в моем отце, что он не мог себя сдерживать. Не мог контролировать свои порывы, свою тягу к ней. Так случилось с моей матерью, так случилось и с матерью моих младших сестер. Я знаю, что вы с Ританой встречались и мило побеседовали.

— Нууу, — неловко поправила я волосы, — это сложно назвать беседой. Я спрашивала, а она, сидя на полу с удавкой на шее, отвечала.

Послышался отчетливый скрип зубов, скулы Ригана проступили еще резче, окончательно придавая ему облик голодного хищника.

— Что? — безрадостно рассмеялась я, глядя на эти метаморфозы. — Хочешь мне отомстить и защитить честь сестры?

— Плевать мне на нее! — рявкнул он так, что я едва не подскочила мячиком. — Идиотка! От этой её невменяемой любви у неё совсем мозги атрофировались, дура малолетняя!

— Не такая уж малолетняя, — как бы между делом тихо заметила я. — Постарше меня будет.

— Я ей говорил, — яростно сжал Риган кулаки. — Я предупреждал её, чтобы она к тебе не лезла, но эта кретинка не послушала и всё решила делать по-своему. И таких дел наворотила!

— С этим я согласна, — подтвердила я. — Особо выдающимися умственными

способностями мадам не обладает, да и руководствуется не теми мотивами. Но вот, что мне любопытно...

— Что? — сердито рявкнул Риган.

— Мы заговорили о Ритане и я припомнила, что она поведала мне в нашу последнюю встречу.

— И?

— Она сказала, что её отец — дракайн или как-то так, — я с сомнением поглядела на собственные руки. — Следовательно, твой тоже.

— Наш отец не просто дракайн, — вздохнул Риган, запрокидывая назад голову. — Он — царь дракайнов.

Я поперхнулась и закашлялась.

Мимолетная улыбка скользнула по его на вид жестким губам, но я знала, помнила, насколько мягкими они умеют быть.

— Дракайны и ифриты с издавна существовали бок о бок друг с другом. При этом и тем, и другим удавалось сохранять свою идентичность на протяжении многих веков не смешиваясь с соседствующим народом, но сотрудничая на взаимовыгодных условиях. Но потом предводителю ифритов захотелось большего и со временем, в то числе, и из-за численного превосходства дракайны превратились в вассалов. Они сохранили своего царя, но он уже не был полностью самостоятельным правителем. Знаешь, что случилось потом?

Я знала, и проговорила это одними губами:

— Война.

— Верно. Ифриты, которые во все времена славились своей ненасытностью, в том числе, по отношению к чужим территориям и имуществу, пошли против человеческих магов, а в арьергарде за ними следовали дракайны. Но никто не мог и представить, что война закончится так, как она закончилась — закрытием проходов между мирами, лишением войск лидера и последовавшей за этим зачисткой как ифритов, так и дракайнов. После того, как порталы закрылись, а высший был усыплен, разгромленное войско мало, что могло противопоставить магам, которые оказались хитрее и могущественнее, чем представляли захватчики. Чтобы выжить пришлось разделиться, и уцелевшие воины разбрелись кто куда, пытаясь скрыться, слиться с местным населением. По прошествии нескольких десятилетий, когда стало очевидно, что вернуться домой, как и вернуть былую мощь практически невозможно, дракайны и ифриты начали привыкать к новой жизни. Через какое-то время у них начали появляться потомки от человеческих женщин.

— Суккубы, — смогла вставить я, хотя даже дышать было трудно. — Демоны. Ламии.

— Да, — не высказал удивления от моей осведомленности Риган. — Профессор рассказал тебе, так?

Я удивленно выгнула бровь.

— Это я отправил его к тебе. А тебя к нему, — чуть снисходительно пояснил Риган, глядя на меня как на любимого питомца — со смесью превосходства и умиления. — Хотел, чтобы ты поняла, что тебя ждет в будущем.

— В следующий раз, — скривилась я, — просто пришли письмо. Желательно по электронной почте.

— У тебя есть электронная почта? — неподдельно удивился Риган. — Мне доносили, что ты выбрала жизнь клошара.

— Вот давай ты не будешь обзывать меня бомжом, да еще и используя французские

словечки, — отмахнулась я, а после тихо спросила, отводя глаза в сторону: — Ты следил за мной?

— Я наблюдал за тобой, — с мимолетными ласковыми нотками проговорил Риган, легонько прикасаясь к моей щеке.

— Где ты был? — не поворачиваясь, спросила я, а внутри в этот момент все вопило от боли, потому что теперь было очевидно — когда я умирала от тоски и боли, он это видел, знал, но ничего не делал. Просто смотрел.

— Я всегда был там, где была ты, — просто сказал он.

И повернул мою голову к себе. Я не сдержалась и зажмурилась, пусть я выглядела при этом трусливой и слабой, но я была не готова говорить об этом сейчас. Очень больно.

Слишком больно.

— Ифриты и дракайны, — напомнила я, ощутив, легкое дуновение ветра на щеке. — Мы говорили о них и их жизни среди людей.

Рука Ригана соскользнула с моего затылка, он вздохнул, немного раздраженно, но поддержал возвращение к прежней беседе:

— Да, я помню. Итак, ифриты породили новую расу — суккубов. Но суккубы были не единственными носителями их генов. Демоны — потомки дракайнов и ифритов. На удивление, получилась очень могущественная и плодовитая раса, которую, к сожалению, выкосил один очень могущественный маг. Ему удалось убить не всех, достаточно многие выжили, но стали отчаянно скрываться и прятаться.

— Кто он? — тут же встрепенулась я.

— К этому мы еще вернется, — уклонился от ответа Риган. — В отличии от ифритов, у дракайнов с людьми не очень складывались взаимоотношения. Рождавшиеся от подобного союза гибриды были неспособны к продолжению рода.

— Ламии, — кивнула я. И сообразила: — погоди, то есть, ты тоже...

— Нет, — с неподражаемыми нотками превосходства хохотнул Риган. — Я был чем-то большим. Я был прототипом самого бога.

— Какой ты пафосный, — скривила губы я в ответ, наблюдая за ним. — А почему был?

— Потому что теперь я и есть бог, — выдал Риган с полной серьезностью.

— Знаешь, — я почесала бровь. — Седой, прежде, чем отправить меня к тебе тогда, в галерею, поведал кое-что из твоей биографии. Я ничего не спрашивала у тебя об этом. Ни когда мы только встретились, ни после, когда уже были вместе. Сначала не спрашивала, потому что надеялась сбежать и волновалась только об этом, потом не спрашивала, потому что... потому что в какой-то момент это перестало иметь значение.

— И что же тебе рассказал наш кочующий по мирам сверкающий мальчик? — поиграл скулами Риган.

— Сверкающий? — переспросила я.

— Так когда-то именовали сидхе — сверкающие.

— Ага, — невнятно промямлила я. — Почему мне слышится зависть в твоих словах?

— Я? Завидую ему? Чему там завидовать? Сидхе всего лишь паразиты, не способные ни на что путное без своей мамочки, которую они так настойчиво пытаются дозваться уже не первое столетие! И знаешь, что будет, когда она вернется? Ничего! Нимфея будет заботиться о своих собственных интересах, но никак не об интересах своих детей! И, несмотря на то, что у нас схожие цели, я не дам этой твари вырваться из бездны!

Наблюдая за тем, как Риган разгорячается с каждым произнесенным словом, становясь

все яростнее и злее, я вспомнила слова Сашки. Когда-то на мой вопрос, зачем они взяли к себе необученную никому не нужную девчонку, оказавшуюся на самом дне жизни, он ответил: «Потому что иногда только монстр может победить другого монстра». От этих слов мне стало очень больно, ведь мне прямо в лицо заявили, что я — урод. Но сейчас я поняла, что эти его слова не были оскорблением. Они были комплиментом.

— Что с тобой случилось, Риган? — тихо спросила я, глядя на его идеальный профиль, вырисовывающийся на фоне глубоких синих небес. — Что случилось с тем мальчиком, которому пересадили чужой орган от погибшего ребенка?

Он едва заметно вздрогнул, а после долго-долго всматривался в мои глаза. Не знаю, что он в них видел. Я в его видела разочарование.

— А они неплохо поработали, собирая информацию, да? — прищурился он, подавленно потер щеку и продолжил: — Долгое время я не знал своего отца. Он никогда не отличался тягой к семейной жизни. И на самом деле, не был тем, с кем можно было бы её построить. Все его стремления с давних пор были сосредоточены вокруг побежденного человеческими магами высшего и желания его вернуть. Поэтому он бросил мою мать, едва та узнала, что беременна. Но маму это не остановило, родив, она стала воспитывать меня самостоятельно, изредка прибегая к помощи уже своей матери. Я рос обычным мальчишкой, у меня были мама и бабушка, все было хорошо. До определенного момента. А вернее, пока не наступил подростковый период. Мое тело начало меняться, и я начал меняться вместе с ним. Со мной происходили странные, пугающие вещи, которые обычной, человеческой логикой было не объяснить. Я стал замечать, что могу влиять на людей — на их разум, эмоции. Внушать им разные мысли, подавлять желания, менять воспоминания. Заставлять их делать то, чего они не хотят. То, чего в нормальном состоянии никогда бы не сделали. Первое время это было даже весело. Я мог отомстить своим обидчикам, заставить соседского пацана отдать мне мой велосипед, внушить однокласснице поцеловать меня. Первое время мои силы проявлялись спонтанно и работали хаотично, пугая меня самого до чертиков. Потом я увидел в них выгоду для себя и начал использовать на полную, не особо задумываясь — откуда все это пришло. А потом я понял, что чем больше использую свои способности, тем сильнее становлюсь. И наступил момент, когда я убил человека, сам того не желая. Один из старших ребят в школе попытался отобрать у меня деньги и это так разозлило меня, что я успел лишь мысленно приказать «Сдохни!», как он начал задыхаться, синеть, а вскоре и вовсе перестал дышать, упав мне под ноги большой безмозглой и бездыханной кучей мяса в спортинках. Вскрытие показало, что он умер от асфиксии, подавившись жвачкой. Но я знал, что это случилось по моей воле. Я захотел — и он умер. После того дня я старался быть осторожнее и все же, мне надо было с кем-то поговорить. И я все рассказал маме. Я надеялся, что она меня поймет, поддержит, объяснит, что со мной происходит. Ведь она же мама. Моя мама. Но я ошибался. Мама мне не поверила, более того, в процессе разговора разгорелась ссора и я...я приказал маме взять кухонный нож и приставить его к шее. Она подчинилась, она сделала то, что я ей приказал. И вот, держа нож у своего горла, она смотрела на меня с таким непередаваемым ужасом, словно вместо своего сына она видела чудовище. Она смотрела и видела меня настоящего, дрожа от страха. Когда я отпустил её, нож упал на пол, а моя мама с визгом рванула прочь из дома. Спустя несколько часов она вернулась в сопровождении священника, который решил провести надо мной ритуал экзорцизма. Как будто это могло помочь!

Риган расхохотался, откинув голову назад, но смех его, переполненный болью и

печалью, оборвался так же быстро, как и начался.

38.

— Священнику я свернул шею, а матери пригрозил, что если подобное еще раз повториться, то она отправится жить в подвал. И потребовал сказать, кто мой отец, потому что порывшись в её личных бумагах, нашел старое потертое фото человека, похожего на меня как две капли воды, вот только судя по дате на обороте, сделано оно было задолго до моего рождения. Это не могло быть просто совпадением. Мама назвала мне имя отца, но сказала, что не знает, где его искать. Следующие несколько недель мы жили, как чужие люди. Мать шарахалась от меня, как от огня, а я делал вид, будто ничего не случилось. А потом...я оказался в больнице. Она отравила меня. Последние слова, которые я услышал от неё были: «Ты не мой сын». Я оказался в больнице и наверняка не вышел бы уже из неё, потому обе мои почки отказали, если бы не удачное стечение обстоятельств. Мальчишка, идеально подходящий мне по параметрам, попал в автомобильную катастрофу и смог протянуть достаточно долго для изъятия жизнеспособной почки. Выздоровливал я долго и мучительно. Орган плохо приживался, меня пичкали огромными дозами таблеток, которые на мне почему-то срабатывали не так, как должны были. Когда состояние стабилизировалось и меня перевели из интенсивной терапии в обычную палату, я понял, что со мной, с моим силами что-то не так. Но никак не мог понять, что конкретно не так. А ночью пришел он. Старый вампир, который имел на своё потомство определенный вид и был крайне недоволен сложившейся ситуацией.

— Старый вампир? — с недоумением переспросила я и тут же припомнила слова Сашки. — Прадед погибшего пацана?

— Да, — просто кивнул Риган. — За прошедшие годы он значительно продвинулся по иерархической лестнице вампиров и теперь был главой одного из крупнейших вампирских кланов не только в нашей стране, но и в мире. Ему удалось объединить под своим началом тех, кто издавна привыкли существовать по одиночеству, в том числе, и благодаря своим особыми навыкам.

— Белокровие, — прикрывая глаза, указала я свою осведомленность и в этом аспекте. — Неисповедимы пути господни...И хрен там проходимы.

— Да, при жизни старый вампир страдал от мутации крови, что в то же время сделало его крайне могущественным кровососом. До того, как пройти обращение он успел оставить потомство. Загулял с какой-то сельской девкой, которая после одной ночи на сеновале понесла от него. И вынужден был ждать три поколения, пока появится такой, же как он, носитель той же мутации.

— Но дед не успел обратить пацаненка, — с холодным спокойствием заключила я. — Тот задвинул кеды в угол раньше.

— Да, и поэтому он пришел за мной, ощутив зов крови, который теперь шел от меня.

— Он тебя обратил? — ахнула я, поняв очевидное.

— Попытался, — нехотя поправил меня Риган. — Но его укус не сработал, хотя он, покидая мою палату этого не знал. Когда врачи прибежали на вопль медсестры, обнаружившей меня на полу без сознания в луже собственной крови, им пришлось изрядно потрудиться. Они двадцать минут реанимировали моё сердце, пытаясь восстановить пульс. И пока я был без сознания, пока в мой мозг не поступал кислород, я видел странные вещи. Я видел странных существ — крылатых и рогатых, с человеческими головами и туловищами

животных. Я видел драконов, парящих в облаках. Я видел похожих на людей существ, которые сжигали Помпеи, закручивали воздух в смерч, поднимали с морского дна острова и наоборот, топили целые континенты. Я видел город, некогда прекрасный и процветающий, а ныне похожий на старую оборванную нищенку, и тех, кто оказался заперт в этом городе, без истинного правителя, без надежды на спасение, без веры в будущее... Придя в себя уже после стабилизации моего состояния, я решил, что бредил, но забыть не смог. И едва только выйдя из больницы, отправился искать отца. К тому моменту он уже долгое время успешно притворялся человеком, владея сомнительной законности бизнесом. Моему появлению он не обрадовался, но ответил на все мои вопросы. На один только не смог.

— На какой же?

— Почему я испытываю тягу к человеческой крови не являясь вампиром. А я им так и не стал, несмотря на полученный укус. Однажды, я не устоял перед искушением, попробовал чужую кровь, а после с изумление обнаружил, что на некоторое время получил облик того, кому принадлежала кровь. Это привело к новым открытиям, в которых я сразу увидел выгоду для себя.

Перед глазами возникла череда фотографий — ушедший на пенсию преподаватель, сёрфингист, успешный предприниматель, знаменитый ресторатор, красавчик, очень похожий на известного актера.

Всех их объединяло одно — они были одновременно и настоящими, и поддельными. Сворованные внешности, сворованные личности. И нет необходимости подделывать фотографии, документы, имена. Зачем? Если можно украсть у человека всю жизнь целиком.

— А что происходило в тех случаях, когда ты выпивал кровь не людей? — сдавленно спросила я. Вопрос прозвучал сухо, но бескомпромиссно. — Тех, кто обладал магией?

И ему пришлось сказать:

— Ты уже знаешь ответ на свой вопрос.

— Ты получал не только их облик, — ровно промолвила я, глядя в одну точку перед собой, но ничего не видя. — Но и их способности. Ты получал весь их мир, до последней капли. Так вот, почему Хасан был так одержим тобой. Сперва он наверняка пытался договориться о сотрудничестве, потом приступил к шантажу, используя то, что ты хотел получить — меня, а когда и это не сработало — отправил своих людей тебя убить, используя, опять же, меня. Интересно, чего он все-таки от тебя хотел?

— Поначалу — помощи в его делах, но мне не улыбалось носиться по миру задрав хвост и выполняя его указания, — лицо Ригана ужесточилось. — Потом он захотел долю в моем бизнесе.

— И что за бизнес? Производство резиновых калош? — фыркнула я рассерженной кошкой.

— Нет, я помогал людям. За деньги, естественно. За очень большие деньги.

— Да ладно! — всплеснула я руками. — Неужели переводил старушек через дорогу и снимал с деревьев котят? За это еще и платят?

— Я продавал людям то, о чем мечтает большинство — полное решение всех их проблем.

— Это как?

— Отбирая жизнь у одних и отдавая её другим, — беспечно пожал плечами Риган. — Помогая менять облик тем, кто хочет скрыться. Давая людям то, о чем они давно мечтали — красивую внешность, семью, карьеру.

— И как это работает с другими? С теми, кто не как ты? С теми, кто обычный человек?

— При помощи химерного коктейля, который был разработан на основе старого проекта 80-х годов прошлого века под названием «Химера». Тогда ученые пытались создать биологическое оружие, объединив ДНК трех патогенных вирусов — лошадиного энцефалита, оспы и вируса Эбола. Когда власть в очередной раз поменялась, проект прикрыли, но разработки сохранились. Они и были использованы для создания напитка, в котором мы объединяли геном мой, того, кто хотел обрести новый облик и того, чей облик он забирал. Нам удалось достигнуть ошеломительного эффекта. Но труднее всего было закрепить, так сказать, сделать результат более устойчивым и продолжительным. Всем этим я занимался, конечно, не самостоятельно. Еще до того, как наши отношения с Хасаном перешли в фазу окончательно враждующих, отец свел меня с одним человеком по имени Гаспар, — я с трудом подавила судорожный вздох. Руки мелко задрожали, а потому пришлось их спрятать под коленями. — Тот, изучив мой случай, заявил, что, скорее всего, мутация, которая передалась мне вместе в донорским органом, мутировала еще раз под воздействием моей нечеловеческой природы, что привело к генетической рекомбинации.

— А для тех, кто прогуливал в школе биологию можно попроще? — ядовито поинтересовалась я, старатель скрывая, что имя Гаспар мне уже знакомо.

— Это значит, — начал раздражаться Риган, но сдерживался изо всех сил. Я оценила и мысленно поаплодировала стараниям. — Что произошло перераспределение генетического материала, повлекшее за собой возникновение новых комбинаций генов. Гаспар пришел к выводу, что, возможно, подобное произойдет еще не раз, то есть, мой организм будет находиться в состоянии постоянной мутации.

— Так и есть? — я внутренне сжалась, боясь услышать ответ.

— Да, но только в ситуациях, сопровождающихся сильным стрессом, — поведал Риган. — И смерть — одна из таких ситуаций.

Мой рот произвольно распахнулся от посетившей голову догадка.

— Так вот, как ты выжил!

— Да, несмотря на внешние признаки смерти, моё тело, как и разум, не погибли окончательно. Им удалось перестроиться и возродиться к жизни вновь. Но уже в новом виде. В новой форме. И эта новая форма открыла во мне скрытые ресурсы, а после помогла мне попасть сюда, в Ишкузу, в мир ифритов и дракайнов, которые лишившись обоих своих предводителей, превратились в кучку отщепенцев и влачили жалкую жизнь. Разбившись на несколько групп, они враждовали и воевали друг с другом, борясь за выживание. Мне пришлось доказать, что во мне — кровь царя дракайнов, зубами выгрызая у одичавшей толпы свое право править над ними. Придя к власти я все изменил, я дал им уверенность в сегодняшнем дне и всеми силами стараюсь дать надежду на день завтрашний. Я хочу подарить им то, к чему они стремились долгие годы.

— Ты хочешь вновь открыть порталы, впустить их в мир людей, — бессмысленно рассматривая покачивающиеся на ветру длинные ветвящиеся стебли с мелкими соцветиями. Мне показалось или соцветия начали подрагивать? Так, словно кто-то пытается утянуть их обратно в землю?

— Да, и ты знаешь, что это будет лучшим решением для всех. Ни ты, ни я не принадлежим тому миру. Мы оба — полукровки, мы сочетаем в себе несочетаемое. Объединяем не объединяемое. Мы — надежда всех миров, не только человеческого, потому что ни одно общество не способно долго стоять на месте — оно должно либо

прогрессировать, либо регрессировать. Основа прогрессии — развитие, постоянное непрерывное качественное изменение. Эволюция. И мы — новая его ступень, полукровки. И чем больше будет новых полукровок, тем лучше. И для того, чтобы они появились, нужно впустить один мир в другой! Если бы можно было обойтись без высшего — я бы так и сделал, но он — ключ к открытию врат между мирами.

— То есть, ты не хочешь будить высшего, но придется? — подвела я безрадостный итог.

— Нет, я хочу его разбудить, а после — убить.

39.

Я схватилась за голову.

— Ты понимаешь, что самый лучший вариант — вообще никого не будить, а просто все оставить так, как есть? Потому что убить высшего — все равно, что завалить главного босса в игре? Самый сложный, практически невыполнимый уровень?

— Да, но без убийства главного босса невозможно закончить игру, — выразительно проговорил Риган, он замолчал на время, пока я переваривала все услышанное, а после заявил:

— Она тебя убьет.

— Кто? — все еще удерживая пальцы приложенными ко лбу, спросила я.

— Первая из сидхе. Не верь байкам о том, что она исчезла. Это все ложь. Её изгнали. Те же маги, которые победили высшего. Она была его любовницей и втянула свой народ в битву с людьми. А когда поняла, что они проиграли — было уже поздно. Единственное, что успела сделать Нимфея — создать для своих потомков отдельный мир и перенести их туда. Но фактически, она отняла часть мира у нас.

— Хотелось бы конкретики, так сказать, на будущее, — скривилась я. — «У нас» — это у кого?

— У нас, то есть, у тех ифритов и дракайнов, которые не участвовали в последней войне с людьми. Сидхе называют нас фоморами, не делая различий, и считают своими главнейшими врагами, вот только сидхе сами не помнят своего настоящего прошлого, а живут вымышленными историями, пиля сук на котором сидят всей народом.

Риган понаблюдал за моей реакцией, которой на самом деле и не было, потому что я все еще пыталась соединить все кусочки паззла и продолжил:

— Нимфея, даже в статусе изгнанной и запертой в бездне богини, все равно остается богиней. Силы свои она сохранила и эти силы позволяли ей следить за происходящим как в мире людей, так и в мире сидхе. Они понимала, что магам не хватило сил убить высшего, а только усыпить. Как не хватило сил полностью изгнать и её. Нимфея успела оставить себе лазейку обратно. И этой лазейкой стала ты, случайный ребенок, подвернувшийся под руку, но достаточно сильный волей и разумом. По её задумке ты должна была найти и собрать все её дары, а после в определенное время и в определенном месте убить себя, чтобы освободить её из заточения. Но...

— Но..., - эхом повторила я.

— Знаешь, — как-то очень нервно рассмеялся Риган, почесав висок. — Я даже немного благодарен Седому. Если бы не его нежная привязанность к тебе, мы бы никогда не встретились.

— Любопытное заявление, — сердито отозвалась я. — А пояснения к нему будут сейчас или потом, неизвестно когда?

На этот раз он рассмеялся еще громче и искреннее.

— Нет, сейчас. Седой, или вернее тот, кем он был когда-то, заподозрил неладное. Он сообразил, что вопреки общепринятому мнению ты возвращение Нимфеи не застанешь, потому что не переживешь последнюю стадию осуществления возложенной на тебя миссии. И рассказал обо всем тебе. У вас был план сбежать, но в последний момент ты почему-то передумала. Что-то произошло накануне твоего последнего дня в статусе принцессы сидхе.

— И..., - поторопила я его.

— И ты покончила с собой использовав один из даров.

— Чаша, — выдохнула я и только подумала о ней, как где-то вдалеке послышался низкий женский смех.

Злой, торжественный, ликующий.

А мое тело пронзила боль, такая острая и неожиданная, буквально стягивающая узлом, что закричала.

Я кричала, и кричала, и кричала. До тех пор, пока были силы. Пока хватало дыхания. Пока не охрип голос. Я кричала на пределе возможностей, при этом сама до конца не осознавая мощь своих воплей. Мне было так больно, что все мысли сконцентрировались на одном — пусть это прекратится. Как угодно, хоть смертью, но пусть это закончится.

Лишь бы это закончилось...

— Тихо, тихо, тихо, — словно сквозь вату донесся до меня успокаивающий голос Ригана, который и начал возвращать меня к реальности. Ориентируясь на него, как на лучик света в конце темного тоннеля, я начала выбираться из вязкой жижи, заполнившей сознание.

В какой-то момент я осознала, что дышать стало легче, я больше не кричу и боль ушла. Такие родные теплые сильные руки Ригана лежали на моем теле, левая — на шее, обхватывая её пальцами, а права — на плече, ласково поглаживая его. Головой я примостилась на его коленях, а сам он покачивался вместе со мной, убаюкивая, словно маленького ребенка.

Всхлипнув, я приподняла тяжелую, будто чугунную голову.

— Что со мной произошло?

Поняв, что я пришла в себя, Риган перестал покачиваться и лишь теснее прижал меня к себе.

— Она не хочет тебя отпускать, — сквозь зубы процедил он, глядя куда-то вдаль. — В той тьме, из которой тебя вытащил Гал, и куда ты так неосторожно заявила совершенно без защиты, и заточена Нимфея. Это бездна, куда её отправили маги, решив, что там она будет максимально изолирована от всех. Но они ошибались, — и в ответ на мои округлившиеся глаза, Риган подтвердил. — Да, Гала отправил за тобой я. Не стоило от него бегать, он бы доставил тебя ко мне намного раньше, что избавило бы тебя от встречи с Нимфеей, которую она же сама и подстроила, едва только ощутив твое присутствие в мире сидхе, и нынешнего...состояния.

— Это она со мной сделала? — просипела я. Попыталась подняться, но Риган удержал на месте, а у меня не было сил сопротивляться.

— Она — богиня, — указал он на очевидный факт. — Не забывай об этом. Прикоснувшись в бездне к твоей душе, она установила между вами определенную связь. Не стоило позволять ей этого.

— Я ничего не позволяла, — проворчала я, укладываясь поудобнее. — Там было зеркало, которое показывало странные вещи, знаешь, словно отрывки из чужой жизни...

Надо мной послышался судорожный вздох.

— Нимфея и была этим зеркалом, детка, — проговорил Риган, а его пальцы на мое щедрогнули, словно хотели посильнее сжать, но в последний момент остановились. — И то, что она показала тебе — это...

Я почувствовала неладное. Сердце застучало быстрее, а душу затопил страх.

— Что? — подняла я к нему лицо.

— То, что я скажу тебе, возможно тебя шокирует, но ты должна это знать. Наверное, о чем-то из этого ты уже сама догадалась... У тебя были причины отказаться от побега из Благого двора с Седым. Ты понимала, что даже если вам удастся попасть в мир людей, то ты тут же умрешь. Слишком много времени прошло, слишком долго ты прожила вместе с сидхе. Но тебе нужно было убраться подальше, поэтому...

— Поэтому я убила себя? — хмыкнула я, сдобрив свои слова изрядным количеством сарказма.

— Ты поняла? — он провел пальцами по моему лбу, убирая упавшие волосы.

— Трудно не понять, — безразлично ответила я. О собственном самоубийстве думать не хотелось и в то же время было как-то все равно. Я словно говорила о другом человеке, человеке, который ко мне нынешней не имел никакого отношения. — Что было дальше?

— Ты использовала не только чашу, но и заклинание. В комплексе это не только убило тебя, но и позволило тебе переродиться. Детка, все то, что ты видела в зеркале... это была ты. Это были твои перевоплощения.

— Так много..., - пробормотала я, припоминая увиденное в бездне.

Новость эта не шокировала. Либо я уже давно подсознательно поняла это, либо... либо я все еще не верила в происходящее.

Вера подразумевает определенный уровень равнодушия, а мне было просто все равно, потому что я утратила цель.

Я потеряла из вида маяк, на который следовало ориентироваться, плывя в ночи.

Я уже не понимала, куда иду, зачем и есть ли во всем этом какой-либо смысл.

Вот, в чем была настоящая проблема — все казалось бессмысленным. Когда-то давно я хотела просто выжить. Потом я хотела просто жить. С Риганом мне хотелось одного — чтобы он всегда был рядом, чтобы ночи, которые мы проводили в объятиях друг друга никогда не заканчивались. И пусть он влиял на меня ментально, это было не важно, с ним весь мир удалялся за кулисы и это было главное. А потом... потом хотелось правды, и справедливости, и мести. Но не долго. Смысл жизни постепенно стал сводиться к простой цели — найти и наказать виновных в чьих-то страданиях, и не важно, сколько людей умрет в процессе. А потом наступил просто белый шум, как если бы я опустилась на дно мутного колодца.

— Заклинание, которое ты использовала, было особенным, но никто не знает, каким именно. То ли ты сама его создала, то ли кто-то тебе его подсказал, но применила ты его впервые на свой страх и риск. У меня есть определенные догадки...

— Говори, — потребовала я.

— Ты что-то искала, детка, — обреченно выдохнул Риган и погладил меня по предплечью. — Но что именно — я не знаю. Да и никто не знает.

— Я знаю, — уверенно заявил знакомый презрительный голос и перед нами возник Магнус.

40.

Медленно обведя глазами пространство перед собой, призрак насмешливо дернул верхней губой.

— А ничего у вас тут, уютненько.

— Ты! — подскочила я, сразу ощутив странный прилив сил.

— Ожидала увидеть кого-то другого? — закатил глаза некромант. — Например, своего названного братца?

— Не вспоминай, — передернуло меня. — А то еще заявится.

— Не заявится, — опроверг мою теорию ехидный призрак. — В Ишкузу только умалишенный сунется, а твой родственничек хоть и не отличается особой сообразительностью, но не настолько туп.

— Ишкузу? — переспросила я у Магнуса, но ответил Риган:

— Столица Иблиса, нашей страны.

— И под «нашей» ты подразумеваешь...

— Фоморов, — ответил Магнус.

— Дракайнов и ифритов, — одновременно с ним проговорил Риган.

Оба тут же умолкли и с ненавистью воззрились друг на друга.

— Всё, баста, карапузики, — замахала я руками, спрыгивая с гамака и вставая между ними. — Хватит копьями меряться, — и уже отдельно Магнусу: — Как ты нас нашел?

— Пришлось поднапрячься, но поняв, что потерял тебя в дуате, я вернулся обратно и... немного побеседовал со жрицей. Выяснилось, что это она развела нас, отправив тебя одну в бездну, получив приказ свыше.

— А она это умеет? — поразила я.

— Умела, — подкорректировал временное обозначение призрак, пожав тонкие губы.

— Ага, — выдала что-то неопределенное я.

— После беседы я заставил её привести меня к тебе, и мы как раз застали эпический момент с вашим бегством в небо. Понять, куда тебя понес дракон было нетрудно, так что, я отправил жрицу напрямик в объятия её любимой богини, а сам направился следом за вами. Правда, немного заплутал, дракон хитрый попался, сумел скрыться.

— Это не он скрылся, — мрачно заметил Риган. — Это я их скрыл от твоего преследования, едва только вы прошли через первый портал.

— Зачем? — уставилась я на него.

— Хотел понаблюдать за его действиями, понять, чего он хочет.

— Чего я хочу? — возмутился некромант, оцетинившись, словно кошка, которую в бане вениками попарили. — Я хочу, чтобы вот она, — чувствительный тычок мне в лоб длинными когтистым пальцем, так, что у меня аж глаза сошлись на переносице и приветливо поморгали друг другу, — не сдохла! И всю дорогу прилагаю к этому максимальные усилия, аж мигрень началась.

— Не преувеличивай, у призраков не бывает мигрени, — вставила я, потеряв лоб.

Однако мои слова заглушил рев все еще возмущающегося дохлого уже как несколько столетий некроманта:

— Но у неё убийственная тяга к самоубийственным действиям!

— Тут не поспоришь, — согласился Риган за что был награжден моим взглядом а-ля «ты на чьей стороне, зараза?».

Но в ответ на мое немое несогласие он лишь криво усмехнулся, а в глазах его запрыгали

смешинки.

— Кстати, об этом, — вдруг словно о чем-то вспомнил Магнус. — Хочешь новость?

Я задумчиво почесала переносицу.

— А ты что, подвязался работать в ИТАР ТАСС? Устроился на полставки, разносишь сверхъестественные вести?

— Вот сейчас вообще не понял, что ты брякнула, — оскалился призрак. — Но сделаю вид, что ничего не слышал. А новость заключается вот в чем — твой братец на пару с папашей собирают армию. Не знаю, как младшенький, а вот старшенький искренне верит в то, что ты должна осуществить пророчество. И не важно, в какой жизни — предыдущей или этой.

Последняя фраза Магнуса заставила напрячься.

— Погоди, погоди, — забормотала я. — Не важно, в какой жизни? Ты что, знал? Ты знал, что я?...Что?...Я...

Слова никак не удавалось подобрать, возможно, потому что я не могла выговорить в слух то, что хотела.

— Да, — понял меня призрак, вдруг перестав кривиться от презрения, которое было его вечным спутником. — Мы были знакомы в тех наших прошлых жизнях. Я был некромантом, а ты...ты была той, кто убил меня, принцесса Джалита.

И он согнулся в приветственном поклоне.

Наверное, надо было что-то сказать.

И, наверное, я бы действительно что-то сказала.

Но не успела.

Грянул гром. Звук был таким, как будто грохотали сами небеса, сотрясая внезапно показавшиеся пустотельми облака. Земля под нами содрогнулась, словно от взрыва. И иллюзия начала сползать подобно обгоревшей коже с изувеченного трупа. Я видела такие в местах боевых действий. Только никак не могла сообразить, было это воспоминанием из этой жизни или из какой-то другой? Да и думать, предаваясь воспоминаниям, было некогда.

— Это что, Апокалипсис? — впала я в ступор, не ожидая подобного поворота событий. Казалось, будто здесь мы в безопасности.

— Нет, — Риган в один мягкий прыжок оказался на земле, схватил меня за руку, и мы побежали. Куда побежали? Зачем побежали? Непонятно, главное — побежали. — Вторжение.

— Кажется, благие оказались чуть более шустрее, чем мне представлялось, — это рядом с нами по верещатнику вниз к подножию холма мчал Магнус. Вернее, он стремительно парил в направлении, соответствующем траектории нашего бега.

Или побега.

Там, в суете, грохоте и заходящейся в предсмертной судороге иллюзии, не очень понятно было.

— Если ты думаешь, что всё объяснил, — стараюсь от отставать от Ригана и при этом поглядывать себе под ноги, чтобы не споткнуться об очередную валун, пропыхтела я. Благодаря тому же Ригану, чувствовала я себя несравнимо лучше и в принципе, без труда могла поддерживать заданный ритм. Если бы подобный забег случился чуть раньше, до нашей встречи, я бы умерла от остановки сердца уже через двести метров. — То ни черта ты не объяснил!

А окружающий мир, меж тем, неумолимо менялся. Вместо невозделанного, поросшего

дикой травой поля, под начала проступать неровная плотная черная поверхность с потеками, углублениями и буграми, напоминающая застывшую лавовую реку. Вместо долины с оазисами растительности и серых очертаний цепочки гор на горизонте, проступили покатые черные склоны, в некоторых местах резко уходящие под откос. Тут и там были разбросаны черные куски, как будто кто-то раздробил гранитную скалу.

Справа постепенно приоткрывался вид на мертвый лес — черно-серые, больше напоминающие обрубки стволы деревьев торчали из такой же, как и они безжизненной серой земли. Лишь кое-где пробивались желтые листочки на слабеньких веточках отчаянно желающих жить даже под свинцово-грязным небом деревьев.

А слева черными дымящимися громадинами нависали над землей три вулкана, стоящих практически в ряд. Конусообразные горы выплевывали в небо струи горячих газов, обломки горных пород и пепел, который постепенно оседал на землю, укрывая все вокруг серой пеленой. Но это было не самое главное — вниз по склонам и в направлении плато, по которому бежали мы, текли красно-оранжевые потоки, с шипением и бурлением поглощающие все на своем пути.

— Черт, черт, черт! — выругалась я себе под нос и попыталась ускориться, хотя с этим и без меня прекрасно справлялся Риган, не отпускающий мою руку. — Теперь понятно, почему ты решил воспользоваться магией, — проговорила я в мельтешащую перед моим носом широкую спину. — Вот только надо было не разговорами меня готовить, а дать мне выпить! На пьяную голову три действующих и извергающихся вулкана смотрелись бы лучше!

— Пила бы ты поменьше! — перепрыгивая через яму и вынуждая меня сделать тоже самое, рывкнул Риган. — И проблем тоже было бы меньше!

— Где-то я это уже слышала...И вообще, как это связано? — справедливо возмутилась я, но закончить свою мысль не успела. Небо вспыхнуло ярко-голубым светом, послышался свист, тонкий-тонкий, на высоких, едва выносимых нотах и буквально в шаге от меня ударила молния. Если бы Риган не успел в последний момент затормозить и увильнуть в сторону, она бы поразила нас обоих, оставив лишь исходящую дымом горстку.

— Это что?! — завопила я, падая на колени и прикрывая голову. — Божья кара?!

— Да если бы! Это твои раздражающе настойчивые родственнички, — зашипел остановившийся рядом призрак, пристально всматривающийся вперед. — Хотят вернуть тебя обратно в Атталарию, чтобы ты завершила ритуал!

— Они хотят меня вернуть в рассыпчатом виде? — продолжала орать я, прикрывая ладошками самое ценное — голову. Как любил поговаривать один наш с Сашкой знакомый, главное — сохранить мозги. — Как им это поможет?

— Хватит расслаживаться! — гаркнул прямо в ухо Риган, вынуждая подняться. — Сил Альмода недостаточно, чтобы пробиться сквозь защитный контур, но если подключиться Аэрн, то вдвоем они могут пробить брешь и сквозь неё нанести удар!

И тут я увидела планирующего в небе одинокого дракона. Широко расправив огромные кожистый крылья и вытянув вперед длинную шею, он парил в воздухе, плавно снижаясь и высматривая что-то на земле.

— О, новые гости, — указала я пальцем в воздух. — Наша уютная компания становится все больше и больше.

— Это я его вызвал, — спокойно оповестил нас Риган и направился на встречу дракону. Отойдя на несколько метров от нас, он взмахнул рукой, словно подзывая к себе дракона, но я уловила кое-что еще, что вызывало определенные вопросы.

— А, местное такси, — сделав вид, что ничего не заметила кивнула я и обернулась к Магнусу. Лицо призрака перекопилось так, словно его заставили съесть живую жабу. Но себе подобных есть неэтично. — Ты с нами, верхом на драконе или пешком, по собственному маршруту?

— Послушай, — начал Магнус, приближаясь вплотную, так, что меня опять передернуло в ознобе от исходящего от него замогильного холода.

— Да, я всё поняла, — перебила его я, краем глаза наблюдая за тем, как перед Риганом приземляется дракон. Времени на обмен информацией у нас было немного. — Изначально было очевидно, что ты помогаешь мне не по доброте душевной. Что ты хочешь, Магнус?

— Хочу, чтобы ты по возвращению в человеческий мир нашла мою могилу и сожгла мои кости.

— Зачем?

— Это оборвет мою связь с миром живых. И я смогу покинуть его.

— Как я найду твою могилу?

— Ты должна вспомнить. Ведь это ты хоронила моё тело, Джалита, — земля под нами дрогнула. Я нервно оглянулась на вулканы, но нет, это приземлился дракон, стукнувшись тяжелыми, покрытыми темно-бордовой чешуей когтистыми лапами о землю. Неловко потоптавшись на месте летучий ящер сложил крылья и сердито выдохнул, обдав приближающегося к нему Ригана струями дыма, вырвавшегося из заметно выдающихся вперед крупных ноздрей.

— А взамен?

— Я скажу тебе, ради чего ты умерла. А потом умирала еще множество раз. Снова и снова.

— Договорились, — не раздумывая, приняла я условия. — Но поторопись. Подробности оставим для следующей встречи.

— Ты искала место захоронения архимага.

41.

— Зачем мне истлевшие кости? — нахмурилась я.

— Затем, что уже тогда, умирая в первый раз, ты знала, что возвращение вечного — лишь вопрос времени. И что новая война неизбежна. Вот, за что ты умирала — за победу в предстоящем сражении.

— Умирать за победу — глупо, — изрекла я. — Все равно, что бросаться на амбразуру, закрывая её своим телом.

— А спорить именно сейчас занятие еще более глупое, — фыркнул Магнус, впиваясь требовательным взглядом в мое лицо. — Послушай, девочка, я не даже представить не могу, что сейчас творится в твоей голове, но одно ты должна знать наверняка — это твой последний шанс. Смерть не любит, когда с ней играют в поддавки. Проиграешь в этой жизни — и следующей у тебя уже не будет.

— Откуда такая уверенность? — осторожно полюбопытствовала я.

— Помнишь, я говорил, что вокруг тебя тьма?

Я помнила. По ощущением, это было как будто миллион лет тому назад, хотя на самом деле нет.

— Да, это было тогда же, когда ты пытался выцарапать мне глаза, как плавно въехавшая в климакс актриса сельского драмкружка, — многозначительно дернула я бровью.

— Серафима! — раздался оклик. — Поторопись!

Это Риган уже ждал меня возле дракона, тревожно бьющего по земле усеянным двумя рядами острых шипов сильным хвостом.

— Сейчас! — крикнула я в ответ и вновь вернулась к диалогу с призраком: — Так, что там было про тьму?

— Эта тьма означает, что смерть все ближе и ближе подбирается к тебе, — непривычно торопливо заговорил обычно никуда не спешащий некромант. — Она и сейчас вокруг тебя, девочка, и она плотнее, гуще, чем была раньше. У тебя мало, очень мало времени, а значит, и у всех нас.

— Возвращайся обратно, — распорядилась я. — Не знаю, как ты это сделаешь, но ты должен. И передай кое-что Сашке.

— Надеюсь, не признание в любви? — аж перекособочился призрак, став похожим на пересохший на солнце урюк.

— Нет, — поддержала я его ехидное настроение, — херувим из тебя такой себе. И стрел нет.

— Не переживай, — широко заулыбался Магнус, став вдруг похожим на довольную крыску. — На тебя одна найдется.

— Тогда используй её во благо, — вернувшись к серьезному тону попросила я. — И скажи ему найти таких, как я.

— Как ты? Сумасшедших алкоголичек, что ли?

— Полукровок, — поправила я, направляясь к уже начавшему бледнеть от злости Ригану и его ручному дракону, который поглядывал на меня одновременно и с интересом, и с опаской. В его больших красных глазах с вертикальным зрачком читалось любопытство, такое, которое можно встретить лишь у детей, глядящих на все новое как на чудо. — Пусть ищет полукровок. Они станут нашим спасением.

— Фима, — размытой тенью метнулся ко мне Магнус, преграждая путь. Покосившись назад, он значительно понизил тон и заупокойным голосом из фильма ужасов прошептал: — На войне невозможно оставаться непричастным. Когда война приходит в твой дом — ты должен выбирать сторону. Он свою выбрал.

— Я знаю, — просто улыбнулась я, обогнула призрака, так как проходить сквозь него удовольствие максимально непривлекательное и приблизилась к Ригану.

— Наболтались? — с упреком поинтересовался он и указал глазами на небо, которое уже в четвертый раз за то время, что мы были здесь, в этом мире магмы и вулканов, поменяло свой цвет. — Хочешь, чтобы еще раз в голову прилетело?

— Да ладно, — криво усмехнулась я, подбирая полы импровизированного платья, которое еще в пещере жрицы окончательно растеряло весь свой товарный вид и теперь болталось на меня как половая тряпка на швабре. — Я видела браслет на твоей руке. Красивый, тонкий такой, золотой и явно магический.

Риган одернул рукав, скрывая и так незаметный под одеждой артефакт.

— Заметила?

— Он золотой и на фоне твоего наряда цвета свежей грязи выделяется как единорог в стаде коров. А еще трудно было не заметить, как застыл дым на кратерами и завис в воздухе пепел, — я указала на временно обезвреженные вулканы, которые в своем неестественном безмолвии выглядели словно нарисованными.

— С его помощью я контролирую защитный контур — усиливаю или ослабеваю в

зависимости от ситуации. Сейчас я использовал максимум имеющихся ресурсов, но они не безграничны. Надо улетать.

И он одну руку протянул мне, а другой ухватился за поводья, крепящиеся к хомуту, накинутому на необъятную драконью шею. Сам дракон, кстати, подозрительно притих и старался даже дышать по тише, лишь изредка тяжело и очень грустно вздыхая.

— Куда? — я сложила руки на груди и выставила вперед одну ногу, всем своим видом демонстрируя, что особенно никуда не тороплюсь. А с чего бы мне торопиться? Кажется, я уже везде опоздала.

— Мы уже в Иблисе, который защищает магический контурный купол, чтобы его пересечь, необходимо контур либо взломать, либо воспользоваться порталом, а это, — Риган обвел руками окружающий пейзаж, — так сказать, черный ход в Ишкузу.

— Через парадный провести не мог? — зло хохотнула я. — Или я в неподходящем наряде?

Отведя взгляд Риган шумно выдохнул, потер лицо, удрученно покачав головой словно в ответ на какие-то свои мысли, а после в два шага приблизился, обхватил ладонями мое лицо и проговорил:

— Я объясню тебе все. Все, что еще не успел объяснить, что не успел рассказать. Но я прошу тебя, полетели со мной. Тебе нельзя возвращаться к благим, ты там умрешь!

— Ладно, — вынуждена была согласиться я. — Полетели.

Лицо Ригана тут же посветлело. Он посадил меня, помогая взобраться на покатую и очень неудобную для сидения спину дракона, сам взобрался следом, сел позади и натянул поводья.

Радость дракона, казалось, можно было ощутить на вкус, настолько она чистым и неконтролируемым потоком хлынула из него. Резво подхватившись, словно только этого он и ждал, ящер расправил крылья, оттолкнулся и в несколько сильных взмахов поднялся в воздух, стремительно увеличивая расстояние между нами и безжизненной землей, испещренной черными потеками и выщербленными зубринами. И как только мы отделились настолько далеко, что мертвые деревья стали похожи на крохотные черточки, а камни — на точки, застывший мир тут же ожил. Усиленными потоками хлынула лава из кратеров, игривыми змейками устремившись вниз, «чихнула» новой порцией пепла кальдера посередине, окутав все вокруг себя не проницаемой удушливой тучей. Небо прорезала новая голубая вспышка и резко начало темнеть, хотя откуда берется свет изначально было непонятно, ведь солнце или хоть какое-то его подобие отсутствовало. Но теперь с потемневшими, потяжелевшими небесами возникло ощущение как будто вот-вот хлынет ливень. Причем не просто сильный дождь, а настоящий библейский потоп.

— А вот и Аэрн, — перекрикивая шум ветра в ушах, сообщил мне Риган то.

— Мы успеем? — затревожилась я, хотя и особого страха уже не испытывала. Короля благих я не опасалась, а вот того, кто обнимал меня со спины, удерживая на драконе — очень даже. Риган по-прежнему ощущался чужим, кроме того, периодически в его глазах вспыхивало что-то злое, тяжелое, жуткое, подкрадывающееся в тишине с желанием вырвать тебе горло. Может быть, мне просто казалось, а может быть нет. Мания преследования порой является проявлением отлично работающей интуиции.

— Должны, — рыкнул он и еще сильнее натянул удила, хотя дракон и так махал крыльшками изо всех сил, выкладываясь на полную. Обхватив себя за плечи руками в бесполезной попытке согреться и прогнать сковавший тело и разум холод, я, пересиливая

потоки ветра, хлещущие по лицу, оглянулась назад.

Мы уже успели улететь достаточно далеко — вулканы остались позади, напоминая о своем существовании лишь смутно вырисовывающимися силуэтами на фоне грузного неба. Ландшафт под нами начал меняться. Черные бугристые разливные реки застывшей вулканической магмы становились все меньше и тоньше, все чаще прерываясь и останавливаясь под натиском дикой гористой местности, выглядящей абсолютно непроходимой — крупные глыбы камней, обрывы, ущелья и столбообразные скалы, которые казались не только неприступными, но и убийственно опасными.

— Держись! — выкрикнул мне в ухо Риган и дракон, который набрал такую высоту, что уже буквально касался крыльями облаков, вдруг сложил их, прижав к себе и рванул вниз, навстречу вертикальным каменистым остовам, словно собирался броситься на них грудью.

Это было больше похоже на отвесное падение, чем на полет, ведь мы сорвались вниз под практически прямым углом. Но, кажется, из всех троих беспокоилась лишь я. Беспокоилась и орала во всю мощь легких, в то время, как вытянув шею далеко вперед, дракон стрелой летел к земле.

И за несколько мгновений до фатального столкновения чешуйчатый вышел из пике и нырнул в хлынувший с неба непроницаемый поток воды...словно облака порвались и водопадом с небес выплеснули все, что долго копилось.

Я успела лишь закрыть глаза.

А когда смогла дышать, а не булькать, открыла их вновь и увидела, что от черно-серой долины с вулканами и мертвыми деревьями не осталось и следа.

Мы летели, нет, не так. Мы парили на огромным, густым и таким зеленым лесом, что в первое мгновение мне подумалось, что водичка в том вылившемся на наши головы облаке была не простая, а галлюциногенная. Потому что не бывает таких ярких, таких насыщенных, будто живых и выпуклых тонов. По крайней мере, мне казалось, что не бывает.

А там, за лесом, к краю которого мы уже успели подлететь, пока я изумленно моргала и терла глаза раскинулся город. Широкие улицы, вымощенные блестящими, переливающимися на ярком полуденном солнце черными камнями, похожими на опал. Тут и там виднелись пышно цветущие сады, являющие собой всё буйство красок. Вдоль улиц тянулись аккуратные двухэтажные домики, выглядящие так, словно строили их из разноцветных леденцов. Они все были похожи друг на друга — архитектурой и использованными строительными материалами, и при этом каждый домик отличался от всех остальных. Один не возможно было спутать с другим, но отчетливее других выделялось большое строение, возведенное в самом центре города, напротив круглой площади по периметру которой высились изящные статуи, а центре журчали фонтаны, чьи струи резво поднимались, на мгновение замирали в воздухе и опадали вниз. Этот дом был больше поход на дворец со своими шпилями, башенками и колоннадами. Он словно состоял из разных зданий, спаянных в одно. Отдельные его части заметно выступали вперед, придавая дворцу несовершенную, но причудливую форму. Стены украшали прямоугольные и вытянутые арочные окна, витражи и балкончики. Главный вход был обозначен небольшой двустворчатой дверью, которую венчали высокие декоративные дуги и небольшие скульптурные группы. Слева и справа от входа на стенах виделись барельефы, изображающие сцены сражений.

Город впечатлял, восхищал и завораживал, все в нем казалось волшебным и по идее, в таком городе должны были жить восхитительные чудесные существа, но нет. Этот город был тем местом, где волшебство соседствовало с ужасом.

42.

По улицам города передвигались существа, которые должны были бы существовать лишь в средневековых сказках — чтобы пугать нерадивых детей и вынуждать их слушаться родителей. Но в этот момент я видела детский ужас наяву.

Пауки с человеческими головами неторопливо следовали вдоль по улицам, старатель прячась от солнца в тени домов. Огромные крылатые и рогатые существа перелетали с одной стороны улицы на другую. Крупные двуногие существа с телом человека, переевшего стероидов, и бычьими головами что-то обсуждали, обравшись в кружок. Женщины, у которых прямо из голов росли не волосы, а змеи неторопливо прогуливались вокруг фонтанов, периодически с удовольствием подставляя свои головы под кружащую в воздухе взвесь мелких брызг.

Когда мы уже снизились настолько, что пролетая над городом дракон едва не задевал пузом крыши домов, дверь одного из них распахнулась и на улицу чинно шагая вышел полулев-полускорпион. Держу в воздухе хвостом, который венчали впечатляющей длины игла, он направился в сторону леса.

Проводив взглядом существо, с которым я точно не захотела бы столкнуться в каком-нибудь узком переулке, я теснее прижалась к спине дракона, потому что не очень аккуратно взмахнув крыльями еще пару раз, он грузно приземлился прямо в центре площади, едва не снеся один из фонтанов, а в другой чуть не столкнув змееголовых дам. Возмущенно заорав, те кинулись врассыпную, спешно удаляясь с нашей дороги.

Риган спрыгнул с явно очень уставшего и подрагивающего от перенапряжения дракона и помог спрыгнуть мне. Тут же со всех сторон полетели заинтересованные взгляды. Даже из близлежащих садов повысовывались горящие огнем любопытства мордочки девочек с коричневыми пятнышками на перепачканных землей мордашках.

— Ты отлично постарался сегодня, — похлопал Риган дракона, который судорожно вздохнул, припав на задние лапы. — Покажись Морану, пусть он тебя подлатает, а после отдыхай.

Дракон кивнул и, тяжело переступая лапами, развернулся, чтобы опять взлететь в воздух.

— Куда он? — глядя на с трудом набирающего высоту и периодически рывками дергающегося дракона.

— В лес, там обитает наш...ну, кто-то вроде лекаря, — отмахнулся Риган и потянул меня ко входу во дворец.

Внутри было пусто, хотя я успела заметить, как шмыгнула на лестнице тень, скрывшись наверху в сопровождении едва уловимого шуршания. Внутреннее убранство соответствовало внешнему виду — вокруг сплошь камень и стекло.

— Любопытный интерьер, — протянула я, осматриваясь. — Чей теремок?

— Мой, — ответил Риган, застывая напротив. Он выглядел уверенным, сосредоточенным, собранным, но при этом чувствовалась какая-то нервозность — в том, как он отвел взгляд, как убрал руки в карманы, как коротко кашлянул.

— Если бы я была Алисой в Стране Чудес, я бы сказала: «Все чудесатее и чудесатее». Но я у меня другое имя и сказка другая, поэтому я скажу: «Риган, какого хрена?».

— Я давно тебе хотел сказать..., - замялся вдруг он, — то, как ты меня называешь...это не имя. Не моё имя.

Я вздернула бровь.

— А что? Кличка? Как у песика?

— Нет, — короткий взгляд исподлобья. — Это титул, эквивалентный правителю.

— Так ты у нас теперь царь? — сделала я неутешительный вывод. — Или король? Король дракайнов, так? Унаследовал титул вслед за папулей — насильником.

— Ты не выглядишь удивленной, — заметил он.

— С тех пор, как мы виделись с тобой последний раз, много чего произошло, — промолвила я и прошла вдоль стеклянного, абсолютно прозрачного стола, который в свете проникающих сквозь окно лучшей отливал розовым перламутром.

— К чему ты клонишь? — раздраженно бросил Риган.

Мы посмотрели друг на друга через стол.

— Знаешь, я начала вспоминать. Это не как в фильмах, когда перед твоими глазами проносится калейдоскоп картинок, словно кто-то поставил фильм на режим ускоренного воспроизведения. Это скорее череда мыслей, которые вдруг посещают твою голову вместе с ощущением абсолютной их истинности. Это как посмотреть на кружку и сказать: «Да, это кружка», зная, что именно так оно и есть — ты держишь в руках именно кружку. Так и со мной.

— Ты увидела кружку и поняла, что это именно кружка? — хмыкнул Риган.

— Да, примерно так, — мягко улыбнулась я, обошла стол с противоположной стороны и в несколько плавных шагов приблизилась к Ригану, чтобы приподнявшись на цыпочки уткнуться ему носом в ключичную ямку.

— Знаешь, — прикрывая глаза и вдыхая его запах, такой родной, такой знакомый прошептала я. — Когда мы были вместе я иногда просыпалась по ночам, смотрела на тебя спящего и думала, как этот человек оказался в моей жизни, да еще и сумел врасти в неё так крепко, что не выдернуть? Я как будто отвлеклась на мгновение, потеряв нить повествования, а когда вернулась в сюжете уже присутствовал пугающе властный мужчина, почему-то очень важный для рассказа.

— Я не появился, — шепотом ответил Риган, прижимая меня к себе так тесно, что наши сердца вновь ощутили сердцебиение друг друга. — Я никуда и не уходил из твоего рассказа. Ни из этого, ни из всех предыдущих.

— Ты не ответил на вопрос, — напомнила я, едва слышно, наслаждаясь этим мгновением полного единения. Пытаясь запомнить его до малейшей детали, впечатать в память, как выбить в камне.

— Ответил, — пробормотал он мне в макушку, одновременно целуя мои волосы так, как он делал это когда-то. — Ты просто плохо слушала. Во всех мирах и во все времена нам суждено быть вместе.

- Как тебя зовут? — подняла я лицо навстречу его легким, мимолетным, словно порхание бабочки по летнему полю поцелуям.

Он не торопился отвечать, покрывая дорожками прикосновений мои щеки, губы, лоб. И лишь достигнув уха, он прошептал:

— Азраиль.

И все встало на свои места.

— Я хотела быть с тобой в любви, — проговорила я в мягкие полные губы, ищущие мои. — А придется быть против тебя на войне.

А потом я загорелась.

Я горела в надежде спастись.

Означал ли поиск спасения наличие веры? Веры в себя, в жизнь, которая должна была — не имела права! — закончиться именно так, в этот день и в этот миг? Или же это просто резонировал в теле древний инстинкт выживания, старательно возвращённый предками, которые, прижимаясь друг к другу в холодных сырых пещерах знали, что тьма опасна и полна чудовищ? Пыталась ли я спастись потому что верила? Или потому что подсознание, стремящееся выжить несмотря ни на что, не позволяло мне сдаться?

Что может рассеять первобытную тьму, в которой прячутся монстры? Только огонь.

Однажды, выводя меня из очередного запоя Сашка спросил — как влюбляются женщины? Влюбляются ли они просто так или за что-то? И можно ли из этого что-то вывести среднее арифметическое? Некое усредненное уравнение, применимое ко всем? Сразу ли она понимает, что влюбилась или ей требуется время, чтобы осознать свои чувства? И что происходит дальше? Начинает ли она видеть объект своей любви как-то по-другому? В ином, более выгодном свете? Или гиперболизации чувств не строго обязательна?

Я тогда очень смутно поняла вопрос. Во-первых, он был задан в тот момент, когда голова моя, по ощущениям больше напоминающая переспевшую грушу, болталась над унитазом, периодически то бледнея, то серея. Во-вторых, о любви я знала крайне мало. Не только о любви между мужчиной и женщиной, но и о любви в принципе, как о чувстве, выражающемся в глубокой привязанности и устремленности к другому человеку.

Я тогда в ответ лишь пожала плечами — разговор был странным, странным был и Сашка, который, недовольно поджав губы подал мне стакан воды.

— А за что влюбилась ты? — спросил он через время.

И тогда, подумав, я ответила:

— За то, что он читал мне сказки на ночь.

Сашка поперхнулся и устремил на меня пристальный взгляд ледяных глаз.

— Что?

— Часто бывало так, что я не могла уснуть. И тогда он придумывал и рассказывал мне сказки, под которые я засыпала. Знаешь, я слышала много начал, но не слышала ни одного конца. Теперь я уже никогда не узнаю, чем заканчивались его сказки, которые он придумывал для меня.

Тогда я еще не знала, что мы влюбляемся не за какие-то отдельные черты. Не потому, что он хорошо готовит. Не потому, что выучил все твои любимые песни, чтобы петь их вместе в караоке. Не потому, что помнит про вашу годовщину. И не потому, что у него ямочки на щеках, когда он улыбается. Мы влюбляемся не тогда, когда нам западает в душу несколько паззлов из картинки. А тогда, когда все паззлы складываются в такую картинку, которая подходит именно тебе.

Многие женщины влюбляясь, начинают наделять свои чувства каким-то особым смыслом, как другие делают это с местами, вещами и предметами. Но смысл в том, что в этом нет никакого смысла. Вот такой вот парадокс. Все эти смыслы лишь в нашей голове, в реальности — ничего этого нет. Как нет и тех чувств, которые на самом деле остались далеко в прошлом. Вместе с теми людьми, которых мы там оставили. И когда прошлое удастся отпустить, его призраки уходят вместе с ним.

Вот, что происходило со мной в тот момент, когда я горела, пылая таким ярким огнем, что даже мне было больно на него смотреть — я отпускала его. Я опускала Ригана, сторяя вместе с теми чувствами, которые жили во мне все это время.

И когда рёв огня затих, во мне осталась лишь пустота. Но это была приятная пустота. Иная. Та пустота, которой ты рад. Ты встречаешь её на пороге, приглашаешь к столу, как самого дорого гостя, и вы потом долгое время сидите друг напротив друга, слушая тишину.

— Фима? — это был наполовину вопрос, наполовину изумленный окрик.

Я вышагнула из огня прямо в кабинет Сашки. Его владелец, вцепившись в кофейную кружку, стоял у своего стола с таким уставшим лицом, которое можно увидеть лишь у окончательно отчаявшихся людей.

— Знаешь, это было очень странное путешествие, — улыбнулась я так, как уже давно не улыбалась. А, возможно, вообще никогда. Приветливо.

И я просто стояла и молча улыбалась. А ему и не нужны были слова.

Может быть, это и есть признак истинной близости с человеком?

Когда в чужом молчании ты слышишь то, что невозможно передать словами?

Я приподняла руку и увидела, как под тонкой кожей на запястье начинает проступать рисунок.

Это была Роза ветров.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

Больше книг на сайте - Knigoed.net